

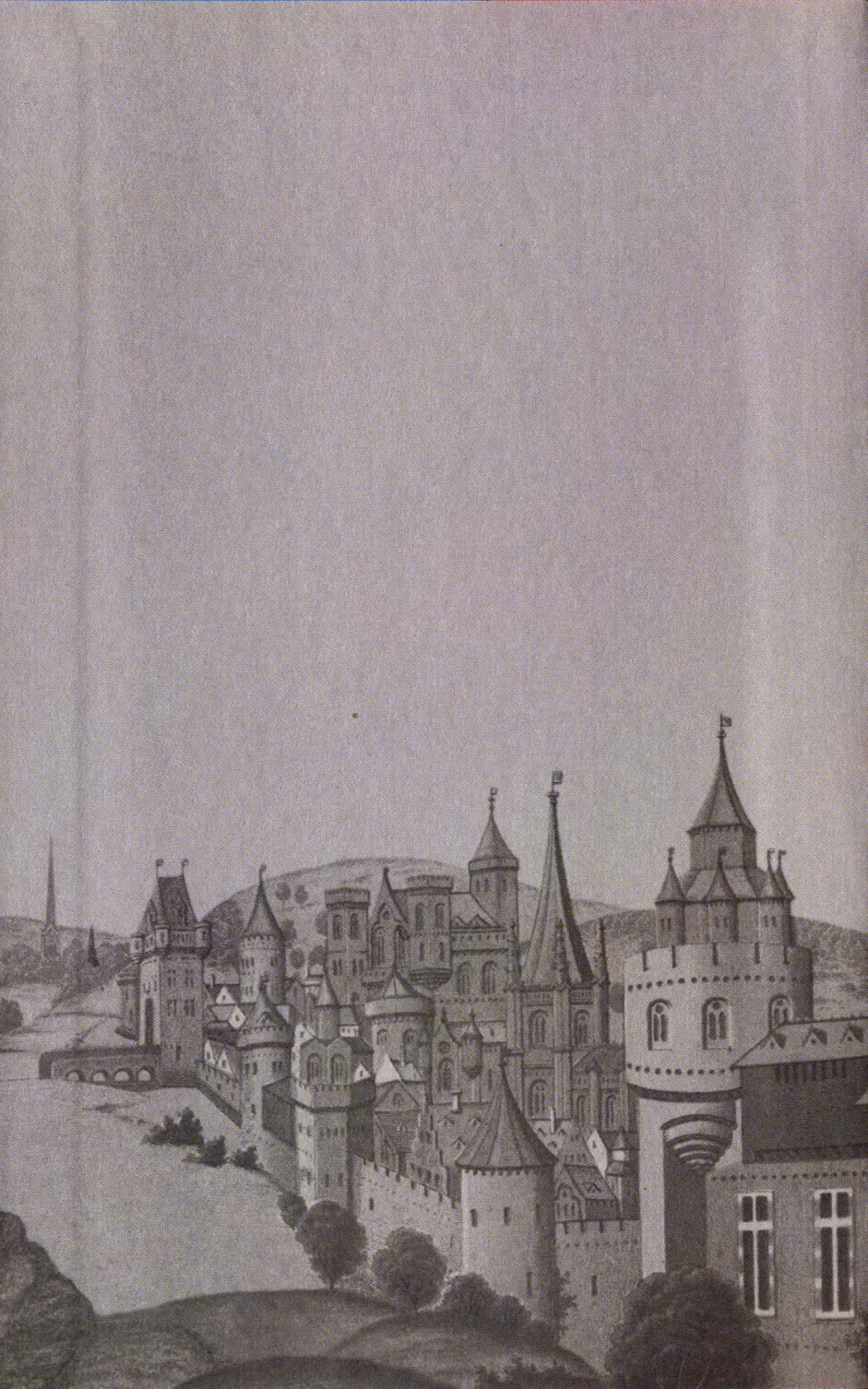
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Симона Ру

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ПАРИЖА В СРЕДНИЕ ВЕКА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Симона Ру

Simone Roux
PARIS AU MOYEN ÂGE

PARIS · HACHETTE LITTÉRATURES

ЖИЗНЬ

ПАРИЖА В СРЕДНИЕ ВЕКА

УДК 94(44)“653”
ББК 63.3(4Фра)4
Р 82

Перевод с французского
Е. В. КОЛОДОЧКИНОЙ

Научный редактор
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
А. П. ЛЕВАНДОВСКИЙ

Художественное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Перевод осуществлен по изданию:
Simone Roux. Paris au moyen âge
Paris, Hachette Littératures, 2003

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры
(Национального центра книги)

ISBN 978-5-235-03100-5

© Hachette Littératures, 2003
© Колодочкина Е. В., перевод, 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2008
© «Палимпсест», 2008

Цель этой книги — поведать о повседневной жизни парижан и парижанок в три последние столетия Средневековья, высветить те грани, что еще недостаточно изучены в процессе исследований этого знаменитого города. В каждом веке взгляд на французскую столицу менялся, и новые труды пополняли длинный список посвященных ей книг. Их написано столько, что, казалось бы, новая будет лишней. Но мы попытаемся доказать обратное.

Настоящее исследование проводится в гораздо более скромных рамках и следует менее строгим правилам, чем те, которым подчинялись старинные труды о Париже. Средневековые историки вменяли себе в обязанность охватить всю историю вопроса и даже обратиться к мифологии. Их повествование о Париже зачастую включалось в сочинения, охватывающие огромное время и пространство. Так, в произведении Рауля де Преля (1371) краткая история Парижа включена во французский перевод «О граде божьем» Блаженного Августина. В XIV веке легенда возводила родословную французской столицы к Трое, и название Париж, пришедшее на смену древнему названию — Лютетия, охотно связывали с Парисом, похитителем Елены; столь славное прошлое должно было узаконить высокое положение этого города, легендарная история которого терялась в тумане минувших веков. Понятно, что в такой перспективе не

разглядеть повседневной жизни лавочника или масте-
рового.

В XVI веке, благодаря Жилю Коррозе, история сто-
лицы выделяется в отдельную тему и обретает самосто-
ятельность. Настоящая жизнь во множестве аспектов
занимает в ней значительное место. Коррозе напи-
сал своего рода историю-путеводитель: «Лучшие древ-
ности, достопримечательности и чудеса благородного
и славного града Парижа, столицы Французского коро-
левства» (*La Fleur des Antiquités, singularités et excellences
de la noble et triomphante ville et cité de Paris, capitale du
royaume de France*), которая с 1532 по 1555 год выдер-
жала десять изданий — неоспоримое доказательство
большого успеха. Затем произведения о Париже стали
многочисленнее и разнообразнее.

Однако история, которой мы займемся, долгое
время оставалась без внимания. Город сам по себе —
не только его основные достопримечательности, но и
улицы, обычные дома — часто рассматривался только
как декорация. Описание жизни большинства его оби-
тателей зачастую сводилось к беглым замечаниям или
нескольким общим фразам, парижанам отводилась
роль статистов, малозаметных в глубине сцены. Жили
они в XIII или в XVI веке, это ничего не меняло. В оправ-
дание многим историкам, изучавшим средневековую
столицу, следует сказать, что анализировать повседнев-
ный быт сложно, потому что о нем сохраняется меньше
документальных свидетельств, чем о жизни государей,
их правлении и войнах. Таким образом, в нашем иссле-
довании есть кое-что новое или, по меньшей мере,
мало изученное.

Исследование охватывает три последних столе-
тия средневекового периода. Углубиться в историю,
предшествующую XIII веку, несложно, но тогда при-
дется изменить угол зрения и уже не пытаться вычле-
нить историю города из письменных свидетельств, в
которых она играет второстепенную роль. Та исто-
рия носит более глобальный характер и рассматри-
вает укрепление власти Капетингов и приспособлива-
ние феодалов к этой зарождающейся силе, историю
старинных монастырей и новых религиозных учреж-

дений; это история общего подъема Запада начиная с X века с точки зрения Парижа, ставшего столицей королевства при Филиппе Августе. С этого момента можно писать историю города, поскольку в источниках есть упоминания о его развитии, занимаемой им площади, возводимых на его территории сооружениях, а также о приросте населения. В этом законное обоснование отправной точки нашего исследования.

Зато остановка в конце XV века не обусловлена так же четко. Она соответствует традиционному делению истории на периоды, которое можно принять лишь условно, особенно в том, что касается истории городов. Однако нельзя объять необъятное, так что остановимся на пороге Нового времени. Три избранных нами столетия — эра парижского средневекового мира, который, без сомнения, одно время играл основополагающую роль в городской истории. Три века, то есть дюжина сменившихся поколений, если принимать по четыре поколения в век, представляют собой достаточно длительный исторический период, чтобы можно было уловить развитие, изменения, всякого рода подвижки, показывающие, как живет и существует та или иная эпоха.

Содержание исследования определено тремя ключевыми моментами.

Во-первых, читателю будет представлено пространство Парижа — заключенное в рамки городских стен и организованное таким образом, чтобы различные власти могли им управлять, а также более знакомое пространство городских улиц. В третьей главе мы расскажем о том, как это пространство было населено, откуда взялись парижане, как они стали горожанами, которые порой считали себя людьми, стоящими выше других.

Во-вторых, мы рассмотрим основные аспекты средневекового общества исходя из трех точек зрения, являющих собой три организационные оси, которые накладываются одна на другую, дополняют, а порой и перебивают друг друга. Деньги и богатство определяют социальную иерархию, структурирующую столичное общество, и в этом отношении мегаполис —

такое место, где крупное состояние предоставляет наибольшее число возможностей. Однако могущество основано также на властных полномочиях, и в Париже у властей всякого рода есть свои агенты, чиновники, уполномоченные и представители. В этом функция политической столицы, резиденции королей и двора, это роль места постоянного пребывания главных органов правительства, которые определяют и классифицируют социальный статус согласно различным уровням почётности и успеха. Наконец, эти шкалы могущества и престижа будут рассмотрены с точки зрения Церкви, которая соединяет и укрепляет все формы превосходства в этом мире, утверждая, что пользуется ими для спасения людей. Эти иерархии, которые в нравственном представлении тех времен считались установленными Богом, а потому непреходящими и неприкосновенными, заправляли повседневной жизнью парижан и парижанок, определяя собой их поведение, их устремления и требования.

В-третьих, не выходя за рамки, установленные этими подходами, мы попытаемся выяснить, как протекала жизнь основного населения. Имея мастерскую или лавку, живя в хозяйском доме или снимая угол, люди трудились, чтобы заработать на хлеб. Париж — огромный центр потребления, столица, обслуживающая богатую клиентуру, центр производства и торговли, что обуславливает предоставление рабочих мест и дает надежду на повышение по социальной лестнице. Местечковая солидарность — цеховая и корпоративная — порождает взаимопомощь, определяет способность жить в обществе. Узы, наложенные семейной и общественной иерархией, легче переносить благодаря этим добровольно выбранным и уравнивающим связям. Чтобы не впадать в анахронизм, а такая опасность возникает, как только недостаток документов побуждает заполнять пробелы более современной информацией, мы обратимся к таким темам для исследования повседневной жизни, как жильё, еда, одежда, распорядок дня, работа и отдых, и другим подобным вопросам, ответить на которые можно лишь в том случае, если это позволяют средневековые источники.

Мы увидим, что рассматриваемые темы пересекаются, возникают несколько раз в разные моменты исследования. Нельзя забывать, что вычленяемые для анализа аспекты в реальной жизни тесно связаны друг с другом. Так, Церкви посвящена отдельная глава, однако религиозная тема присутствует на всех этапах исследования.

Мы не претендуем на точное и полное отражение повседневной жизни столицы, хотя на закате Средневековья документальные источники стали более полными и подробными. Историк должен уметь сказать, что осталось в тени. Еще многое предстоит изучить, чтобы пролить свет на очередную страницу истории.

ПАРИЖ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ. XIII—XV ВЕКА

Вначале рассмотрим пространство, определенное сооружением городской стены, и людей, преобразовавших это пространство в большой город. Благоустройство средневековой столицы в основном завершилось в XIII веке, в первой половине следующего столетия ее рост продолжился, затем застопорился. Париж пережил период упадка в первой половине XV века, но к концу Средневековья снова начал расширяться и крепнуть.

Улицы с выходящими на них домами (места, где частное соединяется с общественным) открывают более широкий вид на город, позволяют рассмотреть его более подробно; такой подход проливает свет на повседневную жизнь горожан вне их жилищ, дополняет исследование городского пространства. Простые горожане не играли главной роли в большой истории, но именно они сформировали облик средневекового города.

В первой части нашего исследования мы рассмотрим также течение жизни столичных обывателей сквозь призму коллектива. Парижане, укрывшиеся за городской стеной, на своих знакомых улицах, сплачиваются в группы, образуют некое целое, общину, сознающую свое значение. В целом, история Парижа долгое время была весьма успешна.

Глава первая

Пространство, четко очерченное властями и освоенное парижанами

Средневековый Париж не занимает много места на территории современного города, который, кстати, не так уж и велик для мегаполиса. Историю этого пространства можно прочесть по следам укрепленных стен, обозначавших контуры столицы, и судить по ним о средневековом градостроительстве. Внутри городских стен пространство было организовано по церковным, административным и военным округам. Приходы, владения, кварталы редко совпадали, и такая сложная география вызывает вопрос о том, как же парижане жили и осваивали пространство своего города и своего квартала.

Городская стена определяет облик города в XIII веке

Сооружение городской стены, начатое по воле Филиппа Августа, — важный этап в истории Парижа. Она придала наглядную форму уже благоустроенным зонам и наметила те, которые король хотел развить. Стена, законченная в начале XIII века, очерчивает почти круглый город, его с юго-востока на северо-запад пересекает Сена, в центре которой находится остров Сите.

Стена на правом берегу, возведенная в рекордное

время — с 1190 по 1200 год, финансировалась горожанами, но стена на левом берегу, еще мало населенном в конце XII века, была наверняка оплачена из королевской казны и строилась с 1200 по 1220 год. (В 1262 году суд отказал в иске аббатству Святой Женевиевы, заявившему о своих правах на ворота Сен-Марсель, выстроенные на месте хижины, которая принадлежала аббатству. Суд решил, что ворота принадлежат королю, поскольку и стена, и ворота в ней были оплачены из королевской казны.) Все это сооружение описывает окружность длиной 5300 метров. Кое-что от него осталось, и эти остатки бережно сохраняют в современном Париже. На правом берегу их можно увидеть на улице Жарден-Сен-Поль, а на левом — на улице Кюжаса.

Городской вал состоял из двух стен: вертикальной внешней и внутренней, слегка наклонной; промежуток между этими стенами из тщательно подогнанных камней был засыпан щебенкой и залит известью. Ширина вала составляла три метра у основания и два метра тридцать сантиментов у верхнего края. Сверху проходил дозорный путь, вымощенный каменными плитами и огороженный парапетом с бойницами. С внешней стороны над валом возвышались башни, отстоящие друг от друга примерно на шестьдесят метров (расстояние полета стрелы), что повышало его защитные свойства. Башни были круглые, диаметром примерно в три метра, из города туда можно было попасть по небольшому коридору в метр шириной, проделанному в стене. Проход через ворота (шесть на правом берегу и пять на левом) днем был свободным, а по ночам их запирали в целях безопасности.

Городской вал проходил через пригородные селения с огородами и виноградниками. На правом берегу за городской чертой осталось селение Сен-Мартен-де-Шан, а на левом — Сен-Марсель и Сен-Жермен-де-Пре, хотя последнее можно было бы и включить в черту города, как, например, аббатство Святой Женевиевы. Вопрос о включении селений в пространство Парижа решался в результате переговоров между различными властями: королем, горожанами, интересы которых представляли прево и четыре эшевена, и крупными

монастырями, на чьих землях находились селения. Дискуссии с начальством монастырей, владения которых оказались разрезанными пополам городской стеной, наверняка были острыми, поскольку аббаты могли считать себя ущемленными в правах на землю и обманутыми в надеждах на прибыль, которую сулило развитие города. Подробности переговоров не документировались, сохранился только результат: стена.

Зато с уверенностью можно сказать, что Филипп Август хотел способствовать развитию своей столицы и ускорить его. Для первой трети XIII века стена была грандиозным сооружением, она очертила границы будущего города, который должен был быть «полон домов до самого вала», о чем свидетельствует хронист Ригор: «В то лето повелел король Филипп огородить стенами град Париж с юга до самых вод Сены столь широко, что внутрь стены попали поля и виноградники, затем приказал строить повсюду дома и жилища и сдавать их людям во владение, дабы весь город оказался полон до самых стен» («Хроника Сен-Дени»).

Пространство и рост города в XIII веке

Сооружение стены дало мощный толчок градостроительству. В стены города устремилось множество людей, увеличение числа жителей повлекло за собой строительство домов; урбанизация выражалась в прокладке улиц, возведении новых и перестройке старых церквей. Хотелось бы подробнее проследить за этим бумом, но от него сохранилось мало следов. О мощном разрастании города можно судить по спорам между всеми, кто обладал правами на землю, и по деятельности населения. Первый всплеск градостроительства выразился в распределении прав, доходов и компетенций властей, деливших между собой огороженное пространство. Их было нелегко определить, но если заинтересованные лица приходили к согласию, то решали всё четко.

Строительство на правом берегу привело к исчезновению огородов в этой болотистой и влажной мест-

ности. Склоны левого берега были заняты виноградниками, обнесенными оградой. В обоих случаях земледелие, уже приспособленное под нужды городского населения, было рентабельно, и деление земли на участки предпринималось лишь тогда, когда ожидаемые выгоды от этой операции во многом превышали существующие доходы. Левый берег начал застраиваться почти через полвека после правого, когда документы составляли уже не так лаконично (а землевладельцы уже лучше разбирались в проблемах, вызываемых урбанизацией), поэтому о разделении виноградников на наделы существуют четкие административные акты.

Названия Брюно, Лаас, Гарланд^{*} или Мовуазен, сохранившиеся в топонимике, напоминают о былом значении этих пригородных виноградников. В начале XIII века из них нарезали земельные участки, виноградные лозы вырубали, а землю уступили за денежный оброк застройщикам, обязавшимся выстроить дом на каждом участке. Вне формулировки *ad domos faciendas* (для сооружения домов), уточняющей цель этой операции, сохранившийся текст в основном посвящен разделению прав владения и прикреплению будущих жителей к тому или иному приходу.

Случай с виноградником Брюно, зажатым между улицами Нуайе, Карм, Сен-Жан-де-Бове и Сен-Гилер, ясно описан в документах. Он принадлежал парижской епархии. В 1202 году Эд де Сюлли урегулировал приходский статус его жителей: епископ уступил свои права на виноградник Брюно в обмен на права, которые принадлежали аббатству Святой Женеьевы, на церковь Святой Женеьевы Малой на острове Сите. Отказавшись от этого прихода, аббатство включило в принадлежавший ему левобережный приход только что вычлененный земельный участок (в тексте сказано: «виноградник Брюно, отданный под жилье»). Однако епископ сохранил за собой право вершить правосудие. По этому пункту прелат вступил тогда в спор с королем, который требовал этого права для себя, но в конечном

---

* Это имя могущественного рода из окружения Капетингов впоследствии превратилось в «Галанд» и в таком виде сохранилось в названии современной улицы. (Здесь и далее примечания автора)

счете в 1222 году конфликт разрешился в пользу епископа.

Случай с виноградником Мовуазен не менее хорошо документирован. В том же 1202 году аббатство Святой Женевьевы заключило договор со светским сеньором Матье де Монморанси на выделение этого виноградника под земельный участок, ограниченный на севере малым рукавом реки, между улицами Сен-Жюльен и Галанд, а на востоке — площадью Мобер. Название Мовуазен (дурной сосед), вероятно, происходит из-за соседства Сены — довольно опасного в этой низменной местности. Там предполагалось поместить «хозяев». Суть договора: раздел прибылей, ожидаемых от этой земельной операции. Аббатство подтверждает свои права землевладельца на будущие постройки (пошлина в три су восемь денье за землю, на которой стоит дом)* и право на дорожную пошлину с улиц, находящихся в его власти. Другие феодальные доходы, пошлины на перевозимые товары, на проезд и торговлю аббатство будет делить с Матье де Монморанси. Включив хозяев в свой приход Мон, оно сохраняет за собой ожидаемые от этого доходы. (Прихожане выплачивали приходскому кюре различные «пожертвования» во время церковных служб и подносили ему различные «подарки» по существующему тарифу за совершение обрядов крещения, брака и похорон. Большое увеличение числа прихожан, которого можно было ожидать от разрастания города, означало рост доходов главы прихода.)

В начале XIII века урбанизация левого берега Сены завершилась застройкой земель, до сих пор использовавшихся для сельскохозяйственных нужд (в данном случае виноградников), что было закреплено в письменных договорах с землевладельцами, и заселением их новыми жителями, что означало главным образом прикрепление их к тому или иному приходу. Довольно

---

* Пошлина на землю выплачивалась феодалу-землевладельцу: она была установлена раз и навсегда и не обеспечивала крупных финансовых поступлений. Однако она была неотъемлемым правом сеньора, и каждый домовладелец должен был выплачивать ее ежегодно, признавая тем самым вторичность своих земельных прав и главенство над ними прав сеньора. Вот почему феодалы относились очень внимательно к взиманию этой пошлины, подтверждающей их права.

скоро эти преобразования привели к реорганизации религиозной географии путем раздела прежних приходов, порой разрезанных новой стеной, как в случае с приходом Сент-Андре-дез-Ар. Столь важные перемены вынудили епископа, распорядившегося религиозной жизнью Парижа, землевладельцев, по большей части церковных, и короля, решившего развивать свою столицу, прийти к согласию по поводу раздела компетенций и доходов, ожидаемых от новых жителей. Слияние феодального владения и прихода — характерное явление, тем более яркое, что оно оставило более всего письменных свидетельств. Ранее, во второй половине XII века, подобное явление наблюдалось и на правом, торговом берегу Сены, но оставило меньше документов.

Свидетельства о преобразованиях

Урбанизация вынуждала переосмыслить пространство и способы экономического и административного управления. Поскольку дошедшие до нас источники в основном происходят из парижских поместий, задокументированными оказались представления феодалов о городском пространстве и о постепенном преобразовании управления землями и людьми, ставшими парижанами. В этом отношении показателен пример аббатства Святой Женеьевы.

Выделение участков, намеченное аббатством, стало осуществляться в начале XIII века, однако составленные в 1250-е годы реестры аббатства Святой Женеьевы, куда вносили подати и доходы, весьма противоречивы. По своему содержанию они отражают прогресс урбанизации, поскольку содержат список людей и их домов в той части поместья, которая отошла к городу. По своей форме цензовые реестры составлены так, будто города нет, а управление ведется словно в большом селении.

Действительно, списки, составленные писцом, распределены по старым разделам, которые уже не соответствуют новому положению на этих землях. Имена

большинства людей, облагаемых податями аббатством-сеньором, встречаются в двух рубриках: «винный оброк» и «луговой оброк», причем первый список длиннее. Ожидаемый оброк должен поступать с виноградников, однако в этом списке после каждого имени уточняется: «со своего дома», таким образом помечается, что виноградник уже давно исчез. По ходу списка клирик порой помечает название улицы, где находится дом, но изучение этих пометок не выявляет никакого топографического порядка. Другой крупный раздел цензовых реестров середины XIII века (о «луговом оброке») напоминает о том, что оброк связан с доходами от выпаса и сенокоса, что объяснимо, поскольку некоторые дома расположены вдоль берега Сены. Впрочем, в этих же реестрах, в другом разделе, озаглавленном «Имена тех, кто платит оброк сеном», названы люди, которые, похоже, были парижанами и жили в самом городе, поскольку упоминались среди лиц, плативших «с дома». К длинным спискам винного и лугового оброка добавляются более короткие разделы, порой ясно определяемые топографией, а иногда весьма туманно: например, «в различных местах».

Вариантность разделов в реестрах середины XIII века отражает медленную адаптацию феодального управления, организованного и задуманного в сельской местности, к новой, городской реальности. Инструмент управления (в данном случае упорядочение по типам оброка) в городской среде оказывается непрактичным. В этих длинных списках не сразу отыщешь злостных неплательщиков. Уже неактуально разделять тех, кто платит с виноградника, а кто — с луга, тогда как все платят, поскольку обладают домом в городе на территории поместья. С ростом населения увеличивается и риск не знать о тех, кто должен платить. Чтобы утнаться за этим ростом, не позабыть подчиненных, нужно записывать не только их имена, но и названия улиц, где находятся их дома. Поэтому количество топографических примечаний с годами увеличивалось. В реестре 1261 года за названием каждой улицы следует порядок домов, как по одну, так и по другую сторону улицы. В реестре 1276 года окончательно принят топографи-

ческий порядок. Конечно, в то время топонимия (как, впрочем, и антропонимия) еще не совсем устоялась, и некоторые примечания нам теперь неясны: например, «улица, где живет повар наш Анжис»), но интересен сам прием, ведь он показывает, что город установил свои порядки, в том числе и в управлении поместьем. Можно лишь удивляться, что адаптация к ним проходила так медленно. Аббаты-феодалы повели себя чересчур осторожно. Они старались, чтобы происхождение их прав, сохраняемое в названии подати, не забылось прежде установления новой законности. В конце XIII века все пошлины были объединены в земельный налог, ежегодная уплата которого стала основанием и подтверждением неоспоримых прав сеньора на землю и находящееся на ней недвижимое имущество.

К концу XIII века все парижское пространство было покрыто сетью улиц, имеющих названия, разделено на приходы, которые либо совпадали с цензивой, то есть оброчным округом, либо были отделены от нее, что образовывало довольно сложную географию: беспорядочное скопление крошечных приходов в центре города и огромных — на периферии. Такая религиозная география с незначительными внутренними изменениями сохранялась на протяжении всего Средневековья.

Эти рамкигодились и для гражданской географии, о чем свидетельствуют податные реестры парижских налогоплательщиков конца XIII — начала XIV века. Сборщики налогов работали по приходам, и в каждом из подразделов имена жителей были записаны улица за улицей. Даже название раздела указывало на маршрут следования. Во времена Филиппа Красивого парижское пространство находилось под строгим контролем властей.

Сложнее установить, каким образом парижане разбирались в этой путаной географии. Прежде всего следует подчеркнуть, что названия городских улиц нигде не указывались. Таблички, вывешенные в начале улицы на стене первого дома, или надписи, высеченные в камне (несколько образчиков дошли до наших дней), получили повсеместное распространение только в

конце Нового времени. Другой важный момент: не за всеми улицами названия закрепились быстро, а сеть городских артерий видоизменялась, приспособляясь к росту города и его внутренним преобразованиям. Письменных и вещественных указаний было недостаточно, люди того времени знали, что им придется дополнить имеющуюся информацию устными сведениями.

Пространство, огороженное защитной стеной, было заселено не одинаково. Вдоль бывших дорог, ставших главными городскими артериями — улицами Сен-Дени и Сен-Мартен, Сен-Жак, возле старых мостов, Большого и Малого, где в XI—XII веках образовались «посады», — плотность застройки была велика, на что указывает сложность проведения границ между цензивами и приходами. Но районы, прилегающие к городской стене или расположенные по берегам реки, плохо снабжаемые и затопляемые, заселялись гораздо меньше. Сведения о стоимости домов к середине XIII века указывают на то, что в недавно построенных кварталах цены были ниже. Однако не стоит пытаться делить город на зоны, ибо его жители занимались самыми разными видами деятельности, представители разных сословий жили рядом, и столица не расширялась, следуя неким правилам, навязанным властями, и согласно четкой политике социальной сегрегации.

Обычные участники парижского градостроительства

Эти люди чаще всего ускользают от исследования. О тех, кто строил конкретные дома, жил в них и вкладывал свой труд в благоустройство города, мало сказано в источниках. И все же они оставили в документах кое-какие следы. Пример тому являют цензовые реестры аббатства Святой Женеьевы.

В реестре 1261 года перечислены жители или домовладельцы с Поперечной улицы — по порядку домов вдоль одной ее стороны. Рену Башмачник платит «со своего дома»; несколько домов, прилежащих к жилищу

этого Рену, принадлежат некоей «дворянке», о которой более ничего не сказано. О перечисленных далее домах не говорится, что они соседствуют с домами «дворянки». Поскольку не уточняется, что дома «примыкают к предыдущему», можно полагать, что между ними существует разрыв — переулок? пересечение с другой улицей? пустырь, еще не застроенный или образовавшийся после разбора развалин? Трудно сказать.

Затем в списке идет дом Агаты, сестры Жана Каменщика, потом — Ришара из Уэльса, Жана Каменщика, брата Агаты. В черед перечисляемых строений попадает новый разрыв.

Далее следуют несколько явно примыкающих друг к другу домов: Жилона из Витри, каменщика, Гильома из Костонна, вдовы Археуса из Монтрея, который платит за три дома. В списках из других реестров снова встречается Археус, покойный плотник. В 1261 году одним из этих трех домов владел Эврар Плотник, вторым — вдова Археуса, а последним — некий «Мал Тинктус».

И снова разрыв в черед домов. Список продолжает дом Ришара Штукатура, ранее принадлежавший Фирмину Каменщику, к нему примыкает дом Никола Ломбарда, книготорговца, Берто — зятя «Клара Медика», которого в списках до 1261 года можно распознать под именем Берто из Коммерси (1256) или Берто Лотарингца (1257). Следующий дом принадлежит Ришару Англичанину, сменившему Эгидия Кровельщика. Ришар Англичанин жил в этом доме в 1258 году, в реестре этого года уточняется, что он прокурор Святого Бернара (то есть представляет монастырь Святого Бернара на судебных процессах или в других делах), его также попросту называют «мэтр Ришар». Затем идет дом Жерве Писаря.

Снова разрыв в перечислении домов, названных прилежащими, затем идет дом Амелена Маслоторговца, который ранее принадлежал «Проповеднице», и два дома, за которые платит Жирар из Бургундии. Эти точные, но сухие сведения дают представление о тех, кто способствовал расцвету города, и в то же время вызывают вопросы.

Во-первых, в том, что касается обычной застройки

этой части Поперечной улицы. Составитель реестра следует по восточной ее стороне в направлении на север, поскольку в 1276 году сказано, что Берто владеет домом между Мощеной улицей и улицей Александра Англичанина; это соответствует той части улицы, которая входит во владения аббатства Святой Женеьевы. В списке вычленено пять групп домов на этой стороне улицы, перпендикулярно пересекаемой другими улицами, которые очерчивают пять кварталов. Таким образом, можно определить первый квартал, расположенный между Версальской улицей и улицей Бон-Пюи, второй, из трех домов, между улицей Бон-Пюи и улицей Александра Англичанина, третий квартал (пять домов) между улицей Александра Англичанина и Мощеной улицей, четвертый (шесть домов) — между Мощеной улицей и улицей Святого Николая. Последний квартал должен был помещаться между улицами Святого Николая и Святой Женеьевы. Пробел в перечислении соответствует пересечению с другой улицей. Таким образом, келарь аббатства, составивший эти списки для реестров, точно определил все дома по имени их владельцев и по положению на улице. Следовательно, ни один застроенный участок не мог избежать обложения податями, полагающимися к уплате землевладельцу.

В реестрах содержатся сведения о владельцах, но нельзя с уверенностью сказать, живут ли они в этом доме. Приводится имя, данное им при крещении, и прозвище; женщины зачастую довольствуются одним только именем. Прозвища эти не устоявшиеся, как фамилии, о чем говорят прозвания Берто: «Лотарингец», «из Коммерси», «зять такого-то...».

Возможно ли, что эти прозвища содержат еще некую прямую информацию об их владельце? Пример Берто заставляет в это поверить, хотя и следует проявлять осторожность. Был ли каменщиком Жан Каменщик, брат Агаты? Если допустить такое толкование, то благодаря Археусу-плотнику, Жилону из Витри — каменщику и Эгидию-кровельщику мы получим группу людей строительных профессий, близких соседей, возможно, вместе работавших во время возведения квартала. Если придавать прозвищу буквальное значение, то на улице

живут книготорговец и писарь, то есть переписчик, и в этом нет ничего удивительного: университетский квартал переживает бум. Другие указания на владельцев этих домов в 1248—1276 годах, почерпнутые из различных реестров, говорят о «мэтрах» — причетниках на службе у монастырей, как, например, мэтр Ришар Англичанин. Проходя по самой обыкновенной улице на левом берегу Сены, можно повстречать людей самого разного общественного положения.

Примечания в реестрах также показывают, что эти дома не остаются в руках одной и той же семьи — обратных случаев всего четыре, но порой трудно проследить за семейным имуществом, когда нет закрепленных фамилий, а брачные союзы и родство (если не входят в пояснение к имени) не указаны. При таком уровне информации — одновременно очень точной и скудной — не стоит и мечтать подробно узнать об образе жизни в этих домах. Семейный круг повседневной жизни остался за кадром, поскольку ни в коей мере не интересовал феодала, для которого главной проблемой было знать, с кого брать деньги за земельные участки, и сохранить за собой преимущественное право на землю и недвижимость.

Упорство, с каким в бурно растущем городе сохраняется феодальное главенство, вынуждает изменить некоторые аспекты этого преимущества в сторону упрощения расчетов. Это было сделано удачно, с точки зрения феодалов, которые сохранили права и доходы, поскольку адаптация управления опиралась на постоянный рост города. Игра между городским и сельско-феодальным возможна, поскольку продолжается мощная волна иммиграции, состоящей из работников, ремесленников, мастеровых и торговцев — всех тех, кто надеется найти в городе лучшую жизнь.

Париж — город свободных людей

Город привлекал к себе жителей окрестных деревень (о чем говорят прозвища, образованные от названий этих селений), провинциалов и приезжих со всех

концов света. В XII и начале XIII века заселение города происходило по особым договорам. Владельцы земельных участков предлагали их арендаторам («хозяевам») на выгодных условиях: феодальные подати сводились к раз и навсегда установленному денежному оброку, предоставлялись льготы на товарные пошлины или другие выплаты с торговли, судебная защита. Например, из документа, определяющего права и доходы дорожного смотрителя аббатства Святой Женевьевы — монастырского чиновника, в ведении которого находились улицы во владениях аббатства, известно, что хозяева были освобождены от налога на покупку вина и зерна для личного пользования, тогда как прочие жители должны были платить пошлины. Возможно, что некоторые хозяева были избавлены от всех податей, кроме оброка. Такие льготы должны были привлечь зажиточных хозяев, которые могли финансировать постройку дома. В этом смысле в Париже поступали так же, как и в других городах Запада, привлекая таким образом новых поселенцев.

Заселение по контракту было широко распространено в XII веке. Так, в 1137 году женщина по имени Гента велела выстроить у Шампо дом и печь. В договоре указано, что в оном доме проживают «хозяева». В списке доходов, ожидаемых епископом или аббатом Сен-Маглуар в середине XII века, указан оброк, выплачиваемый хозяевами.

Хозяева живут рядом с людьми феодала, не смешиваясь с ними. Если почитать архивы, видно, что они составляли две различные категории. Хозяева также могут быть крепостными — другая важная юридическая категория. Ибо феодальная зависимость вовсе не воспринималась как юридический пережиток. Об этом, в частности, свидетельствует конфликт между аббатством Святой Женевьевы и двумя крепостными из селения Ванв. Тибо и Одон добились отмены личного оброка в четыре денье (такой оброк был признаком несвободы), однако их сыновьям по-прежнему было запрещено становиться причетниками без разрешения сеньора, а их детям — вступать в брак за пределами поместья; после смерти своего сеньора они должны были перейти в распоряже-

ние его сюзерена и были обязаны выплачивать «вспомоществование» на нужды феодала. В целом — большой груз поборов и общественного презрения даже в такой облегченной форме крепостной зависимости. Без сомнения, статус хозяина выглядел завидным, хотя, за неимением непосредственных свидетельств о заключаемых договорах, мы не знаем в подробностях о налагаемых на них обязательствах.

Ясно, что уже в первой трети XIII века сохранение этого унижительного личного статуса казалось сеньорам менее важным, чем необходимость контролировать и ускорять заселение города, рассчитывая на будущую прибыль. Теперь уже трудно судить, насколько привлекательными были контракты на заселение и последствия переселения в города. Размах этого движения можно оценить, отметив, что к середине XIII века в крупных монастырских владениях Парижа и его окружи допускался выкуп крепостных, обретавших, таким образом, за деньги личную свободу. Крепостные из королевского домена освободились в 1246—1263 годах в парижском регионе и в районе Лана. Столичные монастыри могли только последовать их примеру. В аббатстве Сен-Жермен-де-Пре этот процесс завершился в 1250 году. Особой хартией жители этого предместья были освобождены от необходимости испрашивать согласие сеньора на брак за пределами феодального владения и от выплаты сеньору особого оброка за право передачи имущества своей семье. Эти свободы обошлись в сумму 200 ливров, которую заинтересованные лица обязались уплатить. Аббатство сохранило за собой права на землю, на свершение правосудия, а также право взимать плату за пользование печью и прессом для вина.

Аббатство Святой Женевиевы предоставило своим крепостным свободу в 1248 году. Два акта, хранящиеся в Книге келаря, касались жителей Сен-Марселя и Сен-Медара — селений, не включенных в пространство города, а также обитателей селения Мон, включенного вместе с аббатством и его постройками в черту города.

В первом тексте содержится список из шестнадцати человек, которые должны аббатству 200 ливров за освобождение. Они обязуются выплачивать каждый

год, на Мартына Зимнего, 50 ливров вплоть до погашения долга, а в залог предоставляют свое имущество. Аббатство-сеньор, однако, напоминает, что эти люди должны всегда откликаться на его зов. Селяне выкупили свою личную свободу, однако они остаются зависимыми людьми, как и все прочие ленники. Второй акт содержит имена шестидесяти трех человек, часто родственников — жены и мужа, родителей и детей, братьев и сестер. Все освобождены от ярма личного рабства, но нет и речи о выкупе или о долге. В акте подробно перечислены феодальные права, которые по-прежнему довлеют над этими людьми. Аббатство вершит правосудие: ленники подлежат суду сеньора за мелкие правонарушения и серьезные преступления, за исключением случаев, рассматриваемых королем (оскорбление величия, фальшивомонетничество), ибо аббатство Святой Женеьевы имеет право выносить смертные приговоры. Оно также является землевладельцем, взимает оброк и подати на военные нужды короля; в последнем случае аббатство выделяет требуемую сумму, а потом возвращает ее себе, распределяя налоговые выплаты между подчиненными ему людьми. Эти люди должны являться на зов своего сеньора. В первый день они являются за свой счет для участия в судебных заседаниях. Если заседание затягивается, они должны остаться, но тогда получают ежедневную плату в шесть денье. В последних абзацах оговариваются вопросы брака освобожденных крестьян. Если они вступают в брак с крепостным или крепостной из другого владения, то вновь попадают в крепостную зависимость. Оба акта дополняют друг друга. В первом приводится согласие глав семей. В нем показано, что у селян есть имущество: личное рабство не являлось синонимом глубокой нищеты, хотя и было нестерпимым, о чем говорят усилия, предпринятые для освобождения. В акте также приводится стоимость этой процедуры. Во втором тексте подробно говорится о последствиях освобождения для семей и обязательствах по отношению к сеньору, которые за ними сохраняются. Среди освобожденных есть главы семейств, чьи имена упомянуты в реестрах в качестве владельцев городских домов. Таким образом, к сере-

дине XIII века население Парижа состояло исключительно из свободных людей, разумеется, зависимых должников, но обретших достоинство и повысивших свой общественный статус.

Радости и несчастья большого города в конце Средневековья

Завершился период интенсивных преобразований городского пространства и утверждения юридического статуса горожан, и во второй половине XIII века Париж продолжил свое развитие. Предместья населялись и застраивались, город стал выходить за пределы своих стен. Но его рост проходил неравномерно, о чем говорят общественные работы, проводившиеся во второй половине XIV века по приказу короля и городских властей.

Среди этих преобразований следует подчеркнуть те, что затронули контуры городской стены. На правом берегу Сены город сильно разросся, выплеснувшись за городскую черту XIII века. Когда Карл V, повышавший обороноспособность городов, приказал привести в порядок защитные сооружения столицы, стало ясно, что на правом берегу нужно увеличить огороженное пространство, что и было сделано. На левом берегу король и городские магистраты ограничились модернизацией старой стены, не изменяя ее контуров, поскольку вне ее защиты находилось мало городских районов. Но теперь была утрачена гармония между двумя берегами: правый берег, обозначаемый на планах XVI века как «Город», своим динамичным развитием вызвал изменение городских очертаний, расширив свое влияние.

В этот же период (вторая половина XIV века) на систему имений и приходов наложилась военно-административная география. В городе вычленили кварталы, о которых известно из налоговой документации XV века, поскольку они служили основой для сбора вспомоществования и принудительных займов. Каждый квартал, соответствовавший отряду городского ополчения, подразделялся на полусотни во главе с полусотником, а

каждая полусотня — на десятки во главе с десятником. Это были районы, управляемые городскими нотаблями, которые знали, какие улицы находятся в их ведении. Налоговые реестры составлялись с учетом этих знаний, распределяемых между главами кварталов и муниципальными и королевскими властями. Достаточно было назвать квартального, чтобы понять, о каком квартале идет речь. В этих списках парижских налогоплательщиков нет практически ни одного топографического указания — замечательный пример устных знаний, позволяющих жителям прекрасно ориентироваться в организованном городском пространстве.

Упадок городов в первой половине XV века, без сомнения, ускорил процесс, который побуждал сделать административный порядок в столице более четким и ясным.

Первая половина XV века была для Парижа ужасным временем. Повсеместный экономический спад ослабил торговлю и кустарное производство. Столетняя война с Англией, особенно после поражения при Азенкуре в 1415 году, усугубила трагические последствия гражданской войны между арманьяками и бургиньонами, которая началась с убийства Людовика Орлеанского в 1407 году и возобновилась после убийства Иоанна Бесстрашного в 1417 году. Париж захватило вихрем политических катастроф, усиленных безумием Карла VI. Столица была включена в англо-бургиньонские территории, и после заключения договора в Труа в 1420 году парижане надеялись, что юный Генрих VI, английский король из династии Ланкастеров, создаст благоприятные условия для восстановления мира, а вместе с ним — утраченного благоденствия. На деле все обернулось иначе. Карл VII сумел завоевать столицу, которая некогда от него отреклась, и с 1437 года задумал вернуть бывшее величие огромному городу, который его не любил, но политическое значение которого внушало государю уважение. Сначала требовалось отстроить город, частично разрушенный и покинутый своими жителями: за годы кризиса и войн он лишился половины населения. К концу XV века Париж, восстановленный и деятельный, снова начал расти и развиваться.

Отныне короли, как и городские власти, пытались направлять и контролировать его экспансию. Хотя им не удалось договориться о финансировании строительства новой стены, отвечающей всем требованиям фортификационной и военной науки, они старались ограничить выплескивание города за пределы его стен. В частности, государи с согласия муниципалитета решили запретить ремесленникам селиться в пригороде в поисках простора и менее строгого контроля со стороны цехов. Принуждение не возымело действия. Но нам важен не результат, а сама мера. В конце Средневековья Париж становится предметом исследований и проектов, и неслучайно первые дошедшие до нас планы города датированы началом XVI века: теперь власти желают иметь представление обо всем городе, чтобы лучше его контролировать. Едва не погибшая, а затем взбунтовавшаяся столица внушает некоторые опасения. А главное — королевская власть, как и муниципальное правительство, знает, что нельзя позволять городу расти и расширяться без всякой программы. Отныне Париж уже не предоставлен на волю своих жителей.

Парижане у себя дома

Как парижане ориентировались в городском пространстве? Точку зрения власть имущих узнать можно: она выводится из административных и судебных документов. Эти взгляды следовало бы дополнить мнением простых горожан. Но в нашем распоряжении мало прямых источников. Однако можно представить несколько косвенных свидетельств (которые, возможно, придется толковать иначе с развитием исследований).

Судебные процессы о границах проливают свет на сложности, порожденные различными формами организации пространства. Сеньоры следили за сохранением своих прав на городские оброчные округа, жители заботились о них гораздо меньше и могли надеяться, что благодаря распрям об оброке на какое-то время позабудут, а то и снизят подати. Так, кон-

туры городской стены — древнего и неоспоримого материального подтверждения границ между городом и пригородом — еще в XVII веке вызывали нарекания со стороны сеньоров, владевших землями, через которые проходил городской вал. В 1647 году аббатство Сен-Жермен-де-Пре заявило, что не уступало всех своих прав на землю, занятую стеной, а только согласилось с тем, чтобы их использовали для общего блага. Внутри городских стен ревниво следили за границами между цензивами, поскольку их перенос мог уменьшить территорию одного поместья в пользу поместья-конкурента. Но город и его жители стремились забыть, даже стереть эти границы. В результате передачи собственности и перестроек какая-нибудь постройка могла оказаться на перекрестье двух-трех оброчных округов. Тогда требовалось определить по суду, какая площадь дома относится к каждому из округов. Во избежание споров на фасадах домов порой вывешивали щит с гербом оброчного округа, к которому они принадлежали, что было вещественным доказательством власти сеньора. Иногда в мостовые вбивали столбики с указанием границы округа, например «камень Святого Бенедикта». В XV веке этот столбик, представлявший комическую фигурку и разделявший «ведение Святого Бенедикта и ведение Святой Женевиэвы», был перенесен в пользу Святого Бенедикта. Аббатство Святой Женевиэвы потребовало вернуть столбик на прежнее место, подтвердив свое требование свидетельскими показаниями. Никола Блондо рассказывает, что ребенком он бегал играть «в клюшки или в другие игры, где надо было бить по этому столбику»; один каменщик объясняет, что столбик служил местом встреч; третий свидетель говорит о другом его использовании: когда прихожане несли гроб на кладбище, то использовали столбик, чтобы отдохнуть по дороге. Эти тексты показывают, что сведения передавались устно и были основаны на повседневной практике и что правосудие порой к ним прибегало. Но такие сведения в Средние века не фиксировались систематически на бумаге. Здесь что-то записали, там — нет, и поди узнай, почему.

Сообщая о себе при покупке или продаже дома

либо ренты, парижане редко указывают свой приход. В земельных документах всегда указывается только поместье, в котором находится имущество. Но нам неизвестно, то ли это составителю документа не было дела до подобных уточнений, то ли сами жители не привыкли предоставлять такие сведения, хотя приход со своей церковью и кладбищем составлял один из центров повседневной жизни.

Еще более удивляет неточность топографических обозначений, касающихся недвижимости, в земельных актах: они часто носят самый общий характер, ограничиваясь указанием улицы. Порой в качестве ориентира упоминается церковь или памятник, но зачастую подобные документы до прискорбия лаконичны. Точное местоположение определено соседями по обе стороны от дома, являющегося предметом акта, — то есть именами владельцев сопредельных домов. Соотнести это с топографией какой-либо улицы, чтобы затем проследить за развитием ее застройки, — дело гиблое. Даже в то время трудно было избежать ошибок и путаницы, а для историков воссоздание топографии — процесс долгий и ненадежный. Это может привести к нарушению восприятия средневекового города: слишком цепляясь за нечто незыблемое и узнаваемое, можно набросать определенную картину, подразумевающую неизменность, тогда как город беспрестанно видоизменялся, адаптировался и перестраивался. Но если мы можем заблудиться в средневековом Париже, не отыскав главных улиц и крупных зданий, неужели парижан того времени подстерегала та же беда?

Другими словами, знали ли парижане свой город?

Совершенно точно, что они узнавали город, когда участвовали в празднествах и шествиях, проходивших по всей его территории. Они знали пространство, прилегающее к крепостной стене, где проводились военные учения или массовые игры, знали кое-как обустроенные берега реки со стенами и лестницами (в текстах сказано — «ступенями») и песчаными отмелями — широкими и открытыми низменностями, служившими для складирования товаров, а также местом для прогулок; им были известны маршруты больших и малых

процессий, к участию в которых их настойчиво приглашали. При каждодневных перемещениях они, без сомнения, ориентировались по большим церковным или королевским зданиям, а также по крестам, устанавливаемым на площадях и перекрестках. Однако истинное знание всего города было свойственно не всем парижанам. Их горизонты ограничивались пространством, где проходила их жизнь, но внутри этих рамок они хорошо знали улицы, дома, людей.

В самом деле: лавочники и торговцы, мелкие конторские служащие, почтенные каноники и их слуги, хозяин мастерской, лакей или ремесленник — все должны были хорошо знать квартал, в котором они жили и работали, а также своих соседей; эти знания приобретались эмпирическим путем. В некоторых судебных документах, где приводятся свидетельские показания или признания, говорится о людях, затруднявшихся назвать улицу, а тем более точный адрес, но предлагавших отвести туда тех, кто их допрашивал. Разумеется, обвиняемые были не только парижанами, но и приезжими, освоившимися во всем пространстве столицы; они могли раствориться в нем, исчезнуть.

Люди из других городов или даже те, кто жил в другом квартале, не могли найти нужный им дом, не обратившись с расспросами к соседям. Таким образом, они были вынуждены заявить о себе. Это служило гарантией всеобщей безопасности, поскольку каждый тотчас был предупрежден о присутствии в квартале чужаков. Просьба о предоставлении сведений позволяла жителям расспросить путника о цели его прихода, о людях, с которыми он хочет повидаться. Такой формой коллективного владения ближней округой объясняется нежелание четко и ясно указывать вывесками или ориентирами названия улиц. Это очень неудобно для посторонних, зато надежно для местных жителей.

Однако нежелание сделать свой мирок открытым и понятным для других противоречило административным и политическим нуждам парижских властей. Муниципальные чиновники, а также магистраты из Шатле, резиденции королевского прево, нуждались в

адресах или, по меньшей мере, неоспоримых ориентирах. Сбор налогов и податей, основанный на знании жителей и их доходов, способствовал более четкой идентификации улиц и зданий, и власти работали над тем, чтобы все налогоплательщики были обозначены под точными адресами. Наконец, земельный рынок, в частности земельные ренты с недвижимости, тоже побуждал внести ясность: названия улиц должны быть однозначны, чтобы не возникало никакой путаницы с местоположением домов. Но подспудное противодействие этому было упорным.

Нумерация домов и вывески с названиями улиц, вся эта система, понятная нам сегодня, была учреждена только в XVIII веке. До того местоположение дома на улице можно было определить по вывескам — нарисованным или вырезанным на стене, намалеванным на подвешенной доске, но в Средневековье они имелись не на каждом доме, и мы не знаем точно, как подбирались такие изображения. Большинство исследователей полагают, что владельцы устанавливали и меняли их совершенно свободно; однако редкие свидетельства показывают, что здесь мог вмешаться сеньор и разрешить или запретить перемену вывески, затеянную новым владельцем в угоду собственному вкусу или ради отражения рода своей деятельности. Но изменение могло вызвать путаницу, потому что дом нельзя будет узнать под новой вывеской или потому, что такое же изображение уже имелось на этой улице.

Несмотря на попытки контроля со стороны сеньоров и увеличение числа идентифицирующих изображений к концу Средневековья, такая система не давала полного охвата домов во всем городе. Улицы сделались живописнее, но удобнее от этого не стало, поскольку на них встречались одинаковые вывески. Точный адрес — одновременно прогресс и утрата свободы, ибо судьи, сборщики налогов и прочие представители власти могут вас узнать и найти. Медленность разработки четких и полных систем обозначения объясняется не столько неспособностью к организации или косностью, сколько преднамеренным поведением общины обитателей улицы, желающей сохранить свою

власть в своих пределах. Даже в XVIII веке таблички с названиями улиц так часто срывали по ночам, что названия решили высекать в камне.

Точно так же трудно узнать, как воспринимались в городе расстояния: что считалось далеким, а что — включенным в ближний круг. По документам, парижане, казалось, замыкали себя в тесном мирке ближайших соседей, который расширялся до рамок прихода по воскресеньям, в праздничные дни и в моменты важных семейных событий — рождения детей, свадеб или похорон. Но другие источники показывают, что парижане не были домоседами. Порой они сохраняли связи с близлежащими деревнями или же колесили по окрестным дорогам — по делам или направляясь в паломничество. А еще они расхаживали по всему городу. Так что следует остерегаться упрощенных выводов.

Другой момент подтверждает необходимость задаваться вопросами даже о том, что кажется очевидным.

Как нам, современным людям, понять, что значит жить в пространстве, которое с наступлением ночи запирают и которое патрулируют цеховые дружины? Отношение к этому, конечно, менялось в зависимости от времени — военного или мирного. В обычное время, то есть когда военная безопасность города и мир в королевстве обеспечивают общее спокойствие, ворота запирают только на ночь, а днем они направляют потоки людей и товаров. Закрытие ворот дает прежде всего ощущение покоя и безмятежности. В периоды нестабильности или военной угрозы, как, например, в середине XIV века, а затем почти во всю первую половину XV века, городские власти и королевский прево замуrowали несколько ворот, чтобы облегчить контроль и надзор за связями города с внешним миром, сосредоточив все передвижение на нескольких воротах. Как воспринималось это более или менее строгое «заклучение»? Получается, что если ограда и успокаивала парижан, опасавшихся нападения врагов или разбойников, она все же довлела над течением их повседневной жизни.

Обычно сношения с ближайшими населенными пунктами были многочисленными и регулярными. Все,

кто, по имущественным или домашним делам, по нуждам торговли или своей должности, курсировали между своим кварталом и пригородом или провинцией, старались так рассчитать время пути, чтобы не очутиться за городской чертой с наступлением вечера. Неосторожные и невезучие находили убежище на постоянных дворах. Один намек, сделанный вскользь в ходе одного судебного процесса, говорит об этой наверняка обычной ситуации. В конце XIV века прокурор Отенского коллежа внес в счета расходы на постой, ибо он опоздал к закрытию городских ворот, вернувшись из поездки по делам коллежа; во время судебного процесса, в котором магистр коллежа обвинял его в различных злоупотреблениях и растрате, прокурора винили не за опоздание — небольшая неприятность, судя по всему, обычное дело, — а за преувеличение этих непредвиденных расходов, которые должны были быть гораздо скромнее.

Когда количество действующих городских ворот ограничивалось в интересах безопасности, в оставшихся открытыми возникали заторы, и нормальные условия передвижения и поддержания качества дорог не соблюдались. В одном документе содержится тому подтверждение. Здесь тоже речь о судебном процессе, происходившем в 1357 году. В нем противостоят друг другу жители улицы Сент-Оноре и окрестностей одноименных ворот и смотритель дорог. Жители отказываются платить штраф за грязь на улицах — недисциплинированность, которую смотритель хочет покарать. Ответчики возражают, что грязь происходит от множества двухколесных тележек, которые там проезжают. Они зачастую плохо закрыты, и с них высыпаются на улицу отбросы и мусор, которые на них перевозят. Однако, поскольку в этом году несколько городских ворот заперты, количество мусорных тележек, вывозящих отбросы на свалку за городом, сильно возросло, и местные жители не в силах уследить за каждым и поправить дело, когда движение такое плотное*

---

* Правилами запрещалось пускать рысью лошадей, везущих мусорные повозки, поскольку от такого аллюра тележки сильно раскачиваются, и часть их содержимого высыпается на улицу.

В общем, если нам, по прошествии нескольких веков, трудно постичь функционирование городского пространства, люди той эпохи прекрасно с ним освоились и использовали все его возможности. Имение, приход, квартал — все это вполне укладывалось в голове у обитателей, да и случайным прохожим или «гостям столицы» было достаточно понятно. Сосредоточим внимание на улице, и нам откроются другие важные и дополняющие друг друга аспекты.

Глава вторая

Уличные сценки: чудеса и опасности парижской жизни

Парижские уличные сценки уже в Средние века присутствовали в изобразительном искусстве и литературе, избравших для своих сюжетов этот город. Они романтичны или забавны. Здесь мы сопоставим эти шутливые и красочные изображения с тем, что, во-первых, сообщают более строгие источники, и, во-вторых, с тем, что можно узнать из документов, не имевших своей целью описание или изучение уличной жизни столицы. Таким образом, повседневную жизнь парижан можно рассмотреть и под иным углом зрения.

Изображения и литературные тексты: приукрашенное свидетельство

Живописные изображения, дошедшие до наших дней, в частности в манускриптах, малочисленны, но весьма примечательны. Представление о средневековых изображениях можно составить по миниатюрам в манускрипте «Жизнь святого Дениса», датированном началом XIV века, и по миниатюрам в «Богатом часослове герцога Беррийского», созданном веком позже.

Первый комплект состоит из миниатюр, занимающих целую страницу. Верхняя часть, составляющая

примерно две трети страницы, посвящена одному из эпизодов жизни первого епископа Парижского. Если изображение святого помещено в центре или поблизости от столицы, то сам город изображен просто в виде стены — круглой, прорезанной бойницами, с проемами ворот, над ней указано его название. Изображение города — чисто символическое, не стоит искать в этой картинке сведения о средневековом Париже. Но внизу страницы содержатся гораздо более конкретные изображения, в частности важный ориентир города — река Сена, а также Большой мост и два участка идущей через него дороги. Для художника это случай изобразить уличную сцену, разыгранную прохожими и лавочниками за своими прилавками. Эти миниатюры первой трети XIV века создают представление об оживленности улиц, изображают занятия людей, о которых мало говорится в текстах, в частности способы перемещения товаров: их носят на спине, везут по улице на телегах, перевозят на судах по реке. Картина жизни горожан дополнена и видами досуга: катанием на лодках по реке, когда горожане пьют и веселятся, или скоплением толпы на мосту, глазеющей на поводыря медведей.

В другой, более поздней серии изображений представлены берега Сены, виды Лувра и Нельской башни, иллюстрирующие календарь в «Богатом часослове герцога Беррийского» — шедевре братьев Лимбург, созданном в начале XV века. Двенадцать миниатюр соответствуют двенадцати месяцам года, они посвящены каким-либо видам сельских работ и образуют календарь, открывающий, как и положено, весь часослов*. Художники используют технику, которая создает иллюзию реальности, чтобы достичь своей цели: в данном случае их намерение — прославить герцога Беррийского, заказчика часослова, и поэтому они вводят замки и дворцы герцога в реальный пейзаж, что должно пора-

---

* Часословы предназначались для мирян и содержали молитвы на каждый день года, а потому и начинались с календаря. Обладать часословом, показывать его в церкви было признаком большой набожности и высокого общественного положения, поэтому произведения такого рода изготовлялись в большом количестве.

зить и восхитить, поскольку и дворцы, и пейзажи очень похожи на настоящие. С такой точностью виды Парижа в начале XV века были запечатлены ради решения двух задач: проиллюстрировать работы, соответствующие определенному месяцу года (например, сенокос на берегу Сены), и изобразить один из великолепных замков, которыми обладал герцог Беррийский, чтобы воспеть его могущество.

Две эти серии парижских видов являют собой то, что можно ожидать от большинства средневековых изображений города: либо это реальные элементы, включенные в общий довольно символический и схематичный план, либо это картина, приближенная к конкретному пейзажу. Для средневековых парижан стена, окружающая столицу, выражает ее суть, река, труд перевозчиков и ремесленников ясно повествуют о большом городе и о том, что в нем есть замечательного. В текстах это выражено прямо. Так, в одной поэме XII века описывается вид Парижа с холма Монмартр: «И узрел реку Сену, что вельми широка была, и по ту и сю сторону многие виноградники», а в другой, относящейся к той же эпохе, приводится более общий вид города: «И узрели Париж, чудный град, и многие церкви, колокольни и благородные аббатства, и узрели Сену... и мельницы, уснащавшие ее, и ладьи, привозящие хлеб, вино, соль и богатства великие».

Столица, ее богатства, строения и жители служили темой для самых разных произведений в стихах и прозе. Так, список парижских церквей перечислен в небольшом стихотворении на сюжет о муже, который ищет свою жену, потерявшуюся в большом городе, и справляется о ней у прохожих. Каждый посылает его от одной церкви к другой, поскольку муж думает, что его супруга отправилась молиться. В шутках (фацетиях) и загадках на сцену выводятся столица и парижане; в каламбурах приводится шутливая этимология; в гротесковой, в определенной мере выдуманной статистике смешивается число проданных шляпок с цветами и число заказанных месс. Фацетия строилась, например, по такому правилу: описать бракосочетание от венчания в церкви до свадебного пира и развлечений, счастливо заверша-

ющих это радостное событие, используя лишь названия вывесок с домов. Уже в XIII веке появился жанр городской литературы, который имел большой успех вплоть до начала XX века, — «Крики Парижа», составленные поэтом Гильомом де Вильневом; в своей поэме автор описывает уличную сутолоку, крики зазывал и восхищение зеваки перед товарами всякого рода, которые вот они, тут, только руку протяни. В ту же эпоху Рютбеф для забавы написал своего рода скетч — зазывную речь продавца чудотворных снадобий, состоящую из прибауток, шуток и обращений к зевакам, чтобы привлечь и удержать покупателей, — всё это уже хорошо работало в Париже XIII века.

Описания столицы тоже являют свидетельство эпохи, и одно из самых известных принадлежит перу Гильберта де Меца. Он был переписчиком книг и, возможно, украшал некоторые из них миниатюрами. У него была возможность собрать и свести воедино тексты разных авторов, что он и указывает в заглавии своего труда. Немец или фламандец, он родился в 1350—1360-е годы и наверняка учился в Парижском университете приблизительно в 1380-е годы. Это был известный в свое время профессионал, что позволило ему стать библиотекарем герцога Бургундского. Он жил в Париже с 1407 по 1434 год, но свое описание столицы создал в Грамоне, в Восточной Фландрии (там у него был красивый особняк). В этом описании, составленном по более или менее недавним воспоминаниям, предстает Париж конца XIV — начала XV века, когда он еще был счастливым и процветающим городом. Свидетельство Гильберта содержит много важных сведений, но нас сейчас интересует его описание улиц. В заглавии ко второй части книги уточняется, что речь пойдет о Париже 1407 года: автор проведет читателя по острову Сите, потом по левому берегу Сены — «высокой части города, где помещаются школы», и, наконец, по правому берегу — «нижней части города перед Сен-Дени». Это классическое деление Парижа на три части, и автор решил описать каждую из них, перечисляя улицы, церкви и величественные здания, а также прочие сооружения, достой-

ные удивления и восхищения* Посмотрим, как он характеризует парижские улицы.

В целом, Гильберт де Мец их просто перечисляет, но порой сопровождает название примечанием. Уточнения по поводу двух улиц на острове Сите говорят о том, с чем они ассоциировались у знатоков Парижа того времени: улица Глатиньи, где помещаются «девочки», и улица Пеллетри, где изготавливают кровати. На левом берегу: Брюно — там в школах преподают каноническое право; улица Англичан, где живут хорошие ножовщики; улица Ферр, где изучают искусства. Там в самом деле находились учебные заведения при факультете искусств (этим словом обозначали изучение латинского языка и грамматики, философии, риторики и всех литературных и научных дисциплин, освоение которых предшествовало изучению богословия, права или медицины). Но подобных указаний, к сожалению, здесь очень мало.

Зато, перебравшись на правый берег, автор предоставляет нам значительно больше сведений, создавая образ улиц и описывая занятия их жителей. Двадцать восемь примечаний распределяются таким образом: Рынок, в том числе зерновые, хлебные и мучные ряды; Торговые ряды и лавки, где торгуют птицей; Молочный ряд и Живодерня, где живут мясники. Гильберт сообщает также о Сен-Жан-ан-Грев, где продают сено, о Веннери, где торгуют овсом. Он перечисляет несколько производств предметов роскоши: Таблетри (изделия из слоновой кости), ворота Сент-Оноре (там живут суконщики), улица Сен-Мартен (обработка бронзы), улица Кенкампуа (мастерские ювелиров), улица Курари (бриллианты и другие драгоценные камни), Вуарри (изделия из стекла). Упоминает он и о лавках, торгующих дорогим товаром (галантерейщики на улице Ферр), а также о местах продажи тяжелых грузов (например, дровами торговали у причала Сен-Жермен, строитель-

---

* Книга подразделяется на две главные части. Первая воспроизводит более раннее описание Рауля де Преля, относящееся к 1371 году. Вторая часть — более личная, поскольку основана на собственных впечатлениях Гильберта де Меца, иностранца и почитателя прекрасного города Парижа. Здесь мы не будем обсуждать ошибки или пробы, выявленные дотошными комментаторами в 1867 году.

ным лесом — на Мортельри) и связанных с этим производствах (мастера, изготавливающие сундуки и лари, жили у кладбища Сен-Жан); перечислены ремесла, связанные с железом: изготовители гвоздей и продавцы проволоки жили на улице Мариво, оружейники — на Омри, текстильщики — на улице Ломбардов, кожевники — на Кордонри, где также изготавливали башмаки. Гильберт де Мец отмечает и улицу Сен-Дени, где помещаются бакалейщики, аптекари и шорники; улицу рядом с церковью Сен-Жак, где проживают писцы; улицу Командрес, где живут женщины, занимающиеся наймом слуг и горничных; он упоминает об улице Менестрелей (где находится школа менестрелей) и не забывает о тех улицах правого берега, где живут проститутки: Бур-л'Аббе, Бай-У и Кур-Робер. Список и комментарии к нему показывают, что род занятий жителей не всегда соответствует названию улиц. Несовпадение, вероятно, объясняется тем, что объединение происходило по личной инициативе, по семейным обстоятельствам или практическим соображениям, а не по установленным правилам. Объединения ремесленников с годами видоизменялись, и те, что описывает Гильберт де Мец, согласуются с состоянием Парижа в самом начале XV века. В память автору врезался не просто вид улиц, а необычайность этих объединений по роду деятельности, связанная с качеством работы или с количеством мастеровых; это его поразило, об этом он вспоминает, сожалея о прошлом, поскольку настоящее столицы было гораздо суровее — шел 1434 год. Гильберт говорит о Париже в своей манере, но в то же время как любой историк в Средние века — с неизменным восхищением.

В самом деле, отличительная черта этого средневекового города — способность вызывать блаженный восторг, и даже комические пьесы об этом «чуде» отличает мягкая и незлобивая ирония. У всех городов были свои хвалители, которые превозносили величие своего города; местечковый патриотизм был широко распространен в Средние века. Но кутившие Парижу фимиам прежде всего восхваляли его огромность, рассматривая это качество как достойное восхищения, а

не как нечто чудовищное. Если города в целом потрясали путешественника собранием богатств и количеством населения, своим постоянным оживлением, то парижские улицы представляли собой исключительное зрелище, богатое всякого рода событиями, достойными повествования. Не стоит опускать эти рассказы или пренебрегать ими, несмотря на их погрешности и неточности, ибо изучение таких литературных свидетельств облакает в плоть и кровь городскую историю.

Разрозненные указания на повседневную жизнь содержатся и в других текстах. В частности — в судебных документах, свидетельских показаниях или признаниях преступников. В этих документах порой говорится о том, что происходило на улице, в доме или в лавке, причем с такими подробностями, каких не встретишь в других источниках.

Проза парижской жизни

Обычное течение жизни для большей части парижских жителей считается недостойным внимания из-за самой своей банальности, а потому почти никогда не упоминается в письменных источниках.

Велик соблазн использовать сведения, касающиеся более позднего времени, и заполнить пустоты подложными описаниями, которые, трудно это отрицать, вполне могут соответствовать действительности. Но не будем поддаваться соблазну. Зато если в источниках отмечено, что тот или иной аспект, зафиксированный в более поздних документах, уже существовал в Средние века, то такие непосредственные указания приобретают крайнюю важность. Кроме того, терпеливый поиск документов порой приводит к находке необъяснимых текстов, толковать которые следует с осторожностью.

Так, в реестр Этьена Буало, где собраны уставы около сотни парижских ремесленных цехов, парижский прево пожелал включить тариф дорожных пошлин с торговцев, проезжающих через Париж или прибывающих в столицу, а также третью, утраченную часть, в

которой оговаривались привилегии крупных земельных владений. Там приведена сумма пошлины за проезд по Малому мосту. Среди других торговых пошлин находятся два интересных пункта в разделе парижских «проезжих дорог», то есть пошлин, взимаемых для мощения дорог, улиц, мостов и проездов в парижском округе. В статье 45 сказано: «Коза не облагается на Малом мосту никакой пошлиной, потому что, когда через Малый мост проходит козел, его бьют дубинкой единой между рогов, возле темени, но нельзя бить его в лоб». В предыдущей статье уточняется, что обезьяны жонглеров не облагаются никакими пошлинами, но жонглер обязан заставить их показать сборщику какой-нибудь номер. Эти конкретные замечания погружают нас в мир, который сильно отличается от нашего и который мы уже не вполне способны понять. Статья об обезьянах очень красочна. «Расплатиться обезьяньей монетой», то есть устроить спектакль в оплату за проезд, тогда еще не значило «обмануть, не заплатить», поскольку речь шла о еще мало распространенном и высоко ценимом увеселении; жонглер мог и сам исполнить какой-нибудь трюк или прочесть стихи. Эта статья совершенно понятна, но статья про козла остается загадкой. Издатели реестра добавили примечание, которое их ни к чему не обязывает, поскольку гласит следующее: «Этот обычай происходит из предрассудков, связанных с данным животным». Историк не знает, как истолковать подобный поступок, но полагает, что такой обычай мог преследовать вполне определенные цели: угроза покалечить или убить животное позволяла сборщику пошлины договориться об отказе от соблюдения ритуала в обмен на увеличение тарифа.

Парижские улицы в нормативных документах

Очень скоро городские власти решили навести порядок в содержании улиц, мостов и общественных построек. Ордонансы, королевские письма и парижские уложения пытались упорядочить использование

общественного пространства улиц. Например, городские власти хотели установить строгие правила размещения лотков с товаром, и в одном постановлении парижского парламента перечислены ремесленники, занимающие больше всего места: башмачники, чулочники, старьевщики, шляпники, полировщики, скорняки, изготовители скобяных товаров и торговцы жареным мясом. В другом тексте от 1391 года говорится о «дерюгах, холстах и навесах» суконщиков, которые загромождают улицу. Суконщики отказались их убрать, поскольку эти навесы защищали сукна от солнца, пыли и дождя. Но, с другой стороны, клиенты пожаловались парижскому прево, что прилавок затенен и они не могут как следует разглядеть товар. Сохранившиеся тексты относятся к последним столетиям Средневековья, но лишь подтверждают, дополняют или уточняют более ранние документы и уложения. Приказы убирать улицы и очищать их от мусора и отбросов засвидетельствованы, по меньшей мере, с XIII века. Однако надзор, уборка и ремонт обходились дорого.

Для финансирования этих работ муниципалитет, то есть купеческий старшина и эшевены, взимал налог с товаров, провозимых через столицу или находящихся в ней для продажи. Правда, поступления от этих налогов зачастую использовались в других целях, но нельзя отрицать и того, что уже с XIII века городские власти осознали необходимость убирать улицы, ремонтировать дороги, когда их разбивали проезжающие повозки или прогоняемый по ним скот. Хронист Ригор сообщает, что мостить улицы приказал Филипп Август, чтобы уменьшить зловоние, вызываемое скапливающейся на них грязью, и облегчить их очистку. На самом деле по этому приказу замостили только большой перекресток, то есть ось север—юг (улицы Сен-Дени и Сен-Жак), а на правом берегу — ось восток—запад (улицы Сент-Антуан и Сент-Оноре). Ганза водных торговцев, то есть городские власти, занималась берегами реки и портовыми зонами. На всех остальных улицах каждый должен был сам замостить часть дороги перед дверью своего дома, убирать и чинить ее в слу-

чае необходимости*. Смотритель королевских дорог (или дорог сеньора) следил за надлежащим соблюдением этих требований, приговаривая к штрафу уклонявшихся от своих обязанностей или тех, кто отказывался платить.

Существование должности смотрителя дорог показывает, что важность этой проблемы осознали очень давно. Но, чтобы эффективно исполнять эту должность, требовалось преодолеть три препятствия.

Первое заключалось в существовании феодальных смотрителей. В XIII веке обычай и закон утверждали, что королевскому смотрителю подчинена всякая улица, если хотя бы один из домов на ней не принадлежит к поместью, предъявляющему свои права на дорогу, что отражено в формулировке «король ни с кем не делится», — имеется в виду власть. Но в связи с запутанностью феодальной географии королевские смотрители не могли применить свою власть везде, хотя она и распространялась на большую часть улиц, и ограничивались лишь регулярным напоминанием феодальным смотрителям о том, что те должны следить за соблюдением единых правил в отношении использования и содержания улиц.

Второе препятствие частично вытекало из первого и заключалось в прибылях, извлекаемых из дорог: занимать часть улицы, то есть сокращать проезжую часть, было запрещено, смотрители констатировали «помеху», составляли экспертное заключение и либо приказывали снести препятствие (лоток, крыльцо, выступающую конструкцию), либо, что делалось чаще, позволяли его оставить в обмен на ежегодную ренту. Ренты и штрафы складывались в доходы, которые смотри-

---

* Миряне и церковники, облеченные властью, старались уклониться от этой обязанности. В 1391 году начался судебный процесс над монахами из Сен-Мартен-де-Шан, которые утверждали, что в силу своих привилегий должны быть избавлены от обязанности мостить дороги. Процесс завершился только в 1399 году. К Вейденфельд сообщает о том, что жители немощеных улиц выкапывали в них ямы и зарывали туда отбросы — эгоистическая позиция, побуждавшая также не выполнять приказ относительно дорог. Дурной пример вельмож поощрял такое неповиновение. Королю в своих посланиях приходилось напоминать горожанам об их обязанностях.

тель мог попытаться увеличить. Штрафы способствовали строгости, ренты и компенсации всякого рода — попустительству.

Третье препятствие заключалось в высокой стоимости таких работ и необходимости определить планы и глобальные программы, чтобы справиться с дорожными проблемами. Из источников следует, что город и король улаживали их раз за разом, не пытаясь предупредить или направить, и вмешивались только тогда, когда положение становилось критическим. Жалобы и расследования, свидетельства об ущербе накапливались и передавались в суд, пытавшийся вынести справедливое решение. Случай с очисткой речки Бьевр в конце XIV века — наглядный тому пример. Эта речка в Париже стала настоящей сточной канавой. Были отпущены муниципальные кредиты на финансирование работ по очистке и приведению в порядок русла Бьевр, проложенного более века назад. Но, как сказано в письме Карла VI в 1390 году, эти средства были использованы для ремонта Шатле у Малого моста. Король приказал своему казначею оплатить запланированные работы, чтобы оздоровить воды Бьевр, и напомнил всем своим чиновникам, что они должны принимать самые суровые меры против местных жителей, нарушающих законы или исполняющих их ненадлежащим образом.

Во второй половине XIV века жители улицы Святой Женевьевы подали в суд на мясников, поселившихся на этой улице, поскольку те выбрасывали на мостовую потроха животных, которых забивали и свеживали на месте, и от этого зловоние распространялось по всей улице. После долгого судебного процесса, который вел парламент, феодалу, в данном случае аббатству Святой Женевьевы, было предписано перенести эти «бойни» в пригород, на свои земли Сен-Марсель, и указать мясникам, что те должны хранить сточную воду и отходы в закрытых емкостях и выбрасывать их за городской чертой, а не на улицу перед домом.

В начале XV века площадь Мобер, один из главнейших торговых перекрестков Парижа, была буквально завалена мусором, ибо уже никто не старался соблю-

дать прежние правила. Они были подтверждены в ордонансе, в котором объяснялось, почему нужно расчислить эту площадь от постоянных завалов и следить за тем, чтобы окрестные жители и пользователи оплачивали свою долю расходов на ее содержание. В данном случае нестерпимая ситуация была вызвана небрежностью, а главное — отказом оплачивать свою часть расходов на уборку мусора. Ничего нового придумано не было, власти ограничились напоминанием о старых правилах, зафиксированных в ордонансе.

Трудно подвести итог. Довольно разрозненные, но единственно доступные нам юридические источники можно толковать двояко. Количество зарегистрированных нарушений, наказанных штрафом или конфискацией, невелико — несколько сотен случаев, тогда как население Парижа всегда превышало сто тысяч душ, даже в самые черные дни городского кризиса XV века. Но всеми судебными архивами мы не располагаем, а неполные и несовершенные сведения о политике коллективной дисциплины отражают неизменное стремление применять на практике уставы и уложения. Таким образом, постепенно сложилась некая норма общественной жизни, при которой каждый горожанин должен уважать других, не выливать помои и не сваливать мусор где попало, не загрязнять водные источники. Было взято за правило требовать финансовый взнос со всякого — постоянного жителя или заезжего гостя — кто пользовался дорогами, ибо эти деньги должны были пойти на благоустройство и поддержание в должном состоянии путей сообщения.

Необходимое подчинение частных интересов общему благу города наполнилось конкретным и понятным смыслом. Без сомнения, не стоит рисовать ужасную картину средневекового города с непролазной грязью на улицах, где мусор сваливают всюду, где только есть свободное место. Париж не всегда был загаженным, зловонным, с темными узкими улочками, над которыми нависали вторые этажи домов, почти не пропускающая света. Но не стоит воображать себе и идиллическую картину, чистенькую и красочную, как на миниатюрах. И то и другое сосуществовало или сменяло друг друга

на одной и той же улице в зависимости от эпохи. Париж Филиппа Красивого с богатыми нотаблями, многочисленными ремесленниками, динамично развивающийся, вероятно, хорошо содержался, и процветание, развитие и стремление к порядку и красоте были нераздельны. Зато в XV веке, когда множество домов были покинуты, разрушены или незаконно захвачены бедняками и бродягами, когда свирепствовала безработица, когда одни «отсутствовали» по политическим причинам, бежав из англо-бургиньонского города, чтобы примкнуть к партии дофина, а другие покинули город, потому что разорились и не могли уплатить долги, тогда, конечно, поддержание чистоты улиц отошло на второй план. К этому периоду относятся документы, в которых сообщается, что лачуги превратились в выгребные ямы, опасные для всего окружающего. Желание привести город в порядок вернулось только вместе с миром и безопасностью.

Неоднократная смена фаз упадка и возрождения на протяжении Средневековья постепенно привела к созданию упорядоченной системы. Так, учредив общий налог, город обязался убирать мусор и грязь. Но система установилась только с наступлением Нового времени. Именно городу пришлось постараться, чтобы объединить усилия по модернизации общественных мест, то есть улиц, берегов и набережных Сены.

*Парижские улицы: пространство жизни,
преступлений и правосудия*

Улица, общественное место, является продолжением частного пространства дома, мастерской или лавки. В описях лавок указаны «придверные седалища» — скамьи, устанавливаемые у порога для осуществления жизненно важной связи между открытым пространством улицы и внутренним пространством мастерской или лавки. Соседи находятся в курсе всего, что происходит в каждом доме, любое событие обсуждают на улице, давая свою оценку.

Вот косвенное свидетельство, ценное тем, что наверняка описывает типичный случай. В 1333 году в ходе

следствия по делу об изнасиловании выяснилось, что торговка свечами Жаклин завлекла к себе десятилетнюю девочку Жанетту, чтобы отдать ее некоему «ломбарду» (Жаклин утверждала, что не знает имени насильника), а потом держала ее за руки, потому что девочка вырывалась. Отец потерпевшей подал в суд, сводню арестовали и посадили в тюрьму, где она ожидала приговора. Эта ужасная история разворачивалась следующим образом. Жанетта сидела «у дверей своего отца», то есть на пороге дома по улице Мишель-Леконт. Соседка взяла ее за руку и сказала: «Пошли, раздуешь мне огонь и помоешь тарелки». Такие отношения наверняка были в ходу между соседями: девочка ничем не занята, ее просят помочь по хозяйству в соседнем доме и в долгу не останутся. Вот почему девочка не заподозрила ничего худого, ведь соседку она хорошо знала.

Улица — знакомое пространство, к которому социально принадлежат различные группы людей. Там царит особая форма коллективного общения, которая находит свое выражение во время семейных событий. В источниках есть на это беглые указания. После кончины одного резчика, поселившегося в Париже, его душеприказчики истратили шесть парижских ливров на «ужин, устроенный для соседей в день похорон».

Улица — это одно из тех мест, где ссорятся, выясняют отношения и чинят насилие, ибо там находятся зрители, которые выражают общее мнение и в глазах которых можно покрыть себя славой или позором. Семейные ссоры часто выплескиваются на улицу, и тогда члены семьи и соседи поддерживают ту или иную сторону в перебранке или в драке.

Тут же шныряют воришки, которых стражам порядка нелегко поймать, если те довольствуются мелкими кражами. Воры высокого полета, способные все предусмотреть, найти скупщика краденого, собираются в таверне, где можно купить вина, в отдаленных кварталах, на улицах, прилежащих к городской стене. Преступники, замысливающие убийство по своей инициативе или по заказу, приходят осмотреться на месте, оглядеть людей, осторожно расспросить их. Об этом рассказывали обвиняемые в своих признаниях, сделан-

ных в тюрьме под пыткой, или даже у подножия виселицы, чтобы облегчить свою совесть.

Улица, где совершаются преступления и правонарушения, служит и местом для исполнения наказаний. Королевские судьи, а также судьи на службе сеньора используют целый набор публичных казней, среди которых — выставление преступника к позорному столбу, когда сначала он должен пройти по большим улицам и площадям с остановками, во время которых его будут сечь. В 1336 году бретонца Ивона Фатра обвинили в буйстве и в угрозе поджечь дома и поубивать людей; его приговорили пройти по всему поместью и быть висеченным в нескольких местах по ходу следования. Наконец, это последний путь тех, кого ведут на виселицу.

Однако горожанам было не по себе от установленных на постоянной основе виселиц и позорных столбов королевского или феодального правосудия. Жители квартала, примыкающего к Рынку, добились их переноса: хотя казнь преступника считалась полезным зрелищем, горожанам совсем не улыбалось постоянно иметь перед глазами тела, долго остающиеся без погребения в устрашение потенциальных грешников. Начался длительный судебный процесс, поставивший под сомнение эффективность правосудия, делающего ставку на нарочитое устрашение. Вынос места казни за пределы городских стен (королевская виселица в Мон-Фоконе) можно рассматривать как важный этап.

Однако дело не дошло до того, чтобы совсем обходиться без наказаний такого рода: феодалы, имевшие право выносить смертные приговоры, требовали для себя и права иметь позорный столб и виселицу в своих землях в пригороде. Когда суд лена Сен-Мартен-де-Шан выносил смертный приговор, его приводили в исполнение в Нуази-ле-Сек: женщин сжигали на костре или закапывали живьем, мужчин вздергивали на виселицу. Епископ Парижский имел право «отрубать уши в Париже, у Креста Тируэ». Это было наказанием для воров-рецидивистов, и люди, получившие эту метку, навсегда становились преступниками. Органы правосудия в Париже отныне располагали позорным столбом

только в Сен-Жермен-де-Пре*, но еще могли использовать улицы для некоторых наказаний, например тех, которым подвергали за богохульство. Осужденного привязывали к лестнице, водруженной на платформу, и волокли по улицам; можно было «бросать в него грязью и прочими нечистотами, камнями или ранящими предметами», после чего тот «пробудет целый месяц на хлебе и воде, и более ничего». Затем таким преступникам в силу ордонанса от 1347 года прижигали губы каленым железом, пока не станут видны зубы.

Смертной казни могли подвергать и животных. В реестре преступлений Сен-Мартена за 1317 год упоминается о случае, произошедшем на улице Монморанси: свинья порвала щеку ребенку, от чего тот умер. Свинью поймали, судили и приговорили к сожжению, что и было исполнено в Нуази.

На улице происходили и несчастные случаи всякого рода, о которых в судебных источниках не упоминается, поскольку не надо было искать виновных и наказывать их. Так, в судебных актах не говорится об увечьях или смертях на дороге, связанных с проездом упряжек или повозок, с вьючными животными, с бродячими собаками или свиньями. Порой о таких случаях заявляют, если возникают сомнения в случайности раны или кончины, и эти сомнения разрешаются в ходе следствия.

Судебный реестр Сен-Мартен-де-Шан среди прочих примеров отражает стремление властей отличать случайное от наказуемого. В частности, при обнаружении трупа органы правосудия приказывали осмотреть его эксперту-медику, чтобы узнать, естественной ли была смерть. Если тело обнаруживали на улице, его переносили под вяз**, где оставляли на несколько дней. Его

---

* В реестре Сен-Жермена указано, что следствием, проводившимся в 1273 году, подтверждено, что позорный столб в конце улицы Ирондель в самом деле находится на землях этого владения и действует, поскольку в том самом году там сожгли старую сводню.

** В город перенесли сельский обычай вершить правосудие прилюдно на видном месте, под большим деревом – вязом или дубом. Устойчивое выражение «ждать под вязом», то есть тщетно кого-то дожидаться, – намек на поселковых судей и магистратов, не самых лучших специалистов, которые долго дожидались своих клиентов под вязом на главной площади; оно показывает, что такая судебная практика сохранялась и после Средневековья.

либо опознавали родные и близкие и забирали тело для подобающего погребения, либо не опознавали, и тогда захоронением занимались органы феодального правосудия. В 1339 году в сточном колодце Сен-Дени утонул человек. Судебные приставы из Шатле, достав тело, решили, что этот случай находится в ведении правосудия Сен-Мартен, и отнесли труп «под вяз, в обычное место, дабы явить его народу и дать осмотреть присяжному хирургу». Врач решил, что смерть произошла в результате несчастного случая.

Из судебных документов следует, что полиция в современном представлении была немногочисленной. Судебные приставы являлись арестовывать преступников по доносу местных жителей, им помогали соседи. Полиция рассчитывала на деятельное сотрудничество прохожих, соседей и очевидцев. Она не могла также обойтись без помощи коллег из церковных судебных органов.

Уровень уличной преступности в те времена определить не легче, чем сейчас; судя по документам, картина складывается мрачная: ссоры, поножовщина, а затем — суровая кара. Однако такие представления следует умерить вследствие очевидного факта: время, когда между родственниками, друзьями и соседями поддерживались мирные отношения, не столь ярко отражено в источниках, как кровавые события. Мирная повседневность уравнивает случаи открытого насилия: улицы в такой же мере являются опасным местом, как и общим пространством солидарности и взаимопомощи.

Парижские улицы: пространство религии и политики

События, связанные с политикой, религией и правосудием, особенно отразились на пространстве парижских улиц в Средние века, что подтверждает вопрос о маршруте провоза преступников и обвиняемых. Преступники, как схваченные на месте преступления и препровождаемые в тюрьму, так и те, кто уже находился под стражей и кого судебные приставы вели либо

в Шатле, либо в резиденцию феодального судьи, пытались бежать и добраться до церкви — неприкосновенного мирного приюта. Но уже с XIII века Церковь более не желала поощрять подобные уловки, и задокументированные случаи показывают, что последнее слово оставалось за светским судом. Об этом свидетельствует аббат Лебеф в XVIII веке, объясняя, почему кольцо на главных воротах аббатства Святой Женеьевы висит гораздо выше человеческого роста: чтобы получить убежище в церкви, достаточно было прикоснуться к привратному кольцу — символу вступления в освященное место. Повесив кольцо слишком высоко, монахи уже не рисковали, что их аббатство станет приютом для преступников.

Помилование заключенных было актом милосердия со стороны властей. Такой властью был наделен король. Каноники собора Парижской Богоматери тоже имели на это право в Вербное воскресенье, когда совершали крестный ход из аббатства Святой Женеьевы к собору Богоматери. Они останавливались перед Шатле и пели гимн «Gloria laus et honor». Дверь открывалась, и одного узника освобождали. Епископ Парижский в день своего вступления в должность тоже пользовался этим королевским правом.

Повседневная жизнь была размерена шествиями и процессиями, связанными с праздниками святых в календаре прихода, товарищества или ремесленного цеха. Материалы одного судебного процесса сообщают нам подробности одной местной процессии. Эти документы XV века сохранились, речь в них идет о доме спорной принадлежности, который лежал в руинах, служил свалкой отходов и распространял зловоние по всей округе. Процесс был связан с тем, что злополучный дом находился на пути следования процессии, возглавляемой канониками Святого Бенедикта.

Маршруты следования, которыми регулярно пользовались священники и верующие, были своего рода формой присвоения территории теми, кто на ней жил и трудился. Парижский календарь следует рассмотреть с этой точки зрения в качестве временно-пространственной органограммы. Исследования Поля Пердризе

показали, что можно собрать прямые указания на маршруты следования кортежей священнослужителей или процессий с участием клириков и мирян в рамках территории, овладение которой символически подтверждалось ежегодно. В эти религиозные маршруты регулярно включали городские улицы, а также водный путь. Например, духовенство собора Парижской Богоматери, обладавшее прерогативами на приходские и коллегиальные церкви, следовало на лодке от собора до церкви Сен-Жерве; там, отслужив обедню, каноники получали оброк, знаки подчинения от клира Сен-Жерве — баранов и вишни для певчих из собора Богоматери. Точно так же церковники из собора Парижской Богоматери отправлялись по реке в аббатство Святого Виктора на день памяти святого — 21 июля.

Кроме традиционных шествий во время больших христианских праздников бывали и чрезвычайные процессии, не предусмотренные календарем: искупительные шествия, проводимые по решению суда или политических властей; моленные шествия, чтобы просить об окончании засухи, прекращении наводнения; благодарственные шествия, чтобы возблагодарить Небо за восстановление мира, рождение королевского отпрыска или выздоровление государя.

В зависимости от чрезвычайности происшествия или важности обычного праздника в кортеж могли войти либо прихожане, члены братства, почитающие своего святого покровителя, либо целое представительство всего парижского сообщества: духовенство, органы управления и суды, ремесленные цехи.

Траурные кортежи обязательно должны были включать монахов, в частности из нищенствующего ордена: изображения их скорбной череды сохранились на многих могильных памятниках. К участию в благодарственных процессиях привлекали детей — символ невинности, которые шли в окружении духовенства. Ничто не предоставляли на волю случая, каждый повиновался порядку, который определял цели и форму деятельного изъяснения благочестия, радости или скорби.

Маршрут следования тоже был точно определен, о чем говорит формулировка «по обычным местам». Так,

когда по городу шествовали представители Университета — магистры и студенты, отправной точкой служила церковь Сен-Матюрен на улице Сен-Жак. КORTEЖИ, молившие Небо о милосердии, выступали из аббатства Святой Женевиевы; по такому случаю по городу проносили мощи святых покровителей Парижа — святой Женевиевы и святого Марселя. На карнавал и на Иванов день на Гревской площади, на берегу Сены, зажигали праздничный костер — там он не мог вызвать пожар.

Среди разнообразия праздничных и религиозных шествий следует выделить такое важное событие, как вступление в город короля. Эти торжественные церемонии, получившие развитие с XIV века, являлись весьма знаменательными событиями городской жизни, их тщательно подготавливали усилиями городских властей и жителей, они финансировались из городской казны. Эти церемонии отличались пышностью шествий, участники надевали яркие, красочные костюмы, по пути следования кортежа на площадях и перед церквями разыгрывались театральные представления и пантомимы, столы ломились от еды и питья, и даже фонтаны вместо воды наполняли вином. Ночью устраивали великолепную иллюминацию и танцы, всюду звучали песни и музыка. Для таких роскошных празднеств улицы вычищали до блеска, фасады домов украшали тканями и коврами, мостовую посыпали благоухающими травами и цветами. Праздничное настроение и радость можно было выразить, надев шляпу, украшенную цветами. Эти головные уборы так часто использовали, что их стал изготавливать особый ремесленный цех. В очень большом городе было возможно создать (конечно, на короткое время) настоящую волшебную страну. Пространство повседневной жизни, обычно тесное и довольно грязное, преображалось, чтобы принять государя, его семейство и двор. Такие торжественные въезды прославляли союз короля со своей столицей, со всеми парижанами.

В «Счетах города Парижа» за 1483—1515 годы приводятся суммы расходов на двенадцать торжественных въездов короля и принцев, пять похорон королевских особ, четыре иллюминации, шесть кортежей

для встречи послов. В 1496 году праздничная иллюминация по случаю рождения дофина вызвала расходы на дрова, музыкантов, хлеб и вино, которые раздавали всем подряд у дверей ратуши, на груши, персики и орехи, раздаваемые детям в знак радости или разбрасываемые из окна ратуши. В счетах также упоминается о закупке белых жезлов для судебных приставов, которые сдерживали толпу на пути следования кортежа от улицы Сен-Дени до собора Парижской Богоматери во избежание толкотни и беспорядков.

В противоположность таким дням организованного веселья или траура (что для нас здесь одно и то же, поскольку все парижане призваны участвовать в событии, касающемся короля и его семьи и сопровождающемся определенным церемониалом, ритуалом и обычаями), то есть официально предусмотренным и организованным, случались другие, когда улица волнуется, «ропщет» и восстает. Времена спонтанных собраний и прохода через город к дому ненавидимого нотабля, ко дворцу, где притаились дурные советники короля, к арсеналу или крепости, чтобы вооружиться. Часы зажигательных речей вожаков восстания или умиротворяющих отповедей магистратов, пытающихся успокоить толпу. О таких случаях рассказано в хрониках, они подробно разобраны в материалах судебных процессов, которые порой за ними следовали, или в прошениях о помиловании, в которых объясняется, каким образом осужденный, молящий о пощаде, был вовлечен в мятеж. Здесь по определению речь не идет о повседневной жизни и привычной обстановке. Из-за своего чрезвычайного характера дни бунтов или репрессий были описаны и проанализированы во всех трудах по истории Парижа. Такие бурные, но непродолжительные события не создают верного представления о привычном течении жизни в столице, вот почему мы упоминаем о них лишь вскользь.

Глава третья

Парижане

История пространства оставляет след, и город хранит свидетельства своего прошлого; история людей, застроивших и преобразовавших пространство в большой город, почти не оставляет материальных следов; чем дальше в глубь веков погружается историк, тем меньше у него материала. Выразимся яснее: в источниках содержится много свидетельств о средневековых парижанах, но они разрозненны и неполны и дают лишь косвенные ответы на наши вопросы. Такие, пусть даже самые скудные сведения необходимы, потому что создают основу того, что мы можем сказать о парижанах в их повседневной жизни, а не только как о налогоплательщиках или подневольных людях.

Сплошь провинциалы

Наши знания о происхождении парижан XIII века основаны главным образом на их прозвищах, записанных в податные книги, оброчные реестры и другие документы, и вытекают из предположения: до XIII века, то есть пока прозвища еще не слишком закрепились, прозвание, приводимое в письменном документе, может характеризовать человека или его родственника из предыдущего поколения, значимого для

семьи. Объединить все эти прозвища, классифицировать их, различая прозвания типа «из Иври» или «из Вильнёва», «пикардиец» или «англичанин», определить пропорцию, которую они составляют в списке прозвищ, потом подразделить их на подгруппы — вот метод, который я применила к прозваниям жителей с левого берега Сены, почерпнув их из документов и объединив в группы. Кое-какие исследования в отношении правого берега как будто не противоречат выводам, сделанным путем этого косвенного анализа.

Нужно проявлять крайнюю осторожность, ибо такой метод изучения потоков заселения неполон и неточен. Неточен потому, что прозвище зачастую бывает неясным. Неполон потому, что касается лишь части людей, прозвища которых указаны. В самом деле, некоторые прозвища указывают на физическую особенность, род занятий, имя, данное при крещении. Такие прозвища (а их больше половины) не дают нам никаких указаний на происхождение тех, кто их носит. Однако это единственный доступный нам метод.

Небольшая группа людей с прозвищем «из Парижа» представляет собой жителей, поселившихся в столице несколько поколений назад. Гораздо больше тех, кто записан под названием поселка или небольшого городка. Если взглянуть на карту, эти названия указывают направления миграции, хотя неточностей не избежать, поскольку некоторые названия соответствуют нескольким городам, а другие теперь сменились. Проведя исследование западной части левого берега, во владениях аббатства Святой Женевьевы, я увидела, что множество парижан XIII века прибыли из окрестных поселков, в частности из тех, что находились во владении аббатства. Большой город, без сомнения, заселялся за счет окрестных равнин.

Интересно отметить, что целая группа прозвищ напоминает о городах, расположенных к северу от Луары, на востоке Франции, во Фландрии или в Шампани. Похоже, что некоторые из вновь прибывших уже жилали в городе, занимались иной деятельностью, кроме полевых работ, и, таким образом, приносили в Париж свой опыт и разнообразные навыки.

Такое прозвище может быть ссылкой либо на город (Лилль, Провен), либо на провинцию (Пикардиец, Бургундец). В прозвище могут отображаться особенности выговора или привычки, настолько сильно отличающиеся от парижских, что характеризуют всего человека.

Остается еще небольшая группа прозвищ, напоминающих об иностранном происхождении. Во главе идут «англичане». Вспомнив о Нормандии и о владениях Плантагенетов на континенте, можно задаться вопросом, что конкретно подразумевается под этим словом. Англичанин — это уроженец земель вне королевского домена или действительно прибывший из Англии? Во всяком случае, антропонимия обнаруживает тесную связь между двумя королевствами. Далее идут фламандцы и германцы, но их меньше, чем англичан. Последняя примечательная черта — почти полное отсутствие указаний на южные страны. Таким образом, если опираться на сведения, которые нам дают прозвища, основное население Парижа в XIII веке происходило из его окрестностей, затем столица начала привлекать людей из английских, фламандских и даже из немецких земель, в целом же Париж остается крупным городом севера Франции.

Эти первые выводы требуют уточнений. Во-первых, потому что они основаны на частичной базе — прозвищах географического происхождения, во-вторых, потому что охватывают лишь постоянное население, проживающее в городе довольно давно, чтобы обзавестись домом и рентой, платить подати и, следовательно, находиться в зависимости от различных феодальных или королевских властей. Исследование не коснулось той части населения, которая состояла из иммигрантов, еще не получивших своего угла и не вписавшихся в общество, потому что были слишком бедны. Все функции, сведенные воедино в Париже, — королевская столица, резиденция большого университета, обширная метрополия, дающая работу купцам, художникам и изготовителям предметов роскоши, — привлекали множество людей. Здесь останавливались на более или менее продолжительное время путешес-

твенники и иностранцы, придавая населению Парижа космополитичность, которая поражала современников*.

Эффективная система заселения

Этими особенностями (привлекательность крупного города, разнообразие функций, поощрение роста столицы со стороны королевских властей) объясняется большое число жителей, возможно, самое большое на Западе: около 1325 года, по завершении великого этапа средневекового экономического подъема, оно составляло более двухсот тысяч душ. Размеры города, количество населения превратили Париж в метрополию, которая в те времена предоставляла условия жизни, превосходящие обычные нормы. Для нас этот разрыв, конечно, не столь заметен, как для людей той эпохи, привыкших жить в ограниченной среде, где общественная жизнь основана на личных связях, где все друг друга знают.

Две особенности часто подчеркиваются в свидетельствах: величина, которую они выражают при помощи образов, обозначающих неисчислимо (зерна в колосьях, волосы на голове), и смешение народов и языков, а также социальных статусов — богатые, могущественные и знатные соседствуют с бедными, слабыми и безвестными.

Похоже, что ассимиляция в большом городе происходила довольно быстро. Провинциалы и «деревенщина» забывали о своих корнях и становились столичными жителями. Однако, поскольку прибывали новые «мужики» и провинциалы, контраст между «парижанами» и «непарижанами» сохранялся. В самом деле, поток иммигрантов не иссякал; увеличение числа жителей объясняется в большей степени этим явлением, нежели естественным приростом населения. Благо-

---

* В этом плане показателен пример Парижского университета. Иногородние студенты проживали в столице более или менее долго, в зависимости от продолжительности их учебы, но, получив ученую степень, покидали Париж. Те, что победнее, задерживались дольше — вероятно, преподавали, чтобы расплатиться за стипендию, позволившую им получить образование.

даря этой особенности Париж довольно быстро оправился от последствий эпидемии чумы и политического кризиса середины XIV века. Хотя общее развитие остановилось, но высокая смертность и снижение рождаемости не привели к сокращению населения, и динамика развития Парижа не пострадала.

Зато в первой половине XV века, на пике городского кризиса, население сократилось вдвое и составило около сотни тысяч жителей. Демографический спад стал отражением всех бедствий того времени. Он являлся следствием «политической миграции», «отлучек», как сказано в документах: после 1418 года — отъезд или бегство «арманьяков», примкнувших к партии дофина, затем, после 1437 года, — их возвращение вместе с Карлом VII, повлекшее за собой, соответственно, отъезд «бургиньонов», поддерживавших короля Ланкастера. Конечно, такие передвижения населения, непосредственно связанные с гражданской войной, не являлись масштабными явлениями, хоть им и невозможно дать точную оценку, однако политическая миграция усугубила социальный кризис и экономическую разруху, которая была одновременно и причиной, и следствием сокращения населения.

Население восстановилось во второй половине XV века, судя по всему, теми же путями, по каким шло заселение города в XIII веке: главный вклад внесли ближайшая округа и соседние провинции, с более заметным вливанием людей из городов и сел, расположенных в долине Луары, что объяснялось недавними историческими событиями. В XV веке в фамилиях уже не отыщешь ни малейшего намека на потоки заселения. Более многочисленные и подробные документы дают кое-какие сведения о «малой родине» некоторых парижан. Вот на таких скурых, но конкретных и надежных указаниях и основаны сделанные нами выводы.

Демографические особенности столицы в Средние века, как во времена экономического подъема, так и в эпоху упадка, указывают на вероятность прочных связей с деревнями, их обычаями и верованиями благодаря постоянному притоку сельских жителей, ищущих в Париже лучшей жизни. Однако в документах о них не

говорится. Известные семейства (которые преуспели) стали парижанами и забыли о своих корнях, поскольку в столице они не придавали веса.

Большой город поглощает чужаков и выделяет личности

Париж — цивилизационное горнило, сплачивающее людей, пришедших со всех уголков света, здесь выковывается община, обладающая самосознанием. Эти черты, общие для городов, особенно ярко проявились в мегаполисе, каким являлся Париж. Одновременно, начиная с XIII века, утверждалась традиция определять себя как личность — по имени, данному при крещении, прозвищу и адресу, то есть по точному местонахождению человека и его дома в городе. Освоение пространства и чисто городская идентификация людей шли параллельно.

Переход от личного, более или менее устойчивого прозвища к фамилии завершился в XIV веке. В письменных документах указание на происхождение или ремесло, от которого произошла фамилия, уже не имеет прямого отношения к носящему ее человеку; Пикар («пикардиец») по-прежнему служит фамилией семейству, проживающему в столице на протяжении уже нескольких поколений, а Буше («мясник») может быть фамилией почтенного советника парламента. Добавим, что фамилии, представляющие собой название поселка с частицей «де», отнюдь не указывают на благородное происхождение. Женщин, похоже, дольше называли только по имени; выйдя замуж, они не всегда брали фамилию своего супруга, сохраняя фамилию отца. Эти замечания, основанные на письменных свидетельствах, естественно, не учитывают устных, семейных или цеховых обычаев, благодаря которым в повседневной жизни различали людей.

Мы не знаем, в какой форме требовалось назвать себя нотариусу, чиновнику или составителю юридического акта. Правила явно были различны для разных видов документов или еще не выработаны. Напри-

мер, в земельном акте, затрагивающем интересы людей из одного квартала, личность соседа, упоминаемого для уточнения местоположения дома на данной улице, характеризовалась лишь вкратце, поскольку он был настолько известен местным жителям, что не имело смысла сообщать о нем подробнее. В подобных документах идентификация личности принимает разную форму — от одного лишь имени или прозвища, от которых нам мало проку, до обозначений, включающих имя, данное при крещении, фамилию, порой — упоминание ремесла или социального статуса, а то и родственных связей, например «зять» или «сын». В налоговых списках не указывается профессия или общественный статус, хотя, казалось бы, их следовало отметить, чтобы не вышло путаницы с налогоплательщиками. В податных книгах конца XIII — начала XIV века содержится много ссылок, в которых приводится лишь прозвание человека. В судебных документах гораздо больше подробных сведений как о мужчинах, так и о женщинах, по крайней мере, в сравнении с лаконичностью других источников. Подробности о возрасте, месте рождения, ремесле свидетелей и обвиняемых изложены письменно. Но в целом выходит, что идентификация путем обозначения профессии и адреса не была устоявшейся практикой, возможно, потому, что таких сведений не запрашивали систематически.

Однако на протяжении трех последних столетий Средневековья тенденция к более четкому обозначению правил, применимых ко всем для ясного обозначения человека в городе, набирала силу, поскольку система обозначения по имени и прозвищу, ставшему фамилией, не позволяет избежать омонимии. 30—40 процентов мужчин получали при крещении имя Жан; если добавить к нему расхожую фамилию, например Буланже («булочник»), Лефевр («солевар») или Легран («высокий»), под такое обозначение могли попасть одновременно десятки людей. Филипп де Бомануар поднял эту проблему, говоря о наследстве, завещанном людям с такой вот неясной идентификацией. Он заявил, что нужно провести устное расследование, чтобы выяснить, о ком идет речь, а в случае неудачи —

передать наследство тому, кто в нем более всего нуждается, из соображений милосердия. Это одна из проблем, возникающих в частной жизни из-за одинаковых имен, а для Парижа она была весьма злободневной.

В самом деле, в огромном городе проблемы, вытекающие из омонимии, принимали особо острый характер. Сеньоры и рантье, ожидавшие денежных поступлений от владельцев домов и обитателей имения, а также представители правопорядка, разыскивающие подозреваемого или преследующие преступника, хотели избежать путаницы, иначе каждая из этих властей рисковала лишиться своих прав и связать себе руки. С этой точки зрения огромный город стал зоной свободы уже потому, что было невозможно знать конкретно всех людей, которые жили там постоянно или временно. Вот почему в документах имена все чаще сопровождаются четкими указаниями на профессию, родственные связи и местожительство. Адрес (уже затрагивавшийся нами вопрос) служит различительной чертой. С ним возникало немало трудностей из-за отсутствия четкой системы ориентировки.

Итак, в средневековом Париже люди могли воспользоваться как омонимией, так и неясностями с обозначением их привычного местожительства, чтобы при случае начать новую жизнь, если предыдущая сделалась невыносимой из-за утраченной репутации, тяжести семейных или иных уз. Именно этим объясняется медлительность, с какой утверждалась идентификация личности и адреса парижан и парижанок. Для подавляющего большинства жителей столицы было важно, из соображений взаимопомощи и безопасности, чтобы людей можно было «вычислить» только в их семейном кругу и ближайшем соседстве, они противились своему включению в четкую письменную систему, доступную контролю со стороны парижских властей.

В конечном счете, трудно сказать, что было важнее в повседневной жизни парижан в средневековый период. Мы уверены, что тенденция к быстрой ассимиляции вновь прибывших и удобное смешение общественных статусов в итоге превратили разношерстные слои населения в граждан Парижа с четко определен-

ным «местом, избранным для пребывания», и с ясно обозначенными фамилиями и названием ремесла, в членов целого сообщества, какое являла собой столица. Однако мы не знаем, осознавали ли парижане эти тенденции в XIV—XV веках, или же они ощущали себя только жителями той или иной улицы, а их горизонт ограничивался кругом семьи, ближайших соседей и товарищей по ремеслу или торговле, да и был ли им вообще знаком остальной город, куда им практически не приходилось выбираться.

Семья, ближайшее соседство, приход определяли рамки повседневной жизни, устанавливали связи — по большей части полезные и надежные. Честь, репутация утверждалась внутри этого микрообщества. Но подробности соглашений между родственниками или коллегами, мелкие происшествия повседневной жизни почти не упоминаются в письменных источниках, служащих основой для воссоздания истории Парижа в Средние века, хотя речь наверняка идет о важных вопросах. Точно обозначить эти связи, соизмерить удельный вес повседневных событий и поступков, обеспечивающих спокойствие семьи, уважение других — трудная задача. Следы соглашений, договоров, тех или иных поступков ничем не примечательных людей хранятся в нотариальных архивах, это горы документов, в которых отражено, как осуществлялось регулирование общественной жизни. Эти мелкие происшествия практически не интересовали высшие инстанции королевского, феодального или церковного правосудия. Однако за весь период Средневековья в Париже сохранились архивы только этих инстанций. Проводить исследование можно лишь о конце XV века, благодаря большому количеству чудом сохранившихся документов из двух парижских нотариальных контор, которые сообщают, как и следовало ожидать, о весьма конкретных и самых банальных случаях. Там находятся акты, касающиеся рынка недвижимости, которые показывают, что парижане развивали этот род деятельности и в самом городе, и в пригородах. Там же есть брачные договоры, документы об установлении опеки и о наследовании, которые могут пролить свет на историю париж-

ских родов конца Средневековья. Мы рассмотрим две категории документов, освещающих обычную жизнь людей с одного конца улицы или из одного квартала: с одной стороны — нотариальное засвидетельствование различных фактов, а с другой — документы, скрепляющие согласие в урегулировании мелких конфликтов, улаженных путем компромисса и за денежную компенсацию.

Анекдоты парижской жизни конца Средневековья

Нотариальные акты, хранившиеся в архиве этих контор, проливают свет на жизнь людей, обитавших на правом берегу Сены в самом конце XV века. Здесь важна не процедура, а сами события, упомянутые в этих актах, поскольку они создают более четкое представление о повседневной жизни, наверняка не слишком отличавшейся от быта на других улицах и в предшествующие периоды.

Вот, например, акт, составленный в 1498 году Тома Мэрессом, Жаном Готье и Матье Робишоном, виноторговцами и гражданами Парижа, а также Жанной, вдовой винного разносчика Филиппа Буре. Они подтверждают, что сын Жана Делестра, виноторговец, проживавший на улице Мортельри, но к тому времени скончавшийся, в самом деле носил прозвище Маленький Жан. Зачем потребовался такой документ — неизвестно, но можно предположить некий конфликт между наследниками и споры о том, кто скрывался под этим прозвищем. Использование прозвищ для обозначения людей с одинаковыми именами в одной и той же семье было обычным делом, но поскольку прозвище закреплялось лишь устно, то в какой-то момент могло возникнуть недоразумение.

Неуверенность, мать споров, может также касаться возраста. До учреждения специальных контор, занимавшихся регистрацией рождения и смерти, письменными подтверждениями могли служить записи в церковных книгах о крещении и смерти, но в Средние века подобная регистрация еще не была обязательной.

Нотариальное засвидетельствование помогает преодолеть трудность, возникшую в вопросе о наследовании или совершеннолети. Вот документ от 1496 года. Жан Ленорман, священник, Жак Готье, торговец и гражданин Парижа, проживающий по улице Жарден, а также его жена и Жанна, жена кожевенника Никола де Рибекура, проживающего в Париже на улице Сент-Антуан, свидетельствуют о возрасте Тома Тюркама, сына Жана Тюркама, следователя из Шатле. В среде мелких лавочников, слуг или батраков подобное неведение, порождающее спор о возрасте молодого человека, вполне вероятно. Но указание на социальный статус отца отсылает нас к среде магистратов из Шатле, причем не самого низшего разряда. Наверняка спор возник из-за отсутствия письменного подтверждения (записи о крещении в церковной книге). Впрочем, в нотариальном свидетельстве приводится лишь приблизительный возраст. Наверное, дискуссия выдалась серьезная, раз свидетелей подобрали из самого широкого социального спектра: священник, торговец, две женщины. В данном случае вопрос идет о дате рождения, в других случаях речь идет о точной дате смерти.

Вот свидетельство от 1492 года, данное двумя благородными дамами — Мари Гурон и Мишель Пенсфайи, а также Анри Дюбрейем, придворным торговцем, Антуаном Герье, торговцем, и Симоне Дюванши, проживающим в Париже: все они утверждают, что благородная дама Элен де Баланьи, супруга дворянина Луи Труссо, виконта де Буржа, проболела весь этот год, совсем не выходила из своего особняка на улице Сент-Антуан в мае, июне и июле и что врачи не имели никакой надежды. В документе не сказано, зачем потребовалось свидетельство о тяжелой болезни, за которой, скорее всего, последовала скорая кончина. В другом документе от 1493 года собрано несколько свидетельств о кончине Жана де Бетизи, следователя из парижского Шатле, умершего в своем доме на улице Сент-Антуан. Свидетельства даны Жаном де Бетизи, торгующим кожами в Париже, и Жаном Лельевром, слугой Клерамбо де Шампаня, королевского нотариуса и секретаря. То есть (судя по фамилии) родственником покойного и человеком

из его близкого окружения. К этому добавляется свидетельство Жана Бидо, священника из Эрувиля и клирика из Сен-Поля, который неоднократно навещал Жана де Бетизи во время его болезни: он уточняет, что Жан умер 15 ноября, — наверное, это один из священников, соборовавших больного. Еще одно свидетельство — Жана Юэ, попросту названного священником, — подтверждает предыдущее и, кроме того, уточняет, что Жан был похоронен в субботу после своей кончины. Наконец, две женщины, вероятно, жившие в доме покойного, тоже дают свои свидетельства: Мари де Бетизи, вдова Матье д'Окси, тетка Жана, и Женевьева де Конфлан, проживающая вместе с Мари. Здесь нам тоже неизвестно, зачем понадобилось такое расследование, но оно сообщает о некоторых чертах повседневной жизни. В этой части улицы Сент-Антуан дом и домочадцы покойного хорошо известны; эти люди также связаны с приходским духовенством, добросовестно исполняющим свои обязанности и помогающим прихожанам в столь важный для спасения души момент, как «добрая смерть».

Дата смерти священника Гильома Леруа засвидетельствована в нотариальном акте, составленном в 1486 году. Шарль Леруа, полицейский пристав, проживающий в Париже по улице Жуи, а также Гильом Тюмье, тоже пристав, но проживающий на улице Мортельери, заявляют, что Гильом, проживавший на улице Жуи, умер четыре года назад, то есть в 1482 году. Для составления акта обратились к члену семьи (носящему ту же фамилию и проживающему на той же улице) и его коллеге. Полицейские приставы, носившие жезл как символ своей власти и должностных полномочий, приводили в исполнение решения и приговоры Шатле.

Все эти примеры показывают, какие трудности может породить отсутствие записи актов гражданского состояния церковными или светскими властями. За неимением более ранних источников такого же рода, мы не знаем, когда это неудобство стало настолько ощутимо, что преодолело все препятствия к регулярной записи дат рождения и смерти в приходских книгах, однако обязательная регистрация этих событий была введена только в Новое время.

Между рождением и смертью находится брак. Договор, определяющий наследство, оставленное мужем, может быть поставлен под сомнение, если не существует письменных подтверждений брачного союза. Возможно, именно этим вызваны три засвидетельствования, собранные в 1497 году, чтобы подтвердить брак Этьена Гарнье, дворянина, сеньора де Монгильона, с Марией де Ройан, дочерью Жана, оружейника из Провена, и Маргариты Дюбелак. Мария может пользоваться наследством, состоящим из половины имений Монгильона, и Куртевру — имуществом, завещанным ей Никола Гарнье, дворянином из Провена, и Маргаритой де Сарсель — родителями Этьена. Первое свидетельство принадлежит Катрин, дочери Эмери Жосса, таможенного чиновника, проживающего в Париже на улице Мортельри, а также Жанне, дочери Жана Вержюса, лесоторговца с той же улицы. Обе женщины утверждают, что Этьен женился на Марии четырнадцать лет назад и что венчание состоялось в Сен-Жермен-де-Пре. Еще одно свидетельство дано Жилеттой, женой Жана Доруа, парижского торговца. В нем уточняется, что Мария выехала из особняка Эмери Жосса, чтобы выйти замуж за некоего Монгильона в Сен-Жермен-де-Пре, и что месяц спустя Мария сказала Жилетте, что она замужем и живет теперь в Париже, на улице Ноннен-д'Иер. Эти женщины присутствовали при венчании. Наверное, оно удалось на славу, и в церковь при аббатстве отправился красочный кортеж — было о чем вспомнить четырнадцать лет спустя, тем более что невеста жила у Эмери Жосса.

Другие подтверждающие акты показывают роль соседей и способы обращения к коллективной памяти, которая хранит воспоминания о характерных особенностях того или иного человека, событиях его жизни, небольших происшествиях, случившихся более или менее давно, например об окончании ссоры, уплате долга, сдаче внаем части дома или лавки.

Взять, к примеру, Пьера Гийонне из Лиона — портного, проживавшего по улице Каландр. В 1494 году он умер, и семья запросила подтверждающие свидетельства, наверное, потому, что улаживала вопросы с

наследством. В самом деле, в составленном вскоре после того документе сказано, что брат покойного, галантерейщик из Руана, продает свои права на наследство придворному поставщику с улицы Каландр в уплату своих долгов. Составлены два акта, подтверждающие, что покойный имел прозвище «Мученик» из-за дурного обхождения с ним его жены (свидетельства Мишеля Рабо, землепашца из Аркейя, и Пьера Ноэля, бочара и виноградаря, тоже проживающего в Аркейе). Пьер Ноэль уточняет, что речь идет именно о Пьере Гийонне из Лиона. Ссылка на прозвище составляет суть свидетельства, ибо подтверждает возмутительный факт насилия со стороны сварливой супруги, возможно, преувеличенный братом. Во всяком случае, прозвище уточняет личность покойного. Вероятно, такое свидетельство требовалось, чтобы ограничить притязания со стороны жениной родни. Примечательно, что сама жена за свидетельством соседней не обращалась.

Из других документов можно выудить сведения о рукоприкладстве, за которым следует возмещение ущерба; уличных происшествиях и незначительных событиях, занимающих внимание парижских обывателей конца XV века.

В 1497 году парижский батрак Жан Трибу, проживающий по улице Жарден, выдал расписку Жану де Лорри, батраку с Гревской площади: Жан де Лорри принял 20 су в возмещение морального ущерба за раны, полученные им в потасовке, и за судебные издержки после достижения компромисса. Эта сумма покрывала понесенные расходы, поскольку Жан де Лорри должен был уплатить за лечение цирюльнику (в те времена цирюльник приравнивался к хирургу). Потасовка, должно быть, была всеобщей, ибо в том же документе добавляется, что соучастники Жана Трибу — Жан Дюпон, Жан Ру и Гильом ле Бургуэн — должны уплатить по 4 су Жану де Лорри за побои, нанесенные его жене.

Иногда восстановить мир было труднее. Так, в 1497 году зарегистрировано свидетельство о неудаче компромисса (наверняка временной). Клод Одиге, торговец бочками с улицы Сент-Антуан, Мишель де Турнэ, торговец речной рыбой, и Жан Гуло, парижский рыбак

с улицы Мортельри, заявили, что Катрин, жена Жана Рише, торговца речной рыбой с улицы Мортельри, предложила уплатить 60 су в возмещение ущерба по приговору своей соседке Жанне, жене Фелиппо Пуалю, торговца морской рыбой. Помимо 60 су она готова принести соседке свои извинения (это обозначено в договоре), но Фелиппо, муж потерпевшей, отказывается этим ограничиться.

Как и в предыдущем случае, видно, что производственные связи, соседское окружение и, конечно, родственные узы позволяют вовремя погасить конфликт, смягчить столкновения между людьми и найти выход из столкновения интересов.

К этой хронике повседневности можно добавить еще несколько случаев, создающих представление о заурядной жизни, о которой обычно не говорится в источниках.

В 1486 году Тома де Пари, холодный сапожник с Рынка, усыновил маленького Жана Коффинье, которому тогда было восемь лет, сына Пьера Коффинье и его первой жены Перрин, проживающего на улице Сен-Дени. Тома обязуется определить мальчика в школу и обращаться с ним как с собственным сыном, даже в том случае, если впоследствии у них с женой будут дети. В этом угадывается соглашение между товарищами по ремеслу, прекрасно знающими друг друга: вновь женившийся вдовец избавляется от ребенка от первого брака, а приемные родители, у которых еще нет детей и которые, возможно, утратили надежду их иметь, усыновляют мальчика с расчетом, что тот сможет им помогать. В 1495 году Пьер Гале, каменотес с парижской улицы Жуи, пообещал Жакетт ла Букет, девице на выданье, проживающей в собственном доме, не покинуть ее, так как она была беременна его сыном: Пьер будет заботиться о ней до родов, а после обязуется взять на себя содержание ребенка. Эти два примера рисуют довольно оптимистичную картину человеческих отношений в домашнем кругу, уравновешивающую картину насилия, которую демонстрируют другие документы.

В самом деле, оскорбления, побои и увечья регистрировали гораздо чаще, чем мирные соглашения.

Свидетельства о них весьма многочисленны, и все их можно представить в одном примере. Это свидетельство, снимающее со слуги ткача Дени Дюшена обвинение в участии в драке, где он был лишь свидетелем. Это утверждает Пьер Пелер, слуга башмачника из Нормандии, проживающий по улице Экуфль. Накануне один ткач-подмастерье ударил ножом в спину Эрве, тоже ткача-подмастерья. Все это произошло на улице Сицилийского Короля.

Другой документ, однако, смягчает картину грубого буйства, которую без оглядки навязывают средневековому Парижу. В тексте от 1499 года речь идет о жестоком обращении с животным. Жан Бержерон и Жан Фелизо, слуги купца из Труа по имени Франсуа Эннекен-младший, подтверждают, что Жан Рожерен, кузнец из Парижа, проживающий у старого кладбища Сен-Жан, дурно обращался с мулом, которого брат их хозяина Симон Эннекен велел подковать. Аптекарь, проживавший по соседству с этим кузнецом, подтвердил этот факт, однако приписал его подручным кузнеца. В конце концов кузнецу пришлось выплатить компенсацию владельцу мула.

В довершение обзора письменных сообщений о банальных происшествиях упомянем о нотариальной регистрации свидетельств о моральном облике, о месте проживания и других указаний на образ жизни. Так, в 1499 году Готье Деруэз, перчаточник с парижской улицы Сицилийского Короля, а также Матье Дюкастель, слуга благородного сеньора Гильома де Монморанси, свидетельствовали о том, что некто Этьен Ледрю по прозвищу «Зеленоголовый Привратник», из свиты короля, в самом деле проживает на улице Евреев, у колодца. В другом документе от того же года засвидетельствована добродетельная жизнь Дени де Френа, чесальщика шерсти с парижской улицы Евреев, и его жены Гильеметты, швеи, благодаря показаниям их соседей — землепашца* Жана Анри, бочара Жана Саррана, Марга-

---

* В документах второй половины XV века говорится о землепашцах, проживающих в Париже. Полагаю, что речь идет о сельских жителях, сохранивших связи со своей деревней, но решивших купить или взять в аренду городской дом, зачастую ветхий, а потому недорогой.

риты, жены батрака Друэна Кордые, и Жанны Лакалез, а также Жана Раге, тоже батрака.

В противоположность этой соседской солидарности, усиленной братством ручного труда и скромного общественного положения, случай с жителями улицы Сент-Антуан выявляет напряженность и неприязнь. Речь идет о прошении, поданном парижскому прево — главному представителю королевской власти в столице — знатными людьми: шевалье Шарлем де ла Вернадом, докладчиком в королевском совете, Жаном де Релаком из Счетной палаты, Франсуа Шамбоном, советником парламента, Николем Жилем, нотариусом и секретарем короля, которые все проживали на этой улице возле церкви Святого Антония. В чем цель прошения? Изгнать с улицы штопальщика и его жену, которые только что здесь обосновались и которых эти влиятельные особы обвиняют в том, что те принимают у себя недобропорядочных людей. Средневековый Париж характеризуется смешением социальных статусов и ремесел. Данный документ это подтверждает: чтобы выселить чету простых людей, не соответствующих по рангу обитателям этой части улицы, необходимо вмешательство высших властей — парижского прево. Но в то же время этот акт показывает, что со смешением перестают мириться, что постепенно устанавливается определенный кодекс достойного соседства. То же изменение взглядов отражено в договорах об аренде на левом берегу Сены. В них содержатся пункты, запрещающие владельцам домов, расположенных поблизости от помещений, занимаемых профессорами университета, селить у себя людей дурной репутации, например таких, что занимаются шумным или грязным ремеслом. В одном арендном договоре от 1484 года, касающемся улицы Сорбонны, есть такой пункт: «Не допускается к проживанию никакая особа, совершающая бесчестные, возмутительные или вредные для коллежа поступки». В другом договоре, от 1485 года, то же самое сказано иначе: «Нельзя приводить никаких распущенных особ, но только родственников, слуг или жильцов честного поведе-

ния». Коллегии или профессора, навязывающие такие ограничения, мотивируют их тем, что нельзя мешать занятиям в школах.

Парижане между современностью и бременем традиций

По сравнению с жизнью других горожан из какого-нибудь среднего города, а тем более сельских жителей жизнь парижан в конце Средневековья уже кажется почти современной. Читатель сможет в этом убедиться, узнав об организации труда, некоторых видах торговли, уличном движении. В Париже, городе демократичном и свободном, жили рядом люди разного общественного положения и национальности, здесь смешивались религии и культуры, порождая процветающую и подчеркнута современную городскую среду. Многие черты парижской жизни и виды деятельности сохранились до XIX века. Они неоспоримы, хорошо документированы и изучены. Однако нельзя вычленять аспекты современности, выхватывать их из целого, у которого есть и другие черты, более неожиданные и менее объяснимые. Такие контрасты можно высветить, рассмотрев две темы, которые отражены в письменных источниках лишь намеками: животные в городе и слова и жесты людей в повседневной жизни.

Животные занимали большое место в жизни парижан. Те холили домашних любимцев — собак, всякого рода птиц (школярских щеглов, ловчих птиц из княжеских вольеров, за которыми требовался особый уход, певчих птичек, сидевших в клетках в обычных домах), а сильные мира сего держали диких или экзотических животных (например, герцог Беррийский держал медведей; в королевском зверинце, находившемся в саду при особняке Сен-Поль, содержались львы). Значение других животных, участвовавших в человеческой деятельности — лошадей, ослов и прочего вьючного и тяглового скота, — отражает важную роль разнообразных перевозок. Многие парижане разводили домашнюю птицу, а часто и свиней. Стада, предназначенные

на мясо, гнали по улицам к заливным лугам, и животные паслись там, пока их не отправляли на бойню. В большом городе животные занимали важное место и некоторым образом были связаны с сельским прошлым множества жителей.

Показателен пример со свиньями. Если придерживаться правил, все ясно: свиньи не должны бродить по улицам, а если они попадутся на глаза блюстителям порядка, те могут их конфисковать и передать богадельням. Только монахи аббатства Святого Антония имеют право оставлять своих поросят в городе, где те питаются отбросами. Запрет уже не такой строгий из-за исключения, сделанного для монастырских свиней, но надо признать, что в целом эта мера выглядит вполне современной в связи с заботой о санитарии и безопасности движения. Однако соблюдалось ли это правило? В этом можно усомниться, если почитать, например, приговоры аббатства Святого Мартина. Животные, бродящие по улицам, — довольно частое явление, поэтому их судьба определялась правилами. Живые или мертвые, они считаются «бесхозными», а потому по праву переходят к сеньору. Это право было применено к свиньям, бродившим по улице Гравилье и по улице сеньора де Монморанси. Но владельцы животных, должно быть, часто заявляли протест, утверждая, что животное сбежало, и требовали его обратно, вот почему сеньор допускает мировую. Так, белая свинья, родившая на улице шестерых поросят, останется в монастыре, если только владелец не сможет доказать, что эти животные принадлежат ему.

Запретить доступ на улицу животным, за которыми не было надлежащего присмотра, оказалось нелегким делом. Бродячие собаки создавали настоящую проблему, о чем говорят принятые меры с целью не допускать их в определенные места. В счетах больницы Отель-Дьё обозначены расходы на изгнание бродячих собак из больничных палат, в счетах церковью упоминается о хлыстах для изгнания собак.

Животных казнили, как и людей, когда признавали их виновными, но также любили и защищали. Об их добром здравии или исцелении молились богу и свя-

тым угодникам. Считалось, что святой Северин исцеляет лошадей, поэтому одна из дверей церкви, посвященной этому святому, была отдана под подковы, которые вешали на нее в знак благодарности. Церковь Святого Петра Бычьего из прихода мясников была украшена двумя скульптурными изображениями быков. В самом деле, больные быки исцелялись, когда к ним прикладывали «ключи святого Петра», докрасна раскаленные на огне. Животные органично делили с людьми религиозный мир. Полет белых голубей, выпущенных в церквях, символизировал Святого Духа, полет других птиц — радость и славу. Птицеловы с Нового моста брали это на себя во время въезда королей в столицу (по указу Карла VI от 1402 года им полагалось изловить и выпустить в небо 400 птиц), благодаря чему имели привилегию устанавливать свои клетки и вольеры рядом с лавками ювелиров, но не сооружая помостов и не устанавливая шестов, мешающих проезду.

Другой момент, проливающий свет на повседневную жизнь, касается слов и жестов.

Обычные слова и поступки, которыми по большей части пренебрегают письменные источники, придают яркий колорит повседневной жизни. Историки перечитывают документы, чтобы отыскать там хотя бы намек на жесты и выражения.

Разумеется, когда слова приводятся в документе, они зачастую приукрашены хронистом, но когда они составляют суть рассказа или конфликта, то могут быть записаны в точности. Изречения великих людей сохраняли в письменной форме. Но записывали и слова обычных граждан, если те выступали в роли обвиняемых или свидетелей.

Был ли у Парижа свой особый говор? Несомненно: об этом сообщает Поль Пердризе, изучавший «ошибки» в часословах — «парижизмы», отражавшие специфические черты парижского календаря и почитаемых святых. Так, Епифанию называют «Тифэн», Вероника стала «Венисой», святой Марк — святым Мааром. Каламбуры, порой основанные на произношении, игра образов, случайности календаря объясняют особенности парижской религиозной практики. Святого Себастьяна празд-

нуют 20 января вместе со святым Фабианом: у этих заступников нет ничего общего, разве что их почитают в один день, благодаря чему способности одного (защитить от чумы) приписывают другому. Там — совпадение дат, тут — игра слов. Вот святой мученик Иоанн Евангелист, который погиб, сваренный в кипятке. Поэтому изготовители свечей, кипящие сало, избрали его своим покровителем. Святой Себастьян, расстрелянный из лука, стал по этой причине покровителем ткачей, работавших толстыми спицами, похожими на стрелы, и торговцев железом, поскольку стрелы, терзавшие мученика, были из железа. Порой такая связь основывалась на простом каламбуре, воспринимаемом как этимология: святой Винсент считался покровителем виноградарей и защитником виноградников, потому что в его имени есть «вино». В Средние века такие игры воображения никого не оскорбляли, даже духовенство, позволявшее фантазии верующих заходить еще дальше и порождать шутовских святых, например «святого Дубину».

Выражения и слова фиксировались на бумаге, когда считались оскорбительными или богохульными, а потому наказуемыми. Стремление помешать людям — грешникам, постоянно подвергающимся соблазну задеть честь своего ближнего, — осквернить священные слова, совершить клятвопреступление, отрекшись от присяги, объясняет приговоры, назначавшие наказание за все эти словесные преступления. Несколько примеров поясняют опасность, какой подвергались вспыльчивые, злобные, сварливые мужчины и женщины, застигнутые на месте преступления.

В реестр аббатства Сен-Мартен-де-Шан за 1338 год занесен случай божбы и клятвопреступления. Обвиняемый защищается: у него в рукаве побег виноградной лозы, и клялся он на нем (в парижском произношении *serment* — присяга и *sarment* — побег лозы звучат одинаково). Но не всегда обвиняемые оказывались настолько находчивыми, и свидетели передавали их дурные слова, навлекавшие на них кару. Некоторые не соглашались с тем, что слова их божбы приведены верно, например, один человек отрицал, будто сказал

«будь неладна кровная мать Господня», а попросту он произнес «огнем святого Николая». Таким образом он пытался избежать обвинения в серьезном богохульстве, сознавшись лишь в безобидном ругательстве (упоминания о крови в проклятиях и богохульствах придавали им тяжкий характер и в случае осуждения влекли за собой суровое наказание — клеймо и позорный столб). Но удалось ли ему убедить судей? Слишком уж по-разному звучали оба выражения. В 1339 году один угольщик рассердился на слугу и прикрикнул на него: «Кровью тела Господня, обмануть меня хочешь?» Ему пришлось уплатить 40 су штрафа и провести неделю в тюрьме на хлебе и воде.

Оскорбление ближнего, задевающее его репутацию, причиняет серьезный моральный ущерб, и потерпевшие требуют его возмещения. В документах, сообщающих об оскорблениях, показано, что зачастую от слов переходят к драке, в которую порой втягиваются все родственники и соседи. Так, одно дело 1338 года завершилось штрафом, наложенным на двух мужчин, которые избили третьего, пытались похитить его жену, в пылу драки разбросали хлеб, выставленный в лавке соседа-булочника, и обозвали булочницу «чертовой шлюхой и сводней». Оскорбленная женщина добилась публичного восстановления своей чести, поруганной площадной бранью. Обиженные могли восстановить свою репутацию и другим образом: собрав соответствующие свидетельства и заверив их у нотариуса. Так, одна супружеская пара, пострадавшая от клеветы, воспользовалась такой процедурой в 1486 году, и это был, вероятно, не единичный случай.

Жесты тоже могут задеть честь, повредить репутации. Но оскорбительные жесты редко описывались, да и серьезность такого оскорбления нам не вполне очевидна. Жесты в отношении женщины могут быть сделаны с намерением обидеть ее или просто быть истолкованы как таковые: например, прикосновение к капюшону на накидке молодой девушки воспринималось как серьезное покушение на ее особу, чуть ли не изнасилование. Тогда близкие потерпевшей обращались в суд или добивались возмещения ущерба иными

путями. Точно так же развязать пояс женщины, прикоснуться к ее волосам значило подвергнуть ее оскорблению. А когда чужой человек гладил по волосам ребенка, не получив на это разрешения, семья расценивала этот жест как агрессию.

К нашему большому сожалению, мирные и дружественные жесты, мягкие слова не оставили никаких следов в официальных документах.

В целом повседневная жизнь большинства парижан в конце Средневековья ускользает от взгляда историка. Лишь иногда, по воле случая, проявляются кое-какие черты, ведь составителям документов до нее не было никакого дела. Так что следует продолжать терпеливые поиски разрозненной информации, используя классический, но всегда результативный подход к истории города: опираться на экономические и социальные критерии. Уровень богатства, ремесленная и торговая деятельность, спектр профессий и должностей — из всего этого складывается система отношений и субординации, определяющая законы жизни и возможности социального возвышения. Париж, включая бытовую сторону жизни, — это целый мир, как говорится в панегириках в адрес столицы. Это и резиденция властей — высших (короля), важных и разнообразных (королевских слуг и доверенных лиц), подчиненных, но вездесущих (феодалов, религиозных общин). Наконец, встав на точку зрения Церкви, наше исследование затронет и другие грани этого мира, мира французской столицы. Причем для большей наглядности мы разделим эти три взгляда на повседневную реальность.

БРЕМЯ НАВЯЗАННОЙ ИЕРАРХИИ

В средневековый период смешение социальных статусов, профессий и уровней материального положения во многом подавляло соблазн социальной сегрегации, свойственный ученым особам или магистратам. В городе жили бок о бок бесправные и могущественные, бедные и зажиточные. Это не означает, как опасались некоторые моралисты, стирания различий, забвения прерогатив. Приходится даже утверждать обратное. Привилегии, ранги ревностно соблюдались и охранялись, обрастали всякого рода степенями и нюансами, классифицировавшими и упорядочивавшими средневековое парижское общество. Теперь нам трудно их уловить, но их значение нельзя недооценивать.

Все парижане составляли одно сообщество, которое жило и работало в городе, но это сообщество не было единым целым, объединением равных. Эта очевидность в первую очередь касается различий по уровню богатства. Первым делом мы расскажем о том, что приносили эти различия в состоянии в условия повседневной жизни. Другая форма могущества была дана властью, вверенной королем для исполнения правосудия, контроля за финансами, верной и преданной службы ему для блага общего дела и в его интересах. Наконец, мы рассмотрим могущество, происходящее от принадлежности к миру Церкви. Необходимый пос-

редник на пути к спасению, Церковь присутствует на всех уровнях общества и во все важные моменты в жизни каждого человека.

Между отдельными личностями в группах завязалось множество связей. Эти связи устанавливали иерархию, ибо в нашем мире каждому отведено его место по воле Провидения, определяющего человеку роль в большом мировом спектакле. Совершенно естественно, что существуют великие и малые, хотя в глазах Бога все они лишь бедные грешники. Во всякой организации существуют низшие и высшие, те, кто командует, и те, кто подчиняется. Никто не выбирает своего места на лестнице власти, смиряясь с иерархией. Все общество зиждется на трех сословиях, неравных социально, но солидарных, у каждого из них есть свое предназначение: на вершине находятся те, кто молится (Церковь), затем идут те, кто сражается (дворянство), и, наконец, те, кто трудится (крестьяне, а по сути, в основном богатые горожане, которые могут участвовать в политических дебатах). Такова идеологическая схема. Разумеется, эта модель не применяется механически, сложные общественные связи противятся чересчур упрощенному порядку. Однако этой идеологией неравенства проникнуто все средневековое общество, и парижане не составляют исключения. Ее давление ощущается на всех уровнях, но она тяготеет не столько над богатыми, сильными мира сего и Церковью, сколько над бедными, слабыми и малыми, которые должны оставаться на нижнем уровне навязанных иерархий — порой противостоящих друг другу, но чаще всего подкрепляющих одна другую. Солидарность трех сословий — прекрасная тема для проповеди или ученого рассуждения, но в повседневной жизни она очень редко исходит сверху.

Взглянув на парижскую жизнь под тремя углами зрения, можно провести различия в образе жизни обитателей столицы. Каким образом эти миры — духовный и светский — дополняют друг друга? Противостоят ли они друг другу, соперничают ли? Идеология, богатство и политическая и церковная власть оказывают определенное давление на условия жизни парижан в Средние века.

Глава четвертая

Мир денег: те, у кого они есть, и те, кому их не хватает

Центр этого мира находился на правом берегу Сены, который на первых планах Парижа обозначен попросту как Город. Квартал торговцев, финансистов, обосновавшихся в Париже, потому что мегаполис порождает мощную экономическую деятельность, начиная с нужд потребления, и потому что в столицу стекаются средства, собранные органами королевской власти. Политические функции вызывают финансовую динамику, которая не связана напрямую с развитием торговли или производства, но привлекает в равной степени. Этот мир денег, столь часто обличаемый за развращение нравов, еще весьма непрочен и опасен для тех, кто попал в него и разбогател.

В то же время в Париже, как и в любом другом большом городе, сосредоточено много бедных людей, которым не на что жить, кроме подаяния или благотворительности монастырей и богаделен. Поскольку они весьма многочисленны и собраны в городе, они внушают страх, и Париж в конце Средневековья постарается заключить нищету, возмутительную в сравнении с выставленным напоказ богатством, в жесткие рамки.

Сначала мы поговорим о тех, кто ворочает деньгами, но сделаем скидку на то, что точно оценить состояние и имущество этих обеспеченных, а потому могущественных людей отнюдь не просто.

Раз речь идет о такой крупной столице, как Париж, нельзя не начать с движимого богатства Церкви. Епископ и капитул, старые монастыри — Святой Женеьевы, Сен-Жермен-де-Пре, Святого Мартина (это самые значительные) — были не только крупными землевладельцами, владеющими значительной частью территории города, но и богатыми общинами, поскольку получали регулярные и большие доходы в наличных средствах. Эти учреждения становились кредиторами короля и могли играть роль банков, как одно время тамплиеры. Даже простые клиенты считали церковников честными и надежными управляющими. Очень показательный пример содержится в описи имущества скончавшегося резчика Эннекена из Льежа. Этот известный художник, поставщик короля, не хранил у себя крупных денежных сумм, а складывал их в мешки, опечатывал и отдавал на хранение казначею церкви Сент-Шапель.

В то же время проповедники и моралисты поднимали голос против развращающей власти денег и сетовали на то, что они занимают столь большое место в жизни христиан. Обличительные речи имели успех во время проповедей, но из-за них над торговой и финансовой деятельностью постоянно довлело подозрение в греховности. Конечно, с XIII века специалисты канонического права из парижского университета дали определение нравственному и справедливому использованию денег, займа и кредита, но подозрений и обвинений от этого меньше не стало, особенно когда начинались судебные процессы, связанные с частными капиталами или государственными средствами. Однако такие противоречия не помешали быстрому развитию буржуазии.

Крупная парижская буржуазия

Богатые парижские буржуа сколотили свои состояния за два-три поколения. Это были суконщики, меховщики, галантерейщики, менялы, купцы, ввозившие и вывозившие ткани, ковры и предметы роскоши, а также негоцианты, порой спекулировавшие стро-

ительным лесом или поставившие лошадей королю и вельможам. Разумеется, они являлись собственниками домов, арендная плата за которые и рента приносили им постоянный доход. Через брачные союзы или путем кооптации они внедрились в среду богатых людей, управлявших городом, или поступили на королевскую службу, получив должность в сфере финансов или правосудия. Помимо парижских владений они зачастую имели имущество в сельской местности, покупали имения, обладали загородным домом поблизости от столицы, куда выезжали отдохнуть и подышать свежим воздухом.

Археологические раскопки, связанные с перестройкой Лувра, позволили обнаружить фрагменты одной из таких загородных резиденций — красивого дома, выстроенного в первой половине XIV века и разрушенного в 1356 году, во время возведения оборонительных сооружений вокруг Парижа. Этот дом принадлежал Пьеру Дезэссару, умершему в 1348 году, и был частью наследства, принятого Пьером де Лорри.

Пьер Дезэссар был влиятельным столичным нотаблем. Семейство Дезэссаров, происходившее из руанской буржуазии, окончательно ассимилировалось в Париже в XIII веке. До 1327 года Пьер был казначеем королевского двора и принадлежал к тем финансовым и деловым кругам, что поставляли монархии незаменимых советников. Этим объясняется его возведение в дворянское достоинство в 1320 году, затем дворянство было пожаловано его жене Жанне де Паси. Как и некоторые другие важные особы, он пользовался почестями и привилегиями, связанными с обоими статусами: парижского буржуа и дворянина (такая практика существовала, по меньшей мере, до конца XIV века). Знатные нотабли, даже став дворянами, не покидали ни среду богатых буржуа, ни деловой и финансовый мир. Пьер Дезэссар был членом церковного совета церкви Сен-Жак-де-ла-Бушри и товарищем Сен-Жак-о-Пельрен — два признака интеграции в парижскую буржуазную элиту. Но его имущество перешло к королю, когда против него затеяли судебный процесс, а после его смерти наследство обложили огромным штрафом в 50 тысяч

ливров, подлежащим немедленной уплате. Одна из его дочерей вышла замуж за Этьена Марселя (впоследствии ставшего купеческим старшиной Парижа), другая — за Пьера де Лорри. Этьен Марсель отказался от наследства, боясь, что с него потребуют уплаты крупных долгов. Пьер де Лорри побился об заклад, что король восстановит справедливость в отношении своего покойного советника, а его имущество будет возвращено семье, и поэтому принял наследство. Он оказался прав и вернул себе семейное состояние. Этьен Марсель, разумеется, был этим сильно раздосадован и, став военным комендантом Парижа, вероятно, с большим удовольствием, пожертвовал красивым загородным домом своего родственника ради нужд обороны столицы. Это была действительно жертва, если принять во внимание размеры особняка и роскошь убранства.

Благодаря раскопкам удалось узнать, что дом занимал 350 квадратных метров на общей площади в тысячу квадратных метров: два крыла, примыкавшие к основному зданию, окружали двор, выходивший к Сене. Остатки внутренних настенных росписей, а также различные предметы (монеты, керамика, изделия из стекла) представляют собой исключительную находку, поскольку в Париже уже не осталось зданий той эпохи и парижская гражданская архитектура плохо известна: в текстах содержится мало описаний красивых домов, находившихся как в самом городе, так и за его стенами.

Успех того или иного рода в буржуазной среде обусловлен различными способами обогащения, среди которых — удачная торговля или промышленная деятельность и коллективный успех, складывающийся из преуспевания каждого члена семьи. В самом деле, не всякий личный успех повлек за собой основание крупного буржуазного рода. Длительное преуспевание подразумевает везение и упорство, а также наличие наследников, способных подняться еще выше по социальной лестнице. Тому свидетельство — жизнь одного парижского буржуа, воссозданная Анной Терруан по чудом сохранившемуся журналу, куда он заносил сведения о своих торговых делах, об операциях с недвижимостью и дру-

гих коммерческих делах. Жоффруа де Сен-Лоран, живший во второй половине XIII века, занимался торговлей, приобретал земельные владения внутри и вне города, завязывал нужные связи через семью жены, которая стояла выше его по происхождению, а также благодаря своим талантам, ибо он был известен своими способностями улаживать споры, и церковные иерархи высоко ценили его услуги. Таким образом, он создал основу для социального взлета своей семьи, но его сыновья не смогли или не сумели продолжить начатое.

Влиятельных парижских родов не так уж много, они образуют свою среду, в которую через посредство брака принимают новых членов, чаще всего буржуа и купцов из другого города. Их превосходство выражается в богатстве, которое сочетается с властными полномочиями эшевена или городского чиновника. Эти люди принимают деятельное участие в политических делах королевства, с ними советуются короли, прибегая к их административной и финансовой компетенции. Со времен Филиппа Августа мудрый король никогда не пренебрегал мнением этих разумных и осторожных людей, как сказано в преамбулах королевских ординасов. Барбетты, Пье-д'Уа, Жансьены и другие именитые парижские семейства поставляют эшевенов, имеют родственников в Шатле или в парламенте. По сравнению с другими элитарными кругами крупная буржуазия неоднородна: с одной стороны, буржуа легко могут сделать прекрасную карьеру вне деловой сферы, ибо они очень близки к властным структурам Парижа, но в то же время им приходится идти на определенный риск, ибо опала, пусть даже временная, вроде той, что обрушилась на семью Дезэсаров, может поставить под угрозу весь род, политическая борьба способна на какое-то время превратить родственников в мятежников, что испытала на себе семья Этьена Марселя, а финансовые нужды государя — разорить неосторожных или чересчур нетерпеливых карьеристов.

В городе у именитых родов были дома, о которых упоминается в налоговых документах, например в податных книгах. Эти династии обосновались в конце XIII — начале XIV века на острове Сите, заняв дома евреев,

изгнанных в 1182 году, и на правом берегу Сены, в приходе Сен-Жермен-л'Оксеруа, возле Рынка или Гревской площади. К особняку главы семьи или поблизости от него пристраивался дом сына, зятя или брата, так что один род главенствовал над целым кварталом.

На современном этапе исследований утверждается представление о том, что буржуазная элита не особо заботилась об архитектуре, по меньшей мере до середины XIV века, и буржуазный особняк был всего-навсего объединением двух-трех обычных домов. Первый этаж был отдан под хозяйственную деятельность: лавку и склад, а верхние этажи — два, максимум три — под жилые помещения; в одной-двух комнатах хозяин дома хранил свои бумаги, деньги и порой принимал гостей. В одной купчей крепости конца XIV века достаточно подробно описано одно такое жилище. Это два довольно больших дома (в документе упомянуты постройки, которые могут сдаваться внаем), вероятно, хорошего качества: с водостоками, трубами для слива грязной воды и уборной. При таких домах, расположенных в центре торговой части города, были только дворы: ни о каком саде или колодце речь не идет.

Дюжина человек, живущих под одной крышей, составляли домашний круг, в который входили родственники и постоянные слуги. Но власть этого круга простиралась и дальше. Он расширялся за счет прислуги и батраков, не столь тесно связанных с его ядром, захватывая также клиентов, служащих и ремесленников, работающих на главу рода, — это последняя граница его влияния. Вид дома главы семьи весьма неполно отражает его влияние в обществе. Но относительная скромность жилища наверняка обусловлена безразличием к показухе — дорогостоящей и бесполезной. Барбетты или Бурдоны не выставляли напоказ свое богатство и положение в обществе.

Похоже, что крупная буржуазия начала XV века была уже иной по своим пристрастиям и потребностям. Отношение богатых буржуа к красивым постройкам изменилось. По свидетельству Гильберта де Меца, это произошло уже в конце XIV века.

Автор оставил нам описание столицы, в котором, в частности, рассказывает о зданиях, вызвавших его вос-

хищение, в том числе о красивых особняках, принадлежащих богатой парижской элите. Его свидетельство очень ценно. Гильберт останавливает наше внимание на королевском дворце, на различных красивых церквях, однако ограничивается лишь упоминанием особняков принцев крови (Бурбонский дворец, «вельми богатое и нарядное строение», дворцы Сен-Поль, где жили король и королева, Пти-Мюск, где проживал дофин, Сицилийский, Турнель, Артуа и дворец короля Наварры, Фландрский, Алансонский, Голландский, Монтегю, Турнэ, Клиссон и другие). Заметим, что Гильберт не описывает ни одной из этих королевских резиденций, а приводит лишь название, имя владельца и тех, кто в нем проживает. Добравшись до красивых домов именитых буржуа, он вдается в подробности и вводит нас в одно из таких жилищ, помещающееся на улице Прувер, — в дом мэтра Жака Дюси (Дюши или Души), который исполнял должность письмоводителя в Счетной палате.

Расположенный на месте трех домов, упоминавшихся еще в оброчном реестре парижской епархии от 1399 года, особняк, наверное, был выстроен в первые годы XV века и потому являлся предметом восхищения, поскольку представлял все самое лучшее, что только можно было увидеть в то время. Возникает даже подозрение, не выдумал ли Гильберт этот прекрасный дом, а может быть, сильно приукрасил его описание, но, как бы там ни было, он сообщает нам, каким был или должен был быть, по его мнению, красивый городской особняк.

Через высокие резные ворота мы сначала попадаем в большой двор, где разгуливают павлины и другие птицы. Затем нас проводят в комнаты — большие парадные залы. Первая украшена картинами, в другой собраны музыкальные инструменты, на которых Жак Дюси будто бы умел играть, — арфами, фисгармониями, виолами, лютнями и псалтерионами, в третьей зале расставлены столики для игры в шахматы, триктрак и шашки. В трех этих залах сконцентрирована мирская культура важного нотабля: образы и тексты, музыка и логические игры. Книги хранятся в часовне, которая служит библиотекой, напоминая о том, что всякая книжная культура

прежде всего является религиозной; большие тяжелые фолианты в переплетах из дерева и слоновой кости или металла, богато украшенные, с металлическими застежками, лежат на специальных пюпитрах. В комнате, описанной далее и названной конторой (скорее всего, это рабочий кабинет нотабля), в особых резных шкафах хранятся драгоценные камни, пряности (сладостные ароматы, уточняет Гильберт) и меха — символ купеческого богатства. В остальных комнатах, названных спальнями, имеются кровати с пологом, украшенным золотой бахромой, и красивые ковры.

Гильберт де Мец становится необыкновенно красноречивым, добравшись до комнаты, в которой Жак Дюси хранил оружие: большие арбалеты, украшенные искусной резьбой, луки, пики, кинжалы, топорики, короткие мечи, кольчуги, щиты разной формы, а также доспехи, флаги и знамена. Здесь целый арсенал оборонительного и наступательного оружия, военное и парадное снаряжение, что подчеркивает боеспособность хозяина дома в случае, если ему придется участвовать в обороне города.

В заключение де Мец возвращается к более мирным и приятным занятиям обитателей дома. Верхняя часть особняка (сколько в нем было этажей? Наверное, больше двух, поскольку, как сообщает автор, в эту комнату тяжело подниматься по лестнице) занята большой квадратной комнатой, четыре окна которой выходят на четыре стороны света. Таким образом, можно обозреть панораму города и пировать, наслаждаясь красивым видом, поскольку яства туда поднимают на специальном подъемнике, благодаря сложной системе блоков. С верхнего этажа дома можно любоваться городом, а с улицы — домом, его башенками и крышей, украшенной золочеными статуями. Слуги хозяина дома, просвещенного человека, обладающего хорошим вкусом, были ему под стать: вышколенные, учтивые и любезные. Гильберт, возвращаясь в своем описании к особняку, повествует о плотнике, нанятом на постоянную службу для поддержания построек в порядке*

---

* Отметим, что речь идет о плотнике, а не о каменщике. Даже престижные гражданские здания были деревянными, камень использо-

После такого эмблематического описания богатства и образованности крупных буржуа, слуг короля, он завершает свой рассказ указанием на существование многих других подобных домов, принадлежащих богатым и могущественным особам.

Этот мир богатых буржуа обладает достаточным влиянием, чтобы его признавало парижское общество. По крайней мере, в XIII и в первой половине XIV века к дворянству не стремились, короли в своей благосклонности ставили богатых буржуа достаточно высоко, чтобы те считали себя равными по рангу дворянам, которые тоже служили государям. Парижские нотабли как социальная группа приобрели, таким образом, некую автономию в социальной иерархии, благодаря которой далеко не всегда стояли позади дворянства.

Однако сословное общество порождает прочную идеологию, принижающую недворян, в том числе и богатых. Даже крупная парижская буржуазия не может служить исключением из правила. Это находит отражение в образе жизни, скопированном с дворянского: буржуа тоже ставят свой дом на широкую ногу, стремятся к роскоши в одежде и украшениях, выставляют богатство напоказ и даже в развлечениях подражают дворянам. Отсюда — ристалища*, любовь к куртуазной поэзии и роскошным празднествам, в том числе семейным, привычка широко тратить деньги, что было на руку поставщикам и соседям. Еще в большей степени, чем дворяне, эти влиятельные люди жаждут знаний и любят чтение, о чем говорит описание особняка Жака Дюси. Для них получение ученой степени, необходимой для удачной карьеры — часть семейной стратегии, цель которой — развитие и процветание рода.

В замечаниях Гильберта содержится намек на то, вался лишь для фундамента и частично для облицовки стен. Так что плотник был важнее каменщика.

* В Парижской хронике 1316—1338 годов безымянный автор, вероятно, тоже буржуа, рассказывает о турнирах, когда всадники сражались по заданному «сценарию», например: «Троянская война», а также о состязаниях между богатыми буржуа Парижа и северофранцузских городов.

что под конец Средневековья наметилась тенденция, побуждающая буржуа влиться в дворянство; на заре Новой истории обозначились несколько типов дворян (шпаги, мантии), которые отражали адаптацию идеологии трех сословий к изменениям в обществе. Крупная парижская буржуазия подчинилась этой тенденции и избрала свой тип. Но чаще буржуа покупали земли и поместья, стремились к титулам, жаждали возведения в дворянство. В Париже как нигде успех, которого удалось добиться на королевской службе и благодаря карьере в административном управлении, был более частым явлением, чем процветание, основанное на промышленной деятельности и международной торговле.

Международные финансисты и королевские казначеи

Париж давал временный приют иностранцам, явившимся вести дела, переводить деньги в столицу. Разумеется, здесь были итальянцы, поставившие свои знания и навыки на службу монарху, в частности уроженцы Лукки и Сиены, весьма многочисленные в XIV веке. В Париже эти итальянцы, финансисты и банкиры, посредники крупных торговых компаний, опирались на своих соотечественников, обзаведшихся собственным домом, которых в податных книгах именуют ломбардами. Вместе с группой евреев, тоже выделенной в налоговых документах, они олицетворяют собой в парижском обществе роль денег и международной торговли. Их деятельное присутствие в столице отмечалось по меньшей мере до конца XIV века. Оно пришло на смену торговым операциям, осуществлявшимся на ярмарках Шампани, а затем, с закатом ярмарок, Париж стал играть роль перевалочного пункта между итальянскими государствами и фламандскими и английскими владениями. Королевский двор, благодаря которому в Париже постоянно проживала часть аристократии и высшего духовенства, поощрял развитие рынка предметов роскоши и привлекал крупных коммерсантов. Иностранцы чаще всего не смешивались с крупной парижской буржуазией, однако завязывали с ней мно-

гочисленные связи, поскольку тоже служили королям и государям.

Дигне Респонде являет собой прекрасный пример таких купцов-финансистов, высоко ценившихся в конце XIV — начале XV века. Дигне родился в Лукке около 1350 года. Он занимался заморской торговлей и владел тремя торговыми домами: в Монпелье (морские перевозки), в Брюгге, одном из центров международной торговли, и в Париже, рядом с королевской и княжеской клиентурой. Он покупал и продавал дорогие ткани (сукна и шелк), драгоценные камни и конечно же занимался обменом денег и банковской деятельностью. Его состояние позволяло ему давать займы знатым вельможам, например герцогу Бургундскому, которому он служил в качестве советника. Он также завязал отношения с французским двором и наведывался в Париже в королевскую резиденцию — Сен-Поль. Карл VI пожаловал ему в 1384 году грамоту о французском подданстве для всего его семейства (двух братьев и племянника) и присвоил ему звание гражданина Парижа. Дигне был старшим в семье Респонде (или Рапонде), он оказался замешан в события гражданской войны в Париже: по сообщениям хронистов, его обвинили в финансировании убийства Людовика Орлеанского в 1407 году и даже в том, что он лично в этом участвовал. Наверное, он был «бургиньоном» и завершил свои дни в Брюгге (в 1414 или 1415 году). Однако его семья осталась в Париже, при дворе, сохранив клиентуру и благоволение короля.

Не все исторические события были благоприятны для международных финансовых связей. Так, в первой половине XV века, когда обострились международные конфликты и участились войны, Париж оказался оторван от главных экономических и финансовых потоков на несколько десятков лет. Однако в целом времена интенсивных контактов брали верх над периодами относительной изоляции. Они приносили в жизнь столицы и ее жителей возможность соприкоснуться с другими видами культуры, языками, с новым образом жизни, и под воздействием этих факторов сформировался парижский дух.

Довольно показательным примером таких контактов служит развитие культа «Распятия из Лукки», возникшего в 1343 году в Париже, когда итальянские купцы основали великолепную часовню при церкви Гроба Господня на улице Сен-Дени. Речь идет о чудотворной византийской иконе, изображающей Христа на кресте. Жители Лукки принесли ее культ на Запад, основывая посвященные ей часовни с гарантированными доходами для служившего в ней капеллана. Такие часовни есть в Провансе, Амьене, в Англии, во Фландрии, в Германии и Австрии — везде, где их учреждали поселившиеся там купцы из Лукки, чтобы им было где собираться и молиться на чужбине. Это изображение встречается на вывесках при домах: так, копаясь в купчих на землю, я обнаружила, что на одном доме по улице Сен-Жак сначала была вывеска с изображением дуба, потом — золотого льва, а затем — Распятия из Лукки. Можно упомянуть и о волхвах, ассоциируемых с германским миром и обозначаемых в текстах как «кельнские короли», что вызвано популярностью паломничества в Кёльн. В самом деле, согласно жизнеописаниям святых, мощи Мельхиора, Гаспара и Валтасара сначала хранились в Константинополе, потом в Милане, где их обнаружили в 1158 году, а оттуда были перевезены в Кёльн архиепископом Райнаутом в 1164 году. Праздник волхвов приходится на 6 января и называется Богоявлением. Об обменах религиозными обрядами сохранились письменные свидетельства, однако из них не почерпнуть сведений о том, что ели или как жили под воздействием этих влияний. Археологические находки говорят об обменных потоках, что доказывают найденные изделия из стекла и керамики, посуда, украшения.

Места, где хранятся деньги (монеты), имеют большое значение; Тампль со своим донжоном или большая башня Лувра возвышаются над окрестным пейзажем и поражают воображение. Здесь хранится королевская казна. Тампль напоминает о том, каким опасным может быть обращение с королевскими деньгами и государственными финансами (судебный процесс против тамплиеров, завершившийся вынесением многочисленных смертных приговоров, возвед-

ших на костер и Великого магистра Жака де Моле, сожженного в Париже в 1314 году, во многом объясняется тем, что орден исполнял роль банка). Ангерран де Мариньи скопил солидное состояние, но бывший хранителем казны, окончил жизнь на виселице в Монфоконе. Судебные процессы против крупных финансистов, завершившиеся публичными казнями, как, например, повешение Ангеррана в 1315 году, или бегством виновного, как, например, Жака Кёра в 1454 году, указывают на непростой характер таких дел. К этому примешивается политическая борьба: показателен пример Монтегю — советника Карла V и Карла VI, ненавидимого герцогом Бургундским, арестованного, а потом обезглавленного на Рынке в 1404 году. Политическая ненависть подогревалась личными интересами, как в случае с казначеем Жаком Кёром, на которого обрушились обвинения со стороны вельмож, так как он одалживал им деньги и его опала могла избавить их от необходимости платить по долгам. Эта ненадежность движимого имущества объясняется еще и его исключительным характером. Роскошь и власть финансистов были непонятны для большинства парижан; общественность находила легкодоступную отдушину в зрелищных казнях, которыми вельможи и короли умели пользоваться в своих интересах. Методы финансовых воротил, денежные суммы, проходившие через их руки, контакты между частным капиталом и государственной казной — все эти вопросы не укладывались в голове у большинства граждан столицы. Их опыт, как и их познания не позволяли им отличить истинное от ложного, тем более что на суде выдвигались дополнительные обвинения в колдовстве и отравительстве, подозрения в других жутких преступлениях и в довершение всего — в измене.

Мещане

Однако денежные и валютные операции не были делом узкого круга финансовой элиты и богатого купечества. В огромном городе все так или иначе учас-

твовали в денежном обращении. А это обращение было непростым. Одновременно имели хождение три типа денег: золотые монеты для крупных покупок (но большинство парижан пользовалось ими лишь в исключительных случаях), серебряные монеты, а для совсем уж грошовых сумм — так называемые «черные деньги», в которых не содержалось практически никаких драгоценных металлов. В зависимости от совершаемой сделки парижане использовали то одно, то другое.

Бухгалтерская казуистика оказывалась еще сложнее, чем игра с тремя видами монет. В обращении находились несколько видов золотых и серебряных монет: французские, довольно многочисленные, и иноземные, которые следовало отдать меняле, поскольку их не принимали напрямую. Официальная стоимость королевской монеты строго не соблюдалась, эти деньги принимали на рынке в зависимости от экономической конъюнктуры, курса драгоценных металлов, случайностей валютной политики государей. Так что историк, пытающийся рассчитать цены, сравнить доходы, расходы или издержки, зачастую заходит в тупик и гораздо хуже ориентируется в темном лесе настоящих денег, чем средневековые парижане. Почва под ногами становится тверже, когда в руки попадают бухгалтерские книги, оброчные реестры или другие перечни рент и доходов.

В самом деле, в счетах использовалась упорядоченная система из ливров, су и денье, в которой один ливр равнялся двадцати су, а один су — двенадцати денье. В Париже эта система именовалась парижской (*parisis*), но постепенно была вытеснена турецкой: четыре ливра парижской чеканки равнялись пяти турецким ливрам. Ренты, долги и зачастую счета, предъявляемые к уплате, выражались в разменной монете. Современники могли точно определить, скольким конкретным монетам соответствует сумма, указанная в ливрах, су и денье.

Такие сложности были неизбежны в повседневной жизни любого парижанина, который получал плату за свой труд или сам выплачивал жалованье, ренту или арендную плату, покупал или продавал товары и сырье. Большинству домовладельцев требовалось манипули-

Святой Людовик. *Миниатюра XIV в.*

Рыцарь
и оруженосцы.
Миниатюра XIII в.

Знатная дама
с соколом.
Миниатюра XIV в.

Переписчик
в своей мастерской.
Миниатюра XV в.

Семейство небогатого
горожанина.
Миниатюра XIV в.

В таверне.
Миниатюра XV в.

«Правосудие».
Миниатюра XV в.

Выплата ренты. Миниатюра XV в.

Казнь. Миниатюра XV в.

Булочник.
Миниатюра XV в.

Папа и кардинал.
Миниатюра XV в.

Жонглер.
Миниатюра XV в.

Мастер и ученики.
Миниатюра XV в.

Дамы и кавалер. Миниатюра XV в.

Зажиточные горожане. *Миниатюра XV в.*

Знатные дамы на турнире. *Миниатюра XV в.*

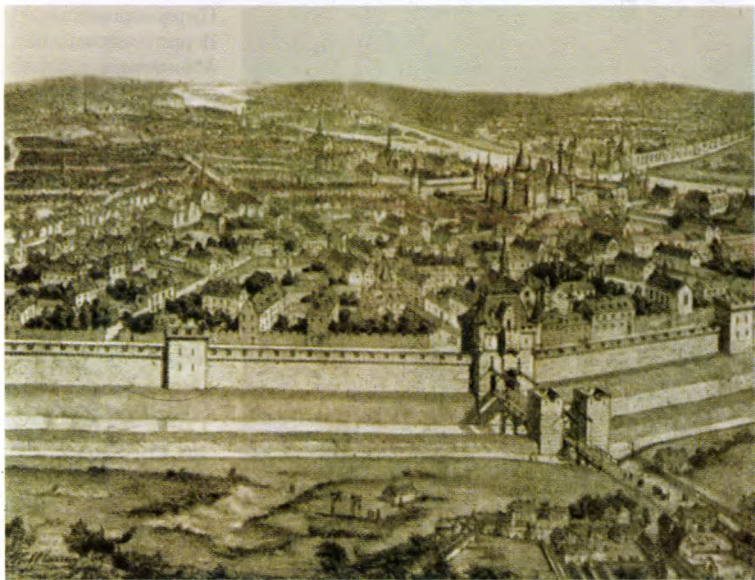

Тюремщик. Менестрель. Шут. Буржуа и нищий. Паломник. Пастух.
Миниатюра XV в.

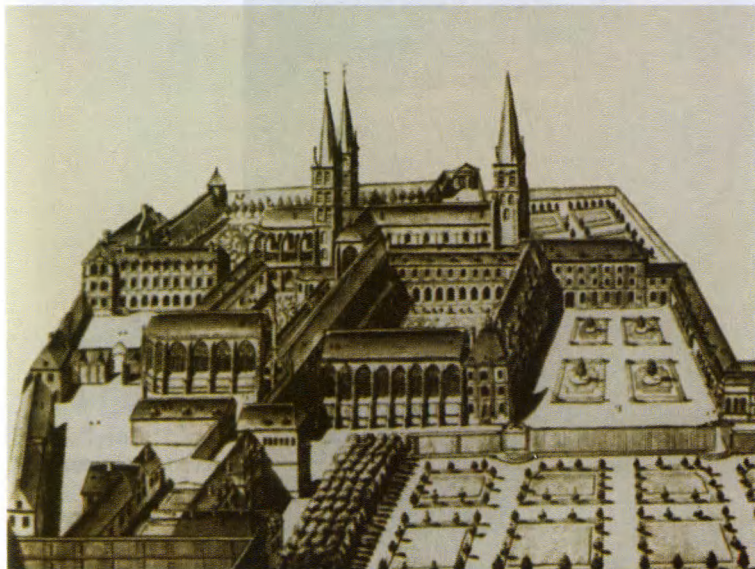
Придворные Карла VIII. Миниатюра XV в.

Вид на Париж с Монмартра в XV веке. *Реконструкция*

Аббатство Сен-Жермен-де-Пре. *Гравюра XVII в.*

Пир у герцога
Беррийского.
Миниатюра
братьев Лимбургов.
Фрагмент.
(Времена года. Январь)

Замок Лузиньян.
Миниатюра
братьев Лимбургов.
Фрагмент.
(Времена года. Март)

Нельский замок.
Миниатюра
братьев Лимбургов.
Фрагмент.
(Времена года. Июнь)

Замок Лувр.
Миниатюра
братьев Лимбургов.
Фрагмент.
(Времена года.
Октябрь)

Собор Парижской Богоматери. Современная фотография

ровать деньгами, необходимыми для повседневных расходов. Таким образом, подобные проблемы затрагивали большое количество горожан, для удобства называемых мещанами.

Это были мастера из почтенных цехов, перечисленных в порядке почетности в списке цеховых стягов, составленном по ордонансу 1467 года; у них зачастую было кое-какое имущество в деревне и несколько источников дохода в своем квартале, но жили они прежде всего своим трудом — ремесленника или торговца. В налоговых документах они обозначены как лица со средним доходом. Они составляют живые силы столицы, на их процветании и оптимизме основана динамика города. Именно они вкладывают средства в строительство, оживляют местную торговлю и дают работу слугам и подмастерьям. Очень мало прямых свидетельств сообщают нам конкретные примеры: документы такого типа сохранились лишь в том случае, если был судебный процесс, или же по счастливой случайности.

К последнему относятся бумаги одного портного, который жил в XV веке на левом берегу Сены и прозывался Коленом де Лормуа. Его счета охватывают два десятка лет — с 1423 по 1444 год, в мрачный для парижан период, когда поневоле приходилось торговать в кредит, но из осторожности вести точные записи. Колен шил камзолы, плащи, накидки и брал деньги за материю, кройку и отделку — меха, подкладку, пуговицы и прочее. В счета портной заносил крупные расходы (в частности, за аренду своего дома), доходы (зачастую ожидаемые), поступления от работы. Из них следует, что он часто одевал нескольких членов одного семейства. Например, один певчий из Арраса уплатил за пошив камзола для себя, плаща для одного из своих племянников, затем за починку накидки, за пошив мантии для другого племянника; за все эти заказы было уплачено «два золотых дордрехта* на сумму в сорок парижских су». Клиентура Колена в социальном плане была разнообразна. В нее входили важные нотабли, например Жан

---

* Бургундская монета, чеканившаяся в Дордрехте и стоившая 14—16 су.

Санген, побочный сын Гильома Сангена, узаконенный в 1401 году, поскольку являлся единственным наследником мужского пола, получивший в 1414 году дворянство и умерший в 1468-м. У него было восемь детей: пять мальчиков и три девочки, трое из которых упоминаются в счете за перешитую или новую одежду, вышедшую из-под трудолюбивых рук Колена де Лормуа. Портной одевал и магистров университета, студентов и ремесленников, которые не платили за приобретение тотчас же, но при свидетелях давали письменное обязательство заплатить в положенный срок. Вот одна из таких расписок: «Колен Филандрие должен мне сумму в 26 парижских су за плащ, который я ему продал в первый день мая этого года в присутствии Ролана Кордонье и слуги Алардена Кордуанье. Означенную сумму оный Колен пообещал уплатить мне на ближайшую Пасху. Составлено в 15-й день августа года 1425».

Мир добрых ремесленников существовал так же, как и мир городской элиты. По примеру благородных родов или семейств богатых нотаблей средняя буржуазия обрастала семейными связями, заключая брачные союзы между людьми одной профессии или схожих ремесел. Деловые связи, отношения с соседями, различные контакты внутри прихода или цеха поддерживали и поощряли взаимопомощь. Семья, стремящаяся преуспеть, равномерно распределяет своих членов и союзников между всеми возможными областями деятельности — между мастерской или лавкой, светскими или церковными должностями: имея среди родственников и друзей кюре или каноника, можно пристроить сына в учебное заведение, а прокурор, знающий мир Шатле или парламента, поддержит кандидатуру племянника или зятя на нужную должность, и все эти сложные и тщательно поддерживаемые связи дают надежду на повышение по социальной лестнице, увеличение доходов и уважение в обществе. Этапами такого возвышения становятся совет приходской церкви, в котором мещане делают старостами, дополнительная муниципальная должность — глашатая, пристава или кваргального, которую можно исполнять без отрыва от производства. Не всегда подобная страте-

гия приводила к успеху, и множество семей добились только относительного благополучия, которое, впрочем, рухнуло после кризиса начала XV века. Разорение лавочников и ремесленников повлекло за собой и упадок города. В преамбулах королевских ордонансов говорится об этом с горечью. Разоренные или обедневшие простые люди пополнили собой ряды бедняков и тех, кого в налоговых документах называют неимущими.

От достатка к выживанию: бедняки и обнищавшие

Повседневная жизнь бедных парижан ненадежна и сводится к преодолению изо дня в день всевозможных трудностей, чтобы раздобыть пропитание или кров. Найти хоть какую-то работу, которая принесет кусок хлеба, возможно в большом городе, когда он процветает. Зачастую неквалифицированные рабочие или разорившиеся ремесленники собирались с самого утра на Гревской площади, пытаясь найти временную работу: землекопа на стройке, помощника для перевозки грузов — на день или на неделю. В документах говорится о поденщиках, занимавшихся торговлей вразнос, предлагавших свои услуги или перепродававших в розницу продукты или предметы повседневного спроса. При случае они могли наняться за несколько черных монеток в помощники к мещанину или служанке из зажиточного дома.

Огромная масса слуг, которые могли рассчитывать лишь на свою пару рук при наличии постоянного места работы, пополняла армию обездоленных. Лакеи и служанки не имели уверенности в завтрашнем дне, если придутся не ко двору, поспорятся с хозяином или управляющим. Подыскать себе новое место нелегко, конкуренция здесь жесткая, ведь экономическое положение осложняется, а Париж привлекает к себе толпы бедных и неимущих в поисках работы.

Эти люди могут стать нищими и жить только подаванием. Выжить, побираясь под окнами, было целым искусством. В каждом квартале были свои бедняки,

часто селившиеся у дверей церкви, а порой являвшиеся на раздачу хлеба в монастыри. Мир профессиональных нищих был достаточно хорошо организован, и каждый в нем знал, когда будут похороны, где нуждающимся раздают хлеб или мелкие монетки, но и раздатчики научились различать тех, кто несколько раз являлся за милостыней, оставленной покойным. Свадьбы и крестины тоже могли сопровождаться раздачей еды и денег. Религиозные общины в определенные дни, чаще всего на праздник святого покровителя, раздавали еду и деньги узникам, больным, нуждающимся. Некоторые имели официальное право просить милостыню: например, слепцы из приюта «Пятнадцать Двадцаток»* или нищенствующие монашеские ордены, в частности францисканцы, которые сами избрали себе такую долю; для них нищенство было не печальной необходимостью, а формой благочестия; часть собранной милостыни они раздавали другим.

Нищенство вкупе с благотворительностью тоже можно рассматривать как один из регулярных потоков обращения денег и имущества. Между материальными и духовными благами совершается обмен: дающие деньги из милосердия получают взамен деятельные молитвы бедняков, которые страдают в этом мире и копят духовные богатства для того света. Нет сомнений, что такой обмен может приобрести нарочитую форму. Семья, выказывающая в нескольких церквях посмертное милосердие одного из своих членов, извлекает из этого свои преимущества: возрастает их престиж в земном мире, что порой компенсирует дурное настроение от чрезмерной щедрости покойного. Прекрасный тому пример содержится в завещании Дени де Моруа, генерального королевского прокурора в парламенте, составленном в 1411 году. Дени тщательным образом организовал раздачу разных сумм в день своих похорон. В частности, он выделил деньги на милостыню неимущим (16 ливров, из расчета 1 денье на человека), чтобы раздавать ее в местах, отведенных для нищих, в течение недели. Бла-

---

* Приют был учрежден в 1260 году Людовиком Святым для парижских слепцов. Король велел выстроить под стенами Лувра больницу на триста коек, отсюда и его название. (*Прим. пер.*)

годаря этому Брониславу Геремеку удалось составить карту мест раздачи милостыни в Париже.

Все завещания составляли по одному образцу с тех пор, как начиная с XIII века Церковь вменила в обязанность написание завещания, а умереть, не выразив последней воли, стало считаться грехом. Завещатель мог располагать имуществом, не подлежащим передаче по закону его детям, и воспользоваться этой свободой, чтобы искупить свои прегрешения, завещав деньги в пользу бедных или монахов, которые займутся раздачей имущества.

Однако к концу Средневековья нищенство и выставленная напоказ бедность стали подозрительными, и парижские мещане, не в силах бороться с количеством нуждающихся, потребовали принять меры. По словам муниципальных властей и правителей, в Париже было слишком много мужчин и женщин, которые скатились от случайной работы по найму к нищенству и от праздности к преступности. Эта проблема возникла, судя по всему, гораздо раньше эпидемии чумы 1348 года, и в определенном смысле учреждение в Париже, как и в других крупных городах Запада, нищенствующих орденов, которому способствовали пожертвования их монастырям, в частности в виде земельных угодий, стало отражением возмущения, вызванного нарочитой роскошью и богатством, соседствующим с крайней бедностью. Но похоже, что найденные решения — странноприимные дома и религиозное нищенство, включившее бедняков в деятельность по спасению души, — оказались достаточны для того, чтобы контраст не вышел за приемлемые рамки.

Великая чума изменила положение. Во-первых, потому, что она была следствием или сопутствующим явлением настоящей экономической депрессии, не говоря уже о последствиях первого крупного поражения в Столетней войне, перетряхнувшего парижское общество. В результате этого демографического кровопускания произошло разрежение имеющейся рабочей силы. Великий ордонанс Иоанна Доброго от 1350 года, имевший последствия для всего королевства, был издан в первую очередь для столицы. Он приказывал снизить заработную плату до того уровня, какой

был до эпидемии, то есть наказать хозяев и рабочих, которые сговорились бы повысить плату за труд. Такие меры (одни из первых, о которых осталось письменное свидетельство) оправданы, как утверждает в ордо-нансе, тем фактом, что работники обоего пола отказываются трудиться, если им не повышают жалованье, предпочитая сидеть без работы, посещают таверны, где играют и пьют. Власть, позволяющая нижестоящим и малым таким образом помыкать собой, извращена, такое неподчинение — источник греха, за который королевская власть намерена воздать по заслугам.

Конец Средневековья в большом городе был эпохой, когда социальный страх, презрение к бедным и неприятие приезжих ощущались все сильнее. Страх перед бродягами, у которых «ни кола ни двора», перед людьми «без определенного места жительства» в XV веке чрезвычайно вырос. Их заранее считали виновными, потому что подозревали в готовности на любое злодеяние, ведь им нечего терять. Однако таких очень много. Городской кризис в Париже и великие несчастья, обрушившиеся на королевство, направили их на стезю нищих, бродяг и воров, чтобы выжить, — тем более опасную, что во время войн свирепствовало узаконенное насилие. Запершись в своих стенах, Париж пережил в 1420—1430-х годах гражданскую войну и иноземное нашествие, которое разрушило его округу, перекрыло торговые потоки и нарушило снабжение. Но когда вернулся мир, а городское хозяйство восстановилось, страх остался. Именно им проникнуто требование усилить контроль над нравственностью, проводить проверки групп, считающихся опасными (бедняков, студентов и даже женщин), принимать систематические меры по надзору, выдворению и изоляции.

Нельзя недооценить иерархию, основанную на богатстве и, прежде всего, деньгах, — новый порядок, частично обличаемый христианской моралью, но в то же время ставший основой современного общественного устройства, глубоко связанной с городом и его деятельностью. Отношение к деньгам — будь то в производстве богатств, их распределении, в исправлении неравенства, порожденного новым порядком, — определяет в Париже возможности современности — экономической, идеологической, политической и социальной.

Глава пятая
Мир власти

Париж, политический и административный центр королевства, был местом постоянного проживания всякого рода чиновников: юристов, магистратов, администраторов, судей. Дворы государей привлекали живших в Париже «слуг» королевского двора (то есть ближний круг лиц, исполняющих более или менее почетную должность), прислугу в домах, принадлежащих королевской семье и принцам. Городское правительство, со своей стороны, давало работу и средства к существованию собственным служащим. К этим должностям и службам, относящимся к функциям столицы королевства, добавлялись должности, в большей степени зависевшие от частного сектора, — агенты и слуги крупных парижских феодальных владений, которые также нанимали клерков, прокуроров и чиновников. Благодаря всему этому парижское население включало довольно большой сегмент, состоящий из людей, которые жили за счет политической деятельности в широком смысле слова, исполняя судебные, административные и управленческие функции. Это накладывало отпечаток на образ жизни, а наряду с возможностями занятости, предоставляемыми торговлей и ремесленным производством, открывалась карьера на службе королю, знатным вельможам или Церкви.

Эта особенность, общая для многих городов, в Париже усиливалась благодаря реальному присутствию государя

и двора до 1418 года. Затем дофин Карл покинул Париж во время восстания бургиньонов, и начался период отсутствия короля, продлившийся вплоть до воцарения Франциска I. Сейчас уже трудно оценить, чем была для всех парижан возможность видеть короля и членов его семьи. Несомненно, это обстоятельство порождало чувство превосходства столичных жителей в их собственных глазах и в представлении провинциалов.

Париж — резиденция короля

Постоянное присутствие государя в Париже, там, где находится его официальная резиденция, влечет за собой и присутствие тех, кто ему служит. Об этом ясно сказано во вступлении к грамотам, передающим принцу крови в дар или в обмен на что-либо роскошные резиденции. Братья, сыновья, дядья и другие родичи короля должны располагать жильем в столице, соответствующим их высокому рангу, то есть красивым особняком и двором, копирующим двор короля.

Бурбонский дворец рядом с Лувром, особняки герцогов Бургундских, «Орлеанский дом» входят в число самых роскошных аристократических резиденций. Сейчас от них ничего не осталось. Но об этих прекрасных парижских постройках можно составить представление по картинам и нескольким письменным свидетельствам. В текстах даже проглядывает структура одного из таких средневековых дворцов — Бурбонского.

Он поглотил три десятка обычных домов. Прежде чем получить полный набор новых построек, герцог использовал старые перестроенные здания и снял несколько соседних домов под служебные помещения для своего дворца. Две описи, сделанные в середине XV века, сообщают нам хоть и неполные, но ценные подробности о дворце, возведенном в конце XIV века. Это просторный ансамбль. Помимо служб — пекарни, фруктохранилища, оружейной, занимающих часть построек, во дворце были залы и большие комнаты, называемые «парадными спальнями», — там проходила публичная жизнь герцога де Бурбона. Часть этого кра-

сивого сооружения была отведена под личные покои: спальни и комнаты для самого герцога, членов его семьи, гостей и друзей. В резиденции были молельня и часовня, здание украшали изящные галереи, по которым можно было попасть из одних покоев в другие. Очертания здания выделялись на фоне неба благодаря крышам, украшенным скульптурами из позолоченного свинца. Это черта, которую подмечают художники, когда изображают замок. Но в текстах не сказано о контрасте между голубым небом и шиферными кровлями, прекрасно схваченном братьями Лимбургамы (в Средние века шифер еще редко использовали в Париже для кровель, разве что для роскошных построек).

По вечерам дворец запирали, а в течение дня привратники должны были следить за тем, кто входит во дворец и кто из него выходит. Заведование хозяйством возлагали на консьержа — важное лицо, отвечавшее за движимое имущество, когда дворец пустовал. При дворце имелась баня, и Карл VI разрешил герцогу отвести часть источников, снабжавших водой Лувр. Кстати, он уточнил, и это подтверждают другие свидетельства, что намерен «веселиться и пировать» в этом дворце; известно, что, когда король не принимал, просители отправлялись в Бурбонский дворец — десятки комнат, дворы и сады, где проживало несколько сот человек. Такая резиденция была сравнима с королевской, где слугами руководил дворецкий. По записям расходов на содержание таких ансамблей можно составить представление о роскоши и комфорте Парижа в конце Средневековья.

Несомненно, поддерживать таким образом свое положение обходилось очень дорого, о чем сообщает хронист герцога Луи де Бурбона. Часть этих богатств, расходуемых без всякой меры (что было признаком благородной щедрости), перепадала парижанам — поставщикам и ремесленникам, которые в свою очередь и сами давали работу слугам и подмастерьям. «Мотовство» не было бесплодным. Сила примера аристократов и принцев увлекла за собой всю городскую элиту, занявшуюся, в частности, сооружением красивых и просторных жилищ, отражавших ранг и социальные амбиции

их владельцев. Ближние советники короля, именитые нотабли соперничали в пышности и роскоши, а «добрый народ» яростно укорял их за это.

Помимо принцев и придворных вельмож, проживавших в городе постоянно или часто туда наезжавших, Париж должен был принимать случайных гостей, сильных мира сего, чужеземцев и провинциалов. Большой праздник, какое-нибудь политическое событие могли резко увеличить спрос на жилье. На это намекают литературные тексты, относящиеся к началу интересующей нас эпохи и даже к более раннему периоду. В них говорится о шатрах, раскинутых на незастроенных пространствах возле городского вала или на берегу реки, чтобы дать приют тем, у кого нет в столице ни родни, ни друзей, и которым не нашлось места в гостиницах. Пожить какое-то время у знакомых было удобным решением, которым не пренебрегали даже вельможи. Короли подавали пример, останавливаясь порой у какого-нибудь горожанина. Принимать знатную особу было особой честью, и это событие повышало престиж хозяина дома. В большие праздники, когда надо было кормить и устраивать множество гостей, полагалось ставить на стол дорогую посуду. Тогда даже в знатных домах могли занять ее у соседей или взять напрокат, о чем свидетельствуют счета. Париж был городом, способным удовлетворить спрос, вызванный внезапным наплывом гостей. Мастерские предоставляли всевозможные услуги, какие только потребуются богатым и могущественным клиентам.

Слуги короля

Парламент, Счетная палата и прочие органы королевского правительства разместились в Париже в основном в бывшем королевском дворце на острове Сите, где после Карла V короли и двор уже не жили. В Париже постоянно находилась административная, политическая и судебная элита, компетентные и влиятельные советники, вращавшиеся в сфере притяжения короля и его двора.

Мир парламента нам известен благодаря исследованиям Франсуазы Отран. Она внимательно изучила

историю семейств, их союзов, успехов и бедствий в тот бурный век. Двойственное развитие этой небольшой социальной группы можно проследить на примере двух родов парламентских деятелей: Бюси, которые довольно быстро растворились в дворянстве шпаги, и Марлей, не покинувших среду высших королевских магистратов.

Династия Бюси появилась в парламенте в первой половине XIV века. Глава семьи, Симон де Бюси, стал первым президентом парламента в 1345 году. Он происходил из скромного семейства, жившего в нынешнем департаменте Эн, но его отец уже был королевским писарем. Симон сделал прекрасную карьеру: начал в 1326 году с должности прокурора в парламенте, потом отличился в 1356—1358 годах, в момент особенно бурных событий в Париже, завершившихся поражением Этьена Марселя: стал влиятельным членом политической группы, оставшейся в истории под названием «легисты», то есть чиновники, служащие королю и государству. Ему пришлось завязать отношения и союзы в среде королевской администрации. Он оставил пост президента в 1350 году, но играл важную роль в последующее десятилетие, поскольку опирался на родственников — советников парламента, таких как его шурин Жан Топен, клерк-разночинец, или кузен Жана, дворянин Жан д'Арт, или, немного позднее, Рауль де Лори. Все это были союзы с семействами, происходившими с севера Иль-де-Франс. Дочь Симона Перренелла вышла замуж за Гильома Морье, который был бальи, сенешалем*, а потом заседал в парламенте; таким образом, Симон мог воспользоваться многочисленными связями своего зятя. Два его сына были при дворе. Но этот род ненадолго утвердился в парламентской среде, его больше привлекала дворянская среда, куда он и внедрился. Из трех сыновей Симона де Бюси два стали церковниками (это не мешало им заседать в парла-

---

* Бальи на севере Французского королевства и сенешаль в южной его части были королевскими должностями. Бальи представлял короля в большом территориальном округе, вершил там правосудие, занимался вопросами администрации и выполнял также функции военачальника.

менте в качестве советников, но из-за обета безбрачия лишало возможности иметь сыновей, которые могли бы прийти им на смену), а третий получил дворянство шпаги благодаря своим связям в области Бос.

Марли, напротив, остались в мире парламента и создали обширную династию, одну из тех, что основали в XVI веке дворянство мантии. Ее славным предком стал Анри де Марль. Тоже родом из Эн, семейство Марль обладало землями и поместьями, но своим состоянием и успехом было обязано заседанию в парламенте и службе королю. Анри де Марль был лицензиатом права (1373), адвокатом парламента (1378), бальи епископа Парижского (1381), он стал четвертым председателем парламента (1394), потом, в 1403 году, — первым президентом. Удивительный карьерный рост, если вспомнить, что Анри не прошел ранг советника, как того требовал парламентский обычай. Это был новый человек, который обратил на себя внимание короля преданностью и способностями, за что Карл VI отблагодарил его в 1403 году, пожаловав дворянство; король лично посвятил его в рыцари — великая честь! — и присовокупил к рыцарскому званию пенсию в 500 ливров. Анри де Марль был человеком герцога Беррийского — одного из могущественных родственников Карла VI, ему поручали дипломатические миссии в Англии, чем объясняется его назначение на должность президента парламента. В 1413 году, сразу после провала пробургиньонского восстания кабошьенов*, он, человек короля, стал канцлером Франции — высшим чиновником в королевстве. Вот почему, когда восстание 1418 года отдало Париж, короля и власть под контроль бургиньонов, Анри де Марль, а также его сын Жан оказались среди жертв этого кровавого бунта. Некоторые его родственники

---

* Восстание 1413 года названо по имени одного из его вождей, Симона Кабоша — «живодера», то есть члена банды бродячих солдат, грабивших население. В восстании принимали активное участие мясники и другие ремесленные цехи, но также нотабли, монахи, преподаватели университета, которые видели в герцоге Бургундском государя, способного провести полезные реформы для восстановления мира. В 1413 году восстание удалось подавить, но в 1418 году оно одержало верх, и тогда застарелая политическая ненависть привела к резне.

смогли бежать и примкнули к дофину. Таким образом, зятя и потомки Анри де Марля оказались в лагере верных подданных законного короля Карла VII и извлекли из этого пользу и почести. Тогда они могли войти в дворянство шпаги, но это их не привлекало: они остались верны парламентской среде.

Связи между этими семействами, которые всеми способами помогали друг другу, понемногу образовали особую структуру, сознававшую свою политическую роль, высокое положение в механизме монархии, свое социальное превосходство. Среди членов этих семейств были буржуа, но также церковники и дворяне. Верховный суд в середине XIV века имел полную автономию. Вплоть до серьезного политического кризиса, связанного со Столетней войной, советники парламента группировались в сети сложных союзов.

После 1418 года, когда королевство раскололось надвое и началась гражданская война, верховный суд постиг неизбежный раскол; однако крупные парламентские династии сами разделились и таким образом старались соблюсти свои интересы в обоих лагерях (кстати, так же поступало и дворянство). Реорганизация парижского парламента в 1436 году, после того как столица была отвоевана Карлом VII, прошла довольно легко. Произошло объединение советников, укрывшихся в Пуатье и верных законному королю, и советников, оставшихся в Париже и служивших королю Ланкастеру, поддерживая бургиньонов. Вот тогда-то и проявился в полной мере прогресс парламента как важного государственного органа. Двор это почувствовал и дал это понять; он взял под свой контроль набор членов парламента и навязал приоритет чести и интересов целого над защитой интересов составляющих его частей. От времени поддерживающих друг друга союзников, образующих клиентуры, которыми порой управляют извне, перешли к эпохе родственников, утвердившихся в верховном суде, где должности передавались сыновьям и зятям. Престиж и власть парламента ставились выше частных интересов, в том числе и интересов влиятельных родов. Это изменение императивов, руководивших людьми и их карьерой, не стес-

няло династии: они просто подладили под него собственную стратегию социального роста.

Члены парламента представляли королевскую власть в столице, особенно после 1418 года, так как король и его двор обычно уже не жили в Париже. Желая подчеркнуть свое положение в городе, они выстроили себе красивые особняки, подходящие им по статусу. Их свадьбы, крещение их многочисленных детей, похороны были поводом выказать свое высокое общественное положение посредством шествий, приемов, богатых нарядов, а также раздачи милостыни и возведения красивых и очень дорогостоящих надгробий. Франсуаза Отран показывает, что в XIV веке разные церемонии, в том числе траурные, были поводом явить всем соседям силу и могущество семьи, собиравшейся по такому случаю. Сошлемся на одно свидетельство, которое сохранилось, потому что было приобщено к делу, рассматриваемому в суде. Ле Бег, семейство парламентариев, требовало наследство одного парижского мещанина, приводя в доказательство своего неоспоримого родства то, что они занимают первое место на семейных церемониях. Они говорили, что члены семьи Ле Бег всегда были «первыми ближними родственниками на свадьбах и крестинах» в семье покойного, что они первыми облачались в траур во время похорон. Во второй половине XV века важные события частной жизни, например похороны, использовались, чтобы продемонстрировать могущество самого парламента, поскольку в последний путь покойного коллегу проводжали его собратья в полном судейском облачении.

Другие органы центральной королевской власти эволюционировали таким же образом, разница состояла лишь в том, что парламент желал оставить за собой в иерархии, проявлявшейся во время церемоний, принадлежащее ему первое место, а те пытались это право оспорить. Эта традиция родилась в 1364 году на похоронах Иоанна Доброго, когда парламент был обозначен как отдельный орган в составе траурной процессии. Его высшее положение определено в ритуале королевских въездов: в кортеж, встречающий государя, входят прежде всего финансисты, в частности Счетная палата,

затем судьи из Шатле, потом представители городских властей и, наконец, последними — представители парламента, поскольку именно они будут приветствовать и сопровождать короля.

Любое исследование, предпринятое с целью классифицировать и разложить по полочкам эту сложную иерархию, никогда не будет исчерпывающим. Магистры университета могли вытребовать себе достойное место среди людей, служащих королю и являющихся выразителями его воли. В XIV веке они, бесспорно, отнесли бы себя к этой категории, поскольку играли роль советников, информаторов и аналитиков при государях. Жан Жерсон очень красочно описал эту функцию парижского университета, которую его роль в Церкви и на Констанцском соборе, положившем конец «великому расколу» и избравшем единого папу, могла только укрепить. Но затем, из-за слишком активного участия в политических баталиях, университету и его магистрам пришлось научиться повиноваться, прежде чем давать советы. Ученые доктора как единая группа обладали только символической политической властью и не играли большой роли в управлении королевством.

Дворянство

Как сословие дворянство шпаги не входило во властные структуры городов, однако было обязано находиться подле короля, а потому не могло не присутствовать в парижском обществе. Принцы крови, братья, кузены и родственники правящих государей зачастую проживали в столице, а вместе с ними — другие аристократы, входившие в их свиту, которая обязательно должна была быть многочисленной для поддержания их статуса. Аристократы были и среди высшего духовенства и, не будучи прикреплены к парижскому бенефицию, могли проживать в Париже при дворе. Именно политическая роль Парижа побуждала дворян жить там подолгу.

Функции, отводимые дворянству в трехсословной идеологии, тоже имели свое значение. Военная служба

заставляла кавалеров, баронов, капитанов жандармов собираться в Париже. Войны конца Средневековья открыли перед ними широкое поле деятельности и наделили влиянием, на которое горько сетовали парижане. Здесь была форма прямой власти — власти шпаги, которую дворяне делили с другими военными, а королевская власть реорганизовала и поставила под строгий контроль в конце Средних веков. Добрые парижские буржуа, как и граждане других городов, сумели извлечь пользу из тягот войны. Снабженцы и маркитанты поставляли королевскому войску провизию и снаряжение.

Дворяне служили королю, исполняя должности губернаторов и администраторов и, конечно, как мы уже видели, в качестве членов парламента. Когда их земельные владения в провинции оказывались урезанными, государственная служба, приносящая жалованье и вознаграждение, становилась основным источником дохода и власти. Таким образом, найти дворян любого ранга среди парижского общества — дело обычное, но все же власть дворянства как сословия не сосредоточивалась в столице. Влияние дворян распространялось на все общество — как в Париже, так и во всем королевстве. Парижская особенность роли дворян связана с тем явным фактом, выражаемым самыми разными способами, что власть короля должна распространяться на всех, включая дворянство шпаги — как мелкопоместное, так и высокородное. Для большинства парижан высшая власть короля, Церкви или крупных феодалов ощущалась в основном через контакт с их посредниками или подчиненными.

Прокуроры, приставы, чиновники и прочие представители власти

Между должностями первостепенной важности, существующими при королевских дворах, и скромными постами, приносящими уважение и небольшой дополнительный доход, существуют всякого рода посреднические функции, и семейство Бюимон служит тому примером.

С одной стороны, среди Бюимонов были судебные исполнители и секретари парламента, таким образом, они были сопричастны социо-политической среде верховного суда. Гильом и Жак в 1417 году вошли в список лиц, удаленных из Парижа по «подозрению в сочувствии или преданности герцогу Бургундскому». С другой стороны, семья поддерживала тесные связи с миром ремесленников и мастеровых. Бюимоны поселились на левом берегу Сены. Там у них был большой дом на улице Святой Женевьевы, мясная лавка под вывеской «Золотая борода». Наверняка часть семьи там и жила. Гильом де Бюимон регулярно упоминается в оброчных реестрах аббатства, поскольку платит оброк и производит регулярные выплаты с «Золотой бороды». Известно, что он служил первым судебным исполнителем в парламенте, был дважды женат: сначала на Жанне д'Овернь, потом на женщине по имени Перетта. Первый брак говорит о союзе с семейством мясников, которые владели «Золотой бородой». Завязываются контакты с мастерами, занимающими не столь высокое общественное положение, как люди из парламента.

Гильом был также кварталным в 1421 году, то есть стоял во главе одного из военных округов столицы. Парижское население (ремесленные цехи, мещане и муниципалитет) участвовало в обороне города и королевства; оно платило подати и взносы, охраняло городскую стену, снаряжало и снабжало солдат, лучников и арбалетчиков. Гильом Бюимон выполнял эти оборонные обязанности и руководил кварталом Сен-Бенуа. Его имя открывает список налогоплательщиков за 1421 год. Хотя еще он упомянут в списке 1438 года в связи с взносом в размере 24 су, но так его и не сделал, поскольку его имя значится в списке неплательщиков. Гильома упоминают в оброчных реестрах аббатства как владельца нескольких домов по улице Святой Женевьевы, он платил оброк и ренту по меньшей мере до 1426 года, пока его не сменил — вплоть до 1432 года — Жан д'Овернь, вероятно член семьи. Гильома же в 1432 году занесли в список отсутствующих. У Бюимонов на той же улице был еще другой дом, которым владел Жак.

Связи между Бюимонами и Овернями укрепи-

лись, когда Робине (сын Гильома?) заключил помолвку с Аньес д'Овернь и в 1426 году получил часть ее наследства. Позднее, в 1446 году, став совершеннолетним и отныне называясь Робером, он наконец вступил с Аньес в брак. Их сын Жан был отдан мэтру Жеффруа Ленорману, учителю, который держал школу-пансион, называемую в документах «педагогикой». Робер и Аньес уступили учителю два дома: «Булонский щит» и «Два льва». Оба дома лежали в руинах (в тексте сказано: «Ветхие и требующие серьезного ремонта»). Взамен учитель должен был платить ежегодную ренту в восемь ливров и «растить, кормить и воспитывать в своем доме» за свой счет в ближайшие два года сына их Жана де Бюимона, «чтобы учить в своем дому и школе достойным образом». В договоре рассматривается вероятность кончины ученика. В этом случае учитель обязуется уплатить 20 золотых эю — это сумма, в которую оцениваются расходы на обучение и проживание, занесенные в договор. Случайная земельная сделка, сохранившаяся в архивах аббатства-землевладельца, позволила нам узнать о таком виде договора, наверное, довольно распространенном способе выйти из положения, когда у родителей не было свободных денег для платы за обучение или когда они хотели извлечь выгоду из построек, находящихся в плохом состоянии, не тратясь на ремонт.

Разумеется, интересно было бы лучше изучить судьбы семей и истории исполнителей мелких должностей, чтобы представить себе обычную жизнь многих парижан, но о них мало что сказано в письменных источниках. Собрав разрозненные указания в земельных документах, как в случае Бюимонов, можно обрисовать кое-какие общие черты.

Второстепенные должности занимают те, кто, находясь в окружении важных магистратов — исполнителей престижных должностей, феодалов или принцев, исполняют разную необходимую работу: пишут или приводят в порядок бумаги, заполняют реестры, следят за судебными процессами и делами, чтобы информировать своих господ, применяют решения на практике, призывают к порядку непокорных или виновных. Все

эти мелкие должности не всегда достаточно доходны, чтобы обеспечивать исполнителя. Однако они востребованы, потому что повышают общественное положение, придают почет семье, один из членов которой облечен такой должностью, и могут стать первой ступенькой к социальной карьере.

Несколько замечаний позволяют судить об особом месте, какое занимали мелкие служащие в парижском обществе конца Средневековья — эпохи, которая нам известна лучше всего.

Такие должности предоставлялись не только королевской властью, при дворе, в резиденциях короля и принцев, но также городскими властями: как Шатле с королевским Прево, так и Ратушей с парижскими эшевенами и их служащими. Церкви тоже нужны были всякого рода исполнители и слуги. Наконец, крупные феодальные поместья и старые монастыри, владевшие частью территории города, тоже нанимали служащих, которые всей своей повседневной жизнью способствовали осуществлению прав и полномочий своих господ. В целом это был внушительный рынок труда, который привлекал к себе из провинции и других городов нотаблей и мелких служащих, получивших начальное образование и надеявшихся найти в Париже работу и сделать карьеру.

Без сомнения, по крайней мере до XIV века должности можно было менять: находиться на службе сначала у города, потом у короля, перейти со службы аббатству на службу к епископу или принцу. Такое положение порождало всякого рода конфликты, которые порой доходили до суда, и тогда о них оставались письменные свидетельства. Подобные проблемы наверняка сильнее затрагивали жизнь обычных парижан, живших на честные доходы и составлявших основу общества, чем крупные политические или религиозные споры. Как налогоплательщики и подсудные граждане, горожане напрямую контактировали с доверенными лицами властей, осуществлявшими свою деятельность в Париже.

Здесь напрашивается еще одно замечание. Обычно все власти были представлены прежде всего своими

служащими. Те заставляли уважать власть, которую они представляли, и порой пытались даже превзойти ее требования в своих собственных интересах. Несмотря на упреки и обличения в адрес этой «мелкой сошки», ей все же завидовали, ибо получение подобной должности приносило избранному человеку и его семье ощутимое продвижение «наверх». В повседневной жизни высшая власть являла себя в исключительных случаях. На короля можно было взглянуть лишь издали, во время праздников или шествий, но полицейские, судебные приставы, счетоводы, прокуроры находились в постоянном контакте с большинством парижан, порой вступая с ними в конфликт. Точно так же крупные феодалы — аббат Сен-Жермена или приор Сен-Мартена — почти не общались со своими «подданными», зато управляющий поместьем, приставы и дорожные смотрители, являвшиеся собирать пошлины или залог в случае неуплаты, были хорошо известны жителям, именно их ненавидели, зачастую обвиняя в издевательствах над простыми людьми, тогда как господин ни о чем не ведал.

Особенно показателен пример судебных приставов, которым приходилось приводить в исполнение решения суда. Несколько конкретных дел ясно воспроизводят обычные проблемы взаимоотношений представителей власти с парижским населением. Приставов часто обвиняли в том, что они исполняют свои обязанности с недопустимой грубостью. Об этом косвенно свидетельствует постановление парламента от 1312 года: оно ужесточает санкции против конного пристава, который сбил мещанина на перекрестке Сен-Северен и которого парижский прево приговорил всего лишь к штрафу в 10 парижских ливров. Приставы не всегда брали верх. Например, однажды они сопровождали каноника, явившегося требовать ренты с благородной дамы, жившей на улице Юшетт. Приставы хотели взять в залог ценные вещи, находившиеся в доме, пока рента не будет выплачена, но люди дамы отняли изъятое, обругали представителей власти и вышвырнули их за дверь.

Но не стоит слепо следовать за этими свидетельствами против представителей власти — бесчестных, жадных и грубых, высказываемыми людьми той эпохи. Историк, желающий понять, на чем основаны эти жалобы, должен сделать несколько выводов.

Королевских и муниципальных служащих недостаточно, чтобы справиться со всеми задачами и, в частности, обеспечивать общественный порядок. Обращение к феодальным чиновникам — необходимость, тем более явная, что таким образом выражается признание феодальных прав, то есть укрепляется иерархия, на которой зиждется все общественное устройство. Отсюда впечатление о том, что никто как будто и не думает упростить столь сложный властный механизм, поскольку он всех устраивает. Королевская власть борется за признание своей верховности, чтобы подчинить прочие власти себе. Однако при условии, что последние знают свое место, они могут пользоваться своими прерогативами, возвращать их себе при посредстве королевского правосудия, в том числе и в ущерб королевским чиновникам, если эти прерогативы ошибочно оспариваются. Парижане научились играть на этом многообразии и настраивать власти друг против друга.

В главе «Мир власти» акцент делается на длительном процессе, начатом при Филиппе Августе, целью которого являлось упорядочить все власти под рукой королей. В Париже эта политика ощущалась как нигде. Но если попытаться различить во всех слоях населения, вращающихся вокруг власти, отдельные личности этих правящих властей, обнаруживается сложная, противоречивая, подвижная действительность. Власти часто вступают в конфликт, ревниво оберегают малейшие свои привилегии и чаще всего пока приемлют не все последствия своего подчинения королевскому влиянию. Большинство парижан в повседневной жизни сталкиваются со спорами, порожденными этим соперничеством, и пытаются извлечь из них выгоду. Видят они прежде всего злоупотребления со стороны представителей различных властей, на которые и жалуются.

Мир знати и высших магистратов, помогающих управлять всем королевством, может заставить недооценить ранг и самолюбие мелких чиновников. Судя по грамотам о помиловании, в обществе такие требования выражались на всех уровнях: сохранить свою честь было важнее всего. В Париже эти черты принимали еще более ярко выраженную форму и сохранились в Новое время. Все общество было в буквальном смысле сковано ритуалами, местничеством, частными привилегиями, зажимавшими в тиски каждую социальную группу. К концу рассматриваемого нами периода эти принуждения начали перевешивать выгоды, которые они обеспечивали.

Глава шестая
Мир Церкви

Или, если хотите, церковников и ученых мужей; они составляли меньшинство, выделявшееся в толпе парижан. В столице проживало внушительное количество людей духовного звания. Среди них было «белое духовенство», которое, от прелата до простого священника, обычно отличалось от мирян своим костюмом; это еще не специальное облачение, а обычные одежды, поскромнее по расцветке и попримитивнее по виду — длинное платье. Клирики отличались в основном тонзурой, то есть выбритой макушкой, что прекрасно умели делать цирюльники. Встречались и монахи всех сортов — черные или белые, в зависимости от цвета одежды, или кордельеры (подпоясанные простой веревкой), или босоногие. Большинство жили в Париже, другие останавливались там на какое-то время — на период учебы или по делам своего монастыря или церкви.

При ином подходе, отличном от главной цели, рассказ о Париже позднего Средневековья начался бы с религиозного аспекта, ибо для средневекового города он является самым древним и в определенном роде лежит в основе первого городского поселения. Париж времен раннего Средневековья был городом крупных монастырей эпохи Меровингов, таких как Сен-Жермен-де-Пре и аббатство Святой Женевиевы. Начало экономического взлета свя-

зано с эволюцией управления и интересов Церкви. Мы упоминали о роли епископа в установлении парижской приходской географии, но «черное духовенство» сохраняло за собой важное место, ибо к старинным заведениям добавились монастыри, основанные в XI—XII веках: Сен-Виктор, Сен-Мартен-де-Шан, Сен-Маглуар, сыгравшие значительную роль в начале урбанизации. Развитие учебных заведений, начиная со школы при монастыре Богоматери, затем зарождение и становление университета напоминают об общепризнанной культурной и образовательной роли Церкви. Успех был таким, что стал определяющим для всего парижского левобережья, которое на планах начала Новых времен названо попросту Университетом. Через мир Церкви можно прикоснуться ко всем уровням богатства, ко всем аспектам могущества, ко всем эшелонам социальной иерархии. Ни один из аспектов повседневной жизни парижан нельзя понять без его религиозной ипостаси, которую нам теперь уже не всегда удастся разглядеть. Нет никаких барьеров, никакой границы, изолирующей, ограждающей или скрывающей религиозное от повседневности всех людей, их частной и общественной жизни, их мечтаний о прогрессе и их требований, их образа мыслей и фантазий. Начать рассказ под таким углом зрения было бы законно. Но поступить так значило бы усилить впечатление, будто средневековый Париж был исключительно религиозным, подтолкнуть к неверной оценке его новых черт, смещения денег и власти, которые тоже определяли его физиономию. Впрочем, в любом исследовании (и тому есть множество доказательств выше) с религией сталкиваешься на каждом шагу, так что об этой важнейшей стороне жизни позабыть просто невозможно.

Церковные иерархи в столице

Представители высшего белого и черного духовенства должны были в тот или иной момент своей карьеры жить подле короля. Париж являлся епископством, подчиненным Сэнсу, и в XIV веке папы отказались изменить эту иерархию, лишившую столицу Франции, могущест-

венного королевства, высшего ранга архиепископства. Однако епископы бывают разные, и епископ Парижский был очень важной особой. Его дворец находился рядом с кафедральным собором на острове Сите, исполнять свои обязанности ему помогал внушительный штат архидиаконов, духовных судей, клириков всякого рода, вплоть до мальчиков из церковного хора. Епископ жил на широкую ногу. Его могущество демонстрировалось во время торжественных въездов короля, когда прелат, стоя на пороге храма, встречал государя и получал от него обещание оберегать вольности Церкви.

Капитул собора Богоматери являл собой на острове Сите другой аспект могущества Церкви: он помогал епископу в молитвах и богослужениях. Дома каноников обычно занимали обладатели пребенд*, или же их сдавали церковным деятелям. Подворье представляло собой несколько зданий и построек, объединенных в единый ансамбль, запираемый на ночь, пространство, материально защищенное оградой, а социально — положением тех, кто там жил. Канонические правила напоминали о том, что подворье — это территория церкви, следовательно, оно не должно соперничать в пышности со светскими постройками, здесь нет места женщинам, не допускаются светские развлечения, как, например, содержание дорогих или престижных животных.

Архиепископ Санса должен был часто приезжать в столицу. У архиепископства была в Париже красивая резиденция на правом берегу Сены, у самой реки. В 1365 году ее уступили королю, когда Карл V превратил дворец Сен-Поль в еще одну королевскую резиденцию, помимо Лувра (местоположение архиепископского дворца позволяло королю быстро и незаметно покинуть город по воде). В качестве компенсации Карл V купил дворец Эстомениль на улице Фигье, где архиепископы устроили тогда свою парижскую резиденцию. Тристан де Салазар, десятый по счету прелат, который ее использовал, велел в 1475 году снести старое, обветшавшее здание и построить на его месте роскошный дворец, который был завершен в 1519 году в

---

* Пребенда — доход духовенства с земель, домов, церковных сборов, треб и пр. (Прим. пер.).

соответствии с новыми тенденциями в зодчестве. Это один из редких образчиков средневековой гражданской архитектуры, дошедший до наших дней.

Как и светские вельможи, церковные иерархи обладали в Париже пристанищами, где не жили постоянно. В письменных источниках они обозначены как «особняк епископа такого-то», однако описаний этих красивых домов не сохранилось. Настоятели крупных аббатств или приоры также содержали резиденции в столице. Дворец аббатов Клуни, возведенный рядом с руинами античных терм и, по счастью, сохранившийся, дает представление о том, как выглядела резиденция влиятельного лица в конце Средневековья.

Зачастую было трудно установить, принадлежал ли особняк самому епископу или являлся частью его бенефиция и служил сменявшим друг друга главам епархии. Возможно, аббаты или прелаты, пользуясь такой неразберихой, возводили монументальные архитектурные сооружения. Вряд ли случайно, что два самых красивых образчика гражданской архитектуры конца Средневековья являлись собственностью высшего духовенства.

По всей вероятности, когда эти прелаты и аббаты не жили в парижских особняках сами, они сдавали их внаем или предоставляли кому-нибудь. Однако этих жилищ было недостаточно для размещения всех церковных иерархов, бывавших в столице проездом. Поэтому они снимали жилье в коллежах, останавливались в парижских церковных учреждениях, и о таком пребывании остались письменные свидетельства в счетах, если только гости не пользовались попросту услугами постоянных дворов и гостиниц. В самом деле, внушительная гостиничная система могла удовлетворить незапный и большой спрос на жилье.

Прелаты и аббаты часто смешивались с придворными, со слугами короля. Церковь всегда позволяла высокопоставленным клирикам исполнять чисто политические обязанности, ибо это было видом идеологического руководства, которое вполне ее устраивало. Задачи, связанные с церковным служением этих епископов, выполнялись викариями, остававшимися в

епархии. Короли находили среди высшего духовенства государственных деятелей, которые были им полезны и обходились недорого.

Наконец, университет тоже привлекал к себе высшее белое и черное духовенство, оно покровительствовало коллегам, участвовало в событиях церковной жизни, например, тех, что вызвали Великий раскол.

Церковь — парижский феодал

Парижское высшее духовенство, белое и черное, представляло собой в столице феодальную власть, ибо светские поместья по большей части исчезли в результате обмена, продажи или дробления, связанного с передачей в наследство. В процессе медленной адаптации управление этими феодальными землями (цензивами, как их называли в Париже) приспособилось к городу. Однако, даже частично войдя в городскую черту, как аббатство Святой Женевьевы, поместья религиозных учреждений выплескивались за пределы города и не были им поглощены. Парижские церковные учреждения, являясь крупными землевладельцами, получавшими постоянный доход и обладавшими свободными деньгами, часто подкрепляли свои права на землю правом вершить правосудие и надзором за дорогами. Они вмешивались в экономику, поскольку осуществляли контроль над ремесленными цехами, которые трудились на их землях, влияли на общественную жизнь, творя суд, надзирали за государственным пространством через посредство своих дорожных смотрителей.

Их превосходство над светскими феодалами было обусловлено несколькими преимуществами. Отсутствие проблем, связанных с разделом имущества между наследниками, способствовало накоплению имущества и обеспечивало непрерывность его использования, что приносило выгоду. Тот факт, что церковные управляющие долгое время справлялись со своей задачей более рационально, поскольку были более образованными, способствовал повышению доходов с имений. Наконец, сочетание светских и духовных функций давало

им реальное превосходство над мирянами. Они утверждали, что любое ущемление их прав или урезывание доходов уменьшит их возможность помогать бедным и исполнять свое предназначение, то есть способствовать спасению душ — высшая цель, узаконивавшая их богатство в земном мире. Те, кто управляли такими поместьями, прекрасно это знали и действовали соответственно: пользуясь чужим имуществом, они оставляли земли и доходы в таком же хорошем состоянии, если не в лучшем, как когда принимали их вместе с должностью. Оберегать права церковных феодальных владений в Париже, да и везде, где ими обладал капитул, аббатство или епископство, было обязанностью руководителей учреждения, поскольку хорошее управление имуществом лежало в основе его религиозной и духовной деятельности. Крупные светские феодалы не обижались на такую мелочную бдительность и в столице шли навстречу подобным пожеланиям, поскольку это укрепляло их собственную феодальную власть в их землях. Так, капитул Сен-Жермен-л'Осеруа обратился к герцогу де Бурбону и потребовал себе земельные участки и налоги со сделок на отчуждение имущества, которые полагались капитулу как владельцу десятка домов, поглощенных строительством при возведении дворца герцога рядом с Лувром. Каноники затеяли тяжбу с герцогом, обращаясь к нему «смиренно», но требуя уважать их права, которые они считали поправленными. Герцог оспаривал обоснованность претензий, но не в принципе, а касательно уплаты обсуждаемых сумм. Тяжба длилась лет сорок и завершилась финансовым компромиссом.

Однако не всегда удавалось избежать столкновений и трений. В королевской столице агенты королевского прево посягали на права феодалов: они навещали ремесленные цехи, арестовывали преступников, бросали их в тюрьму, порой даже казнили, тогда как, по словам церковных феодалов, обвиняемых должен был судить и, если надо, карать их собственный суд. В реестрах аббатства Святой Женевиевы, Сен-Мартен-де-Шан и других церковных сеньорий содержится упоминание о восстановлении прав после соответствующего судебного процесса.

Об этом свидетельствует одно дело от 1326 года. Приорство Сен-Мартен-де-Шан получило три «фигуры» (вероятно, что-то вроде манекенов), изображающие трех англичан — писца Фелипо Кавелона, Жана де Шатофора и жонглера Жана де Булана. Три этих человека, брошенных в темницу приорства после серьезного преступления, совершенного на улице Кенкампуа, в парижских владениях Сен-Мартен, были отняты помощником парижского прево. Тот, верно, быстро предал их суду, то есть велел казнить, чем объясняется возвращение узников в виде «фигур». В постановлении парламента сказано, что его право Сен-Мартену будет возвращено. С этой целью два пристава Шатле принесли фигуры и сказали: «Мы пришли по приказу парижского прево и возвращаем вам эти три фигуры вместо трех англичан, которых Дени де Гре, помощник прево, захватил и велел взять из ваших тюрем». При этом присутствовали шестнадцать свидетелей, «все из Кенкампуа», восемь с улицы Мэра, в том числе шесть женщин, потом еще три свидетеля, названные по именам, но без указания адреса, «и несколько других». Церемония явно не прошла незамеченной. Однако один из приставов тотчас после того заявил, что помощник прево не отступает от сделанного, что фигуры должны храниться не у приора, а находиться в Шатле в ожидании окончательного приговора; наконец, через две недели все три фигуры передали феодальному правосудию.

Другое дело касается нескольких стычек между приставами прево и судебным исполнителем аббатства Святой Женеьевы Гильомом Барийе. Последний по приказу своего аббатства явился с повесткой к хозяину одного дома на площади Мобер, но там наткнулся на трех приставов прево, которые забрали у него шпагу и нож, висевший у него на поясе, сломали его жезл — символ его должности — и сопроводили это надругательство такими словами: «Вот тебе, несмотря на твоего аббата и его монахов». Гильом вспылил и пригрозил отвести пристава, поднявшего на него руку, в тюрьму аббатства Святой Женеьевы, но он был один против троих, и его самого отвели в

темницу Шатле. Вышел он оттуда только под залог. Неизвестно, как поступило аббатство, однако неделю спустя произошла новая стычка. Гильом Барийе находился на площади Мобер, на углу улицы Лавандьер, снабженный всеми отличительными знаками своей должности. Судебный пристав из Шатле набросился на него, сломал жезл и хотел отвести Гильома в тюрьму Шатле, но только выбранил, а намерения своего не исполнил, поскольку один из его товарищей сумел его успокоить. Ссора разгорелась и в третий раз, и тогда аббатство добилось осуждения виновных приставов и признания своих прав.

Столь тесная связь между феодальными правами и духовными целями Церкви одним казалась возмутительной, другим — законной и естественной. Однако противоречие было достаточно велико, чтобы подпитывать глубокий антиклерикализм, который не только встречался в Париже, но и расцвел там пышным цветом, учитывая удельный вес церковников в парижском обществе.

Многочисленное клерикальное население, полное контрастов

Высших церковных иерархов Париж притягивал, поскольку был столицей, но большой город представлял и различные церковные бенефиции и множество должностей, привлекавших целую толпу клириков, ищущих места. Там также проживала целая община студентов. Количество школяров в XV веке, конечно, сократилось: виной тому были беспорядки и войны. В то же время состав студенческого населения изменился. Количество иностранных студентов парижского университета пошло на убыль, тогда как «отечественных» становилось все больше. Жак Верже показал, что многие из школяров не продолжали учебы, получив звание магистра искусств, — весьма непродолжительный курс обучения в сравнении с тем, что давал звание лиценциата и доктора. Но для студентов и такой багаж знаний был ценен, поскольку открывал дорогу

к любимым должностям в церковной и светской жизни. Зачастую, уже вступив в высшее духовное сословие, они оставались в Париже, дожидаясь, пока не освободится бенефиций или должность капеллана. В земельных документах такие клирики попросту объявляют себя священниками.

По моим грубым подсчетам, доля церковников в населении левого берега Сены составляла примерно 15 процентов. Если, сверяясь с английскими источниками (единственными, предоставляющими достаточно цифр для общих подсчетов), принять долю клириков во всем обществе за пять процентов мужского населения, видно, что в Париже их было гораздо больше. Разумеется, клирики селились преимущественно на левом берегу Сены, но в документах, касающихся недвижимости, не упоминается о клириках, которые проживали в Париже временно.

Не все добивались успеха; даже проучившись несколько лет, многие не находили бенефициев, доходы от которых обеспечили бы им сносную жизнь. Приходилось сочетать несколько небольших религиозных должностей и таким образом объединять приносимые ими доходы* Или же подрабатывать секретарем, переписчиком у книготорговца, становиться клерком-слугой, как это сделал Франсуа Вийон, нанявшись к канонику Сен-Бенуа и позаимствовав его имя. Место в большом храме, как и пребенду в богатой коллегиальной церкви, не говоря уже о капитуле кафедрального собора, можно было получить, лишь сделав продуманную и удачную карьеру, имея хорошо пристроенных родственников и надежную поддержку. Без всякого сомнения, должности *sine cura animarum*

---

* Вопрос о совмещении бенефициев отравлял жизнь Церкви в конце Средневековья и, несмотря на ожидаемые реформы после Вселенского собора в Констанце, так и не был решен. Вся его сложность проявилась в Париже. Папство очень рано стало допускать, чтобы совершеннолетних клириков, явившихся в Париж для прохождения обучения, заменяли викарии, которые исполняли конкретные задачи, связанные с бенефицием. Церковники, служившие государю, тоже применяли такую практику. А раз обладатель бенефиция мог найти себе замену, возникал соблазн получить несколько бенефициев, чтобы увеличить доходы и жить соответственно своему рангу.

(без отправления треб), то есть не подразумевающие непосредственного общения с верующими, были самыми желанными. Итак, столица манила к себе множество клириков, одни стояли на низшей ступени, другие уже были рукоположены в священники, но все они оставались в Париже в надежде получить место, бенефиций, поскольку могли повстречать могущественных людей и подать им свою просьбу. Пока же они жили как придется.

К духовенству, живущему в миру, добавлялись монахи. Большое разнообразие монашеских орденов, представленных в Париже, — военные ордены, монахи, заведующие странноприимными домами, общины бегинок, и это лишь несколько примеров, — наделяли религиозный мир столицы яркими и разносторонними чертами, способными удовлетворить любые духовные запросы и религиозные потребности.

Отношения между белым и черным духовенством порой были натянутыми. Если старинные монастыри не были конкурентами белого духовенства, то новые монашеские ордены, зародившиеся в начале XIII века, создавали проблемы. В самом деле, нищенствующим орденам не приходилось ни управлять землями, ни собирать налоги; они не осуществляли контроль над органами правосудия или ремесленными цехами на части парижской территории. Но они привлекали в свои церкви прихожан, которые слушали их прекрасные проповеди и больше доверяли им в спасении своей души, брали их себе в исповедники, желали, чтобы нищенствующие братья — в частности доминиканцы, францисканцы и кармелиты — провожали их в последний путь. Именно нищенствующим братьям завещали свое имущество многие богатые люди. Таким образом, обычные подарки, которые положено было преподносить за свершение таинств, дары и наследство благочестивых прихожан теперь уплывали от приходского священника и церковного совета, сокращая доходы белого духовенства. Священники горько на это жаловались. Трудно определить, чего было больше в отношениях между нищенствующими орденами и духовенством, живущим среди мирян, — напряжен-

ности или сотрудничества. Достаточно ли постоянными и серьезными были трения, чтобы определять атмосферу повседневной жизни? Наверняка она была непростой, и папы неоднократно пытались снизить накал этого соперничества, заявляя, что нищенствующие братья не должны присваивать прерогативы приходского духовенства: они могут вмешиваться только с согласия епископа, когда их вмешательство расценивается как помощь. Такая проблема существовала не только в столице. Однако в Париже она переплеталась с университетскими конфликтами. Религиозные власти, которым никак не удавалось выстроить упорядоченную и бесконфликтную иерархию, сталкивались между собой на глазах у парижан как в духовной, так и в светской области.

Религиозная жизнь задает ритм жизни парижан

Эта жизнь разворачивалась в рамках прихода — определенной территории со своей церковью и, чаще всего, кладбищем. Содержанием и ремонтом церкви занимался церковный совет. Приходские церкви на протяжении веков перестраивали, увеличивая, обновляя и украшая согласно вкусам и моде эпохи. Например, церковь Сен-Северен расширилась и похорошела в XV веке. Для этого церковный совет купил дома, прилегавшие к старому зданию, выкупил ренты, долевшие над этими зданиями, и сцепился с капитулом собора Богоматери — владельцем земли, на которой была выстроена часть домов. Каноники заявили, что им не уплатили налог, взимаемый при переходе имущества от одного ленника к другому, и потребовали компенсации. Церковные старосты считали, что не должны платить компенсации, и оправдывались тем, что цель задуманных преобразований — «увеличение церкви и служение Богу... что есть почтенное дело». В конце концов капитул уступил, но не без пользы для себя: вытребовал ренту в девять су, выплачиваемую клирикам, служащим заутреню, и ренту в четыре ливра, которую можно было

бы выкупить за 100 золотых эку. Этот случай служит ярким примером ожесточенных споров, в которых сталкивались между собой религиозные учреждения, когда речь шла о сохранении прав и доходов. Церковные сооружения, расположенные в городской черте, гораздо меньше подвергались преобразованиям и разрушению, чем светские постройки, и этим объясняется тот факт, что в архитектурном плане средневековый Париж представлен почти исключительно церквями. Их изучали, описывали, зарисовывали, а позднее и фотографировали.

Сложнее определить, каким образом их использовали. Потому что церковь — место собраний для воскресной службы (одна из минимальных обязанностей каждого христианина), была и местом распространения информации и новостей. Перед началом мессы кюре объявлял о рожденьях, свадьбах, похоронах. Он призывал молиться за умерших и поддерживал память, связывающую живых и покойных. Он говорил также о делах, интересующих прихожан и прихожанок в земном мире. Например, о домах, выставленных на торги, о судебных процессах, о приговорах — в первую очередь об отлучении от Церкви закоренелых грешников. В церкви объявляли о процессиях, молебнах и обо всем, что связано с религиозными праздниками; здесь же они и начинались. Обязательное присутствие и обмен сведениями придавали собраниям в церкви различные функции. Прихожане улаживали там свои личные дела, а значит, могли и вступить в конфликт, порой доходивший до драки. Если проливалась кровь, оскверненная церковь подлежала очищению. Грубость и насилие были свойственны не только мирянам, клирики и монахи тоже могли обругать друг друга, а то и поколотить во время больших драк «до первой крови». Но в то же время церковь, священное место, была убежищем, и тот, кто в ней укрывался, находился под защитой от преследований полиции или суда.

Идеально вести себя в церкви, как это определено в руководствах или советах проповедников, значит выка-

зывать уважение, соблюдать тишину и держать себя скромно в доме Божиим. Пример тому содержится в «Парижской домохозяйке». Автор этого произведения объясняет своей молодой супруге, как следует идти в церковь: в обществе почтенных женщин, старше ее по возрасту; входя в здание церкви, она должна потупить глаза, посвятить себя единственно размышлениям и молитве, следуя указаниям служителя культа. В несоответствии между идеальным поведением и обычной манерой себя держать нет ничего удивительного и присущего исключительно Средневековью. Зато важно знать, вменяло ли себе в обязанность подавляющее большинство парижан, ходивших в церковь, вести себя так благочестиво и нарочито, считались ли болтовня и споры неуместными, если не слишком мешали окружающим.

Рядом с церковью находилось кладбище — земля, отведенная для мертвых, но широко используемая живыми. Изменились ли в конце Средневековья, с распространением долоризма (учения о пользе и нравственной ценности страдания) и похоронных настроений, привычки поведения в местах упокоения мертвых, изгнали ли оттуда торгующих и прочих, занимающихся доходной деятельностью, поставили ли под запрет игру и встречи, более или менее допустимые моралью того времени? Из «Дневника парижского мещанина»^{*} известно, что проповедник брат Ришар собрал большую толпу увлеченных и взволнованных слушателей на месте братских могил на кладбище Невинно убиенных, встав перед недавно написанной фреской, изображающей «Пляску смерти».

Отношения между верующими и приходским кюре заслуживают особого внимания. В глазах мирян рядовое духовенство выглядело порой менее образован-

---

* «Дневник парижского мещанина» — произведение вовсе не мещанина, как указано в заглавии, данном ему в XIX веке, а парижского каноника. Упомянутая проповедь состоялась в 1429 году. Автор дневника неоднократно говорит о прекрасных проповедях францисканца и их политической направленности, ибо брат Ришар подозревался в сочувствии к арманьякам и довольно скоро был вынужден покинуть робургиноньский Париж.

ным, чем ученые проповедники-доминиканцы. Однако парижские приходы отдавали клирикам, прошедшим обучение, которые не должны были ударить лицом в грязь перед познаниями монахов — умелых проповедников. Проблемы светской жизни могли в большей степени испортить отношения между прихожанами и клиром. По каноническому праву, совершение таинств должно быть бесплатным, однако папы узаконили приношения, делаемые добровольно, но тем не менее считающиеся похвальным обычаем. Крестины, венчания, отпевания приносили значительные доходы, которые кюре, по словам верующих, порой требовали в жесткой форме.

Пример тому нам предоставил кюре церкви Сен-Жак-де-ла-Бушри. После смерти Пернеллы, жены Гильома Никола, кюре Тома Одри велел изъять лучшее платье покойной: та умерла, не оставив завещания, что очень опасно для спасения ее души, поскольку она не смогла искупить свои грехи благочестивыми пожертвованиями. Кюре, самолично забрав часть имущества, подлежащего раздаче беднякам, исправил ее непредусмотрительность. Вдовец, оставшийся с двумя дочками на руках, смотрел на дело иначе. Он попросил парламент вмешаться, чтобы вернуть платье и осудить жадного кюре, обирающего сирот. Тяжба тянулась с 1373 по 1378 год. За этим конкретным случаем угадывается борьба между светской и религиозной юрисдикцией, а потому к нему отнеслись весьма серьезно. Кроме того, он отражает некоторые черты повседневной жизни в Париже.

Вдовец, возможно, был прихожанином не из бедных и имел кое-какие связи, раз его поддержали купеческий старшина и королевский прокурор. Но его гнев, вызванный строгим применением привилегии, признанной за церковным клиром, без всякого сомнения, нашел отклик среди верующих. Кюре не может ссылаться на нужду. Приход Сен-Жак-де-ла-Бушри не беден, и его пастырю, доктору гражданского и канонического права и профессору, наверняка есть на что жить. Но уступить по вопросу о прерогативах духо-

венства, даже по поводу одного платья, значит, пробить брешь в привилегиях Церкви; незначительных тяжб не бывает, везде нужно быть начеку и себя защищать. Кюре-юрист прекрасно это знает. Кстати, изъятое имущество не так уж ничтожно. Из завещаний следует, что богатые платья из сукна, туники или мантии, отороченные мехом, оставляли в наследство подругам, родственницам и верным служанкам. Стоимость дорогих одежд определялась в описях наравне с бельем, мебелью, металлической утварью или книгами. Наконец, в этом примере мы видим во главе прихода клирика, прошедшего длительное обучение, и это нас не удивляет. Парижу не занимать школяров, магистров и университетских деятелей всякого рода.

Учащиеся и ученые

Университет, без сомнения, привлекал большое количество клириков, желавших учиться в Париже. В прамбулах к королевским ордонансам, где описывается великолепие столицы, это великолепие непременно объясняется, в частности, притоком клириков со всего христианского мира. Вес Парижу придавал прежде всего богословский факультет, вот почему папство поддержало общину преподавателей и студентов в момент ее столкновения с королевской властью, или властью епископа, в начале XIII века. Римские папы определяли университет как церковный институт со всеми привилегиями, полагающимися первому общественному сословию.

В своем благоволении понтифик не дошел до того, чтобы поддержать учителей из белого духовенства в их борьбе с учителями из нищенствующих орденов, которые не брали со студентов платы, не соблюдали перерывов в занятиях — короче, не проявляли солидарности с коллегами. Спор так и не был полностью урегулирован, и периодически напряженные отношения ухудшались и оборачивались открытым конфликтом. В повседневной жизни обитателей левого берега эти вопросы вызывали дискуссии между группами учителей и студентов, мнения отстаивались на лекциях и в проповедях, а также

в повседневных разговорах, о которых, разумеется, не осталось никаких письменных свидетельств.

Когда дебаты, интересующие прежде всего главные умы университета, принимали особый размах, когда они приводили к торжественным заявлениям, тогда все население университета, относящееся к нему прямо или косвенно, принимало в них непосредственное участие. Это проявилось особенно ярко, когда Церковь подкошил Великий раскол, произошедший в 1378 году: были избраны два папы, оспаривавшие между собой законность своей верховной власти. Европейские королевства признали кто одного, кто другого, и Запад оказался расколот на два соперничающих объединения. Раскол сохранялся вплоть до избрания Констанцским собором в 1417 году Мартина V. Между тем, чтобы попытаться покончить с расколом, выдвигались варианты решения, которые пытались применить на практике: военная сила, давление на самих понтификов, временный отказ повиноваться папе с той или другой стороны. В эти бурные годы парижские ученые доктора сыграли важную роль. Так, в 1393 году университет организовал большое совещание, чтобы определить путь к восстановлению единства Церкви; он поддержал отказ французской Церкви повиноваться папской власти в 1398 и 1407 годах. В тот момент международный престиж парижских магистров, политический вес французского королевства и его столицы слились воедино, чтобы придать важности университетскому миру.

Жерсон — прекрасный тому пример. Жан Шарль родился в Жерсоне в 1363 году, в крестьянской семье. Он был старшим из двенадцати детей. Родители дали ему глубоко религиозное воспитание, а его блестящие умственные способности были отмечены монахами из реймского монастыря Святого Реми. Его отправили в Париж, где он получил стипендию в Наваррском коллеже, куда принимали студентов из Шампани. Там, проучившись одиннадцать лет после получения степени магистра искусств, Жерсон в 1392 году стал доктором богословия и преподающим профессором. Но уже в 1387 году у него было достаточно титулов, чтобы преподавать, а следовательно, зарабатывать на

жизнь. Параллельно развивалась его церковная карьера. Став священником, он получил бенефиции: приход в Шампо-ан-Бри, пребенду декана капитула церкви Сен-Донатьен в Брюгге; в 1395 году он стал каноником собора Парижской Богоматери и был избран канцлером университета. Этот важный пост был для него обузой, поскольку он не мог провести в университете реформы, которые считал совершенно необходимыми, и в 1399 году, пережив духовный кризис, подал в отставку. Его покровитель герцог Бургундский сумел убедить его вновь взять на себя обязанности профессора и канцлера в 1401 году. В 1409 году к ним добавился парижский приход Сен-Жан-ан-Грев, где Жерсон с жаром принялся за развитие проповедования, доступного простым людям и клиру.

Ученый доктор, канцлер, Жерсон участвовал во всех главных событиях своего времени. Сначала он прикнул к бургиньонам, но с 1400 года стал поддерживать сторонников умеренных решений, и это понемногу отдалило его от бургиньонской партии. Разрыв произошел в 1414 году после неудачи восстания кабошьенов. В то же время Жерсон занимался великим делом, потрясшим церковь и многие государства: чтобы покончить с Великим расколом, он поддержал обращение к Вселенскому собору, который один был способен восстановить единство Церкви и осуществить реформы, чтобы в дальнейшем избежать столь серьезных кризисов христианства. Вернувшись с Констанцкого собора, где он сыграл первостепенную роль, Жерсон не мог поселиться в Париже, поскольку с 1418 года там царили бургиньоны. Он уехал в Лион к целестинцам. Именно туда к нему явился за советом двор короля Карла VII, чтобы узнать его мнение о природе миссии Жанны д'Арк. Мнение старого канцлера было благоприятным, но проникнутым осторожной сдержанностью по отношению ко всем явлениям такого рода. Карл VII понял одно: в миссии Жанны нет ничего от дьявола, значит, она вдохновлена Богом. Жерсон умер в июле 1429 года, увидав политические результаты совета, который он дал королю.

Большинство преподавателей и студентов политической не занимались. Подавляющая часть их посещала

только факультет искусств, где преподавали грамматику, философию, древнюю словесность, необходимую для подготовки латинистов, какими по определению являлись средневековые интеллигенты; это был первый курс обучения, и множество школяров им ограничивались, получив степень магистра искусств. За курс богословия, долгий и трудный, брались лишь немногие из учащихся, в конце Средневековья это часто были монахи нищенствующих орденов. Факультет канонического права был очень престижным, поскольку юридическое образование приносило больше возможностей для трудоустройства как в церковном, так и в светском мире. С XIII века богословы горько сетовали на конкуренцию со стороны юристов, которые привлекали к себе слишком много студентов. По их мнению, учеба должна прежде всего послужить науке о Боге, то есть спасению людей. Стремление к материальной выгоде путем создания карьеры казалось им предосудительным, и они без устали его осуждали, впрочем, без большого эффекта, ибо даже высшие церковные иерархи чаще изучали право, чем богословие. Парижу не было дозволено преподавать гражданское право, за этим надо было ехать в Орлеан. Судя по письменным источникам, многие юристы имели двойное образование.

Наконец, медицинский факультет тоже открывал хорошие профессиональные перспективы, но врачи в долгополых одеяниях считали, что хирурги отбивают у них хлеб, и делали все, чтобы исключить эту корпорацию из почтенного сословия ученых мужей, к которому принадлежали сами. В 1452 году врачи добились права не пребывать в обязательном порядке в статусе клириков — правило, которое на практике, наверно, уже давно не соблюдалось. Все эти категории, степени почета, различные обязательства в зависимости от статуса давали повод для мелких ссор, столкновений интересов и всякого рода тяжб, занимавших университетский люд.

Студенты составляли социальную группу в несколько тысяч человек, разнообразную как по статусу, так и по облику. Самые юные, тринадцати-четырнадцати лет, начинали и заканчивали свое базовое образование; малая часть продолжала курс высшего образования

до степени лицензиата, дававшей доступ к хорошим должностям; самые блестящие или самые упорные достигали степени доктора, которая позволяла стать регентом, то есть преподавателем, или подыскать себе хороший бенефиций в Церкви или в королевстве. Тут уже речь шла о вполне взрослых «студентах», которые часто затягивали свое пребывание в Париже, цепляясь за какую-нибудь должность в коллеже.

И все же большинство школяров были молодыми людьми, которых документы конца Средневековья часто представляют как буйное и бесшабашное племя. В самом деле, университет обязывал их лишь выбрать себе учителя. Затем студент посещал лекции профессора, а по завершении обучения просил учителя сделать ему представление для получения различных степеней. Но учителю не приходилось заботиться о проживании и материальной стороне жизни своих учеников. Самые богатые из школяров, достаточно взрослых, чтобы распорядиться своей жизнью, легко находили себе в большом городе стол и кров и даже могли иметь слугу. Самым юным давали приют родственники или знакомые, а если у семьи были средства, их помещали в пансион.

Начиная с XIV века стали появляться «педагогика», когда учитель содержал на полном пансионе доверенных ему родителями учеников. Коллежи стали развиваться сразу после успеха заведения, основанного в XIII веке Робером де Сорбоном, приближенным короля Людовика Святого. Это благотворительное заведение было учреждено как своего рода интернат, в который бесплатно принимали студентов-богословов, бедных, но способных. Впоследствии в таких домах со школярами начали заниматься репетиторством, а потом перешли и к полноценному обучению, принимая, наряду со стипендиатами, платных гостей.

К середине XV века мир школяров состоял из «стрижей» — студентов, не связанных ничем, кроме обязательства по отношению к учителю, а следовательно, совершенно безнадзорных; из пансионеров, платящих за педагогика, и студентов, живших в коллежах. Различные беспорядки, связанные с кризисом и войной, вынудили множество школяров забросить учебу, жить

мелким воровством и бродяжничать. Но в конце Средневековья студенты уже не могли быть слишком вольны и бесконтрольны. Чтобы серьезно заниматься и оградить себя от опасностей города, они должны были войти в общину, которая будет следить за ними и направлять их. Отныне все обязаны прикрепиться к какому-либо коллежу и соблюдать дисциплину. Бродячие студенты, как и бедняки или нищие, внушали страх, они могли устроить беспорядки, их надо было держать в узде.

Церковь и благотворительность

Большой город, как никакое другое собрание людей, привлекает к себе обездоленных, которым не удастся найти работу в другом месте. Он плодит бедных, разоренных случайностями бытия, неудачным стечением обстоятельств или болезнью. Не говоря уже об «убогих» — больных, стариках, вдовах и сиротах. Чтобы облегчить их несчастья, религия предписывает быть к ним милосердными, и милосердие принимает формы специализированных учреждений — больниц, странноприимных домов, богаделен. В Париже с раннего Средневековья была богадельня Отель-Дьё на острове Сите. Это учреждение развивалось благодаря дарам и завещанному имуществу и в мирное время достойно справлялось со своими обязанностями: давало стол и кров беднякам и паломникам, а когда они подкрепляли свои силы и поправляли здоровье, отправляло их с Богом, чтобы принять других нуждающихся. В таких домах нельзя было поселиться, и заботились в них прежде о душе, а уж затем о теле, причем эта забота сводилась к хорошей пище и постели. В конце Средневековья эти заведения приняли медицинскую направленность. Наряду с Отель-Дьё в столице были самые разные благотворительные заведения, не говоря уже о лепрозориях, размещавшихся за городской чертой.

В Париже были и специализированные благотворительные общины, например приют для слепцов «Пятнадцать Двадцаток», дома, предназначенные для приема раскаявшихся проституток, которые могли удалиться туда, обрести покой и, как утверждала Церковь, нало-

жить на себя покаяние во искупление своей грешной жизни. Был еще большой дом бегиннок*, довольно суровый распорядок жизни в котором вынуждал этих женщин вести практически монашеское существование. Но они не являлись монахинями, потому что не давали обетов и определенным образом могли продолжать мирскую жизнь. Некоторые организовывались сами, как одинокие женщины, объединявшиеся в небольшие группы и проживавшие в обычных домах, где они зарабатывали на жизнь работой, связанной с текстилем, или занимаясь социальной помощью. Они упоминаются в налоговых документах. Монахини, бенедиктинки или сестры из нищенствующих орденов, жили в своих монастырях, изолированных от мира, как предписывает Церковь всем женским религиозным общинам. Так же, как и у мужчин, существовали престижные заведения и прочие, принимавшие всех подряд. «Дамы с Монмартра», монахини из аббатства Святого Марселя управляли обширным хозяйством, пополняемым и расширяемым за счет регулярно поступающих даров. Парижанам постоянно попадались на пути бегинки, пользовавшиеся неоднозначной репутацией. Когда они ухаживали за больными, хоронили покойников, репутация была доброй, а когда оказывались конкурентками на рынке труда — дурной. В Париже, как и везде в конце Средневековья, они понемногу растворились среди нищенствующих орденов третьего разряда.

Церковь была вездесуща в повседневной жизни столицы. Вот почему, как только какое-нибудь семейство приобретало определенный вес в обществе и вместе с этим амбиции, оно непременно способствовало вхождению одного-двух своих членов в духовное сословие. Крупные парижские буржуазные семьи, как и благородные роды, служили образцом таких связей между миром и Церковью.

Светским или церковным властям было невозможно досконально знать этот мир и, в частности, уследить за молодыми людьми, выбрившими себе макушку ради привилегий, полагающихся этому сословию. Конечно,

---

* Бегинки — благотворительное женское общество, возникшее в Нидерландах в XII веке и распространившееся во Франции с XIII века.

обычно вступление в ряды духовенства подтверждалось соответствующими грамотами; епископ проверял, является ли кандидат свободным человеком, владеет ли он минимумом знаний и нравствен ли он. Но в светских судах многие обвиняемые, выбрившие себе тонзуру, утверждали, что потеряли эти грамоты, а при допросе оказывались неграмотными и не знали ни слова полатыни. В конце Средневековья для признания за собой статуса клирика требовалось доказать, что ты не мирянин, то есть не жить у всех на глазах как мирянин. Суд определял это по костюму, по тому, носил ли человек оружие, занимался ли деятельностью, запретной для духовных лиц. Благодаря таким расследованиям число обвиняемых, объявлявших себя клириками, чтобы их передали церковному суду (не такому строгому, потому что он не выносил смертных приговоров), уменьшалось.

Взглянув на парижское общество сквозь призму церковного мира, можно лучше увидеть преобразования, которые коснулись его за три последних столетия Средневековья. История университета — прекрасное тому свидетельство. Перемены, навязанные кризисами и войнами, развитие в политической сфере и внутренняя перестройка принесли университетским деятелям, а также внушительной части ученых и людей умственного труда большую автономию. Завоеванная таким образом автономия означала, что ученые мужи считают себя вправе сбросить опеку папы римского, пойти другими путями, чем те, которые традиционно упирались в богословие. В XV веке стал развиваться медицинский факультет. Юристы также оставались динамично развивающимся факультетом, тогда как изящные искусства оживились благодаря гуманистическим течениям. Париж не стоял в стороне от нововведений, его коллежи и школы по-прежнему привлекали иностранцев, но и парижские студенты отправлялись в другие края, в частности в Италию, открывать для себя новые горизонты науки и искусства.

Эта автономия по отношению к целям и императивам Церкви выразилась в бурном развитии новых отраслей знания, более техничных и научных. Наступило время инженеров, архитекторов, географов и космографов.

Но этой дополнительной свободе противостояла новая обязанность: повиноваться и подчиняться королевской власти. Восстановленный университет понял это на своем горьком опыте и лишился самых невероятных для того времени привилегий: права прервать занятия и права отделиться, то есть оставить Париж, чтобы обосноваться в другом городе. Такая форма протеста и оказания давления использовалась в XIII веке. В XV веке «прекращение лекций и проповедей» университетскими профессорами уже не встречало понимания и рассматривалось как эгоистичное отстаивание привилегий, и парижских преподавателей призывали обратиться в парламент для вынесения решений по их тяжбам.

Вырабатывалась новая политическая культура — синтез между старинными формами знания, подчиненного Церкви, например богословием и каноническим правом, и новыми формами, разработанными на службе королю его чиновниками, магистратами и служащими на всех уровнях парижского общества. Не преуменьшая значения религиозной основы, эта культура приобрела интеллектуальную автономию и опиралась на действительный суверенитет политической власти государя. Она привлекала государственных деятелей вроде тех, кто, последовав за дофином в самый тяжелый момент, извлек из этого политическую выгоду во время освобождения страны и возвращения Карла VII Победителя.

Больше всего людей конца XV века поразило изменение вкусов и эстетики искусства, в особенности в архитектуре. Расцветающая художественная культура черпала вдохновение и образцы для подражания в Италии эпохи Возрождения. Крупные столичные здания перестраивали по новой моде, «на древний манер», как говорит Жиль Коррозе, отмечая при этом, что новые особняки вырастали за городской чертой, в пригороде. В своей книге, как и в пояснениях на прилагающемся к ней гравюрном плане Трюше и Уайо, он неоднократно подчеркивает свою любовь к «торжественному» античному стилю, пришедшему из Италии, который главенствовал во второй половине XVI века. Изменение архитектурных форм больше, чем что-либо, указывало на наступление Нового времени.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Сосредоточим внимание на привычном мире тысяч парижан — обычных горожан, не входящих в узкий элитарный круг, но и не смешивающихся с толпою неимущих. Оставаясь среди них, можно разглядеть и сильных мира сего и, наоборот, столкнуться с нищими и рассмотреть обе эти крайности с точки зрения честных людей с добрым именем, которые своим трудом добывают кусок хлеба и чувствуют себя на своем месте: ни слишком высоко, ни слишком низко.

О них говорится в списках налогоплательщиков, в документах, связанных с земельными сделками, в судебных делах, уголовных и гражданских, где они проходят в качестве то главных действующих лиц, то свидетелей, а то упоминаются как соседи. Зачастую их называют лишь по именам, и по скудным средневековым источникам трудно представить себе грани их повседневной жизни. Однако кое-что из них почерпнуть все же можно, нужно лишь внимательно вчитываться, чтобы найти подтверждение традиционным представлениям или обнаружить неожиданные черты.

В третьей части нашего исследования речь пойдет не столько о грузе иерархий, навязанных сословным обществом, сколько об облегчении, которое приносят солидарность и избранные связи. Конечно, в семье, в

мастерской, в обычных отношениях, завязывающихся в ходе повседневной жизни, тоже есть своя градация и уровни почетности, даже на самой низшей ступеньке иерархической лестницы. Разумеется, родственные связи, возраст, пол, как и в большинстве обществ, навязывают отношения, которые могут оказаться скорее обузой, чем поддержкой. Но если взглянуть на обычное течение будней с точки зрения подчиненных, работников, то формы взаимопомощи — стремление поддержать, не оставить в беде, ввести в избранную группу — имеют больше плюсов, чем минусов. Если воздух города делает свободным, как говорится в одной немецкой пословице, то воздух Парижа оказался очень действенным, и, без всякого сомнения, в этом большая заслуга его ремесленников и купцов: организовав свои цехи и дав им устав, они добились своего рода социального признания, несущего с собой свободу и новую солидарность.

Мы проследуем тремя разными путями, которые в конечном счете дополняют друг друга.

Во-первых, труд и повседневная жизнь в мастерских и лавках. Ремесленные цехи оставили свои уставы, создающие менее абстрактное и идеализированное представление о них, как считают априори. Затем мы пойдем дальше и рассмотрим весь парижский мир труда, находящийся вне защиты и контроля со стороны корпоративных структур, к которым обычно сводят столичный мир труда и торговли. Далее мы проследим за изменениями и развитием в конце Средневековья, подкорректировав немного статичный подход к делу, выраженный в нормативных актах, и образ, намеренно созданный людьми той эпохи, которым социальные, экономические или политические перемены казались деградацией старого уклада, считавшегося лучшим, к которому следует вернуться, чтобы исправить зло.

В следующей главе говорится о формах солидарности, обеспечивающих определенную сплоченность обычного парижского общества, о связях, проистекающих из социального статуса, то есть по принципу родства, пола и возраста; эта солидарность дополнена и подкреплена отношениями, завязанными в рамках

корпорации, и теми, что создает город в зависимости от уровня достатка. Но они несут с собой и целую систему ограничений. Ее можно подправить или смягчить системой связей по собственному выбору, а потому не такой жесткой. Поддержка и дружба, существующие в товариществе или ассоциации, уравнивают недостатки социальных структур, ограничивающих свободу личности.

Наконец, в последних главах собраны порой незначительные, порой случайно упомянутые факты обо всем, что относится к повседневной жизни: жилье, одежда, еда, развлечения. Мы не пытаемся охватить в нашем исследовании все возможные области человеческой жизни. Доступные нам материалы чрезвычайно разрозненны, приходится обращаться к письменным источникам, изображениям или археологическим находкам, стремясь придать исследованию надежную основу, в том числе и когда речь идет о банальном и очевидном.

Глава седьмая

*В лавке и в мастерской: труд ради хлеба
насущенного*

Повседневный труд большей части жителей столицы мало отражался на облике города, поскольку вся производственная и торговая деятельность протекала в обычных домах, даже если порой и выплескивалась на улицу. Включению трудовой деятельности в городское пространство соответствует традиционный тип труда, как следует укоренившийся уже в XIII веке и просуществовавший до XIX века. Находясь под властью хозяина мастерской или лавки, ученики, слуги, подмастерья и помощники образовывали небольшую общину: все жили под одной крышей, делили стол и кров. Чаще всего предприятие было семейным: в него входили глава семьи, его супруга, дети, порой брат или другой родственник. Дом, семья, мастерская — всё это тесно сосуществовало под отеческой властью хозяина. Ремесленники долго придерживались такого образа жизни, который мало описан в средневековых источниках, поскольку был самым обычным делом. Составить хоть какое-то представление об этой банальности можно по документам, в которых говорится о средневековых парижских домах.

Производственная и перерабатывающая деятельность мало отразилась на внутреннем устройстве и архитектуре обычных домов, если судить по документам, касающимся операций с недвижимостью. Ремесленники, снимавшие или покупавшие жилье, дом, размещали там свои инструменты, не проводя капитального ремонта, и могли переделать под мастерскую любую комнату.

Разумеется, были ремесла, для которых требовался минимум специального оборудования. Булочникам приходилось строить большие печи с очень толстыми стенами, чтобы уберечь соседей от пожара: их сооружение входило в обязательства, определенные обычаем, и такие печи отличались от простых домашних печей. Это правило распространялось и на горшечников. Мукомольные мельницы находились на Сене, они были необходимы для города и, хотя и редко упоминаются в земельных документах, часто присутствуют на изображениях Парижа в иллюстрациях к манускриптам. Ткачество, сукноделие, крашение тканей вписывались в городское пространство. Красильщики селились на берегу реки, как, например, семейство Гобеленов, которые в конце Средневековья заняли берега Бьевр. Суконщики расположили в восточной части правобережья Сены свои блоки, то есть устройства для просушки, стрижки и натягивания сукна, ибо для изготовления хорошего сукна требовалось произвести два десятка операций. Можно еще вспомнить о кузницах, где подковывали лошадей и других животных, используемых для перевозки людей или грузов. Они упомянуты в нескольких текстах просто как топографический ориентир. Но в целом таких приметных мест было мало, особенно в сравнении с преобразованиями, вызванными в городе крупными фабриками и заводами. Средневековую столицу характеризует почти полное отсутствие специфических мест и большое распространение трудовой деятельности по всему городу.

В описаниях домов, содержащихся в документах, функция рабочего места отражена через упоминание

рукодельни, которую никогда не описывают. В более подробных текстах конца Средневековья указана обычная структура парижских построек, где первый этаж чаще всего отведен под ремесленную или торговую деятельность: рукодельня — это передняя комната, выходящая на улицу и названная так потому, что именно там работают хозяин с помощниками. Обычно ремесленник сам продавал плоды своего труда, и окно, выходящее на улицу, было устроено так, чтобы служить вывеской. Оно было снабжено небольшим лотком под навесом, на котором можно было разложить или развесить изготовленные предметы. По вечерам лоток и навес складывали, закрывая окно. Такое устройство изображено на нескольких видах парижских улиц. В текстах такие витрины называют «окнами для продажи». Некоторые прилавки не складывались, а потому постоянно перегораживали улицы; разрешение на них мог дать только королевский или феодальный смотритель дорог, и владельцу приходилось вносить ежегодную плату за причинение неудобства.

Таким образом, ничто не мешало ежедневным контактам между рукодельней и улицей. Прохожие (потенциальные клиенты) видели снаружи, как работают мастера, и могли судить об их труде. Несомненно, можно было запросто завязать разговор и сделать заказ. Понятно, как ремесленники и лавочники делали себе рекламу: выставляя товар и, возможно, зазывая речами, о чем ясно сказано в нескольких цеховых уставах, запрещающих окликать клиента своего собрата, прежде чем тот закончит начатый разговор: нельзя перебивать друг у друга заказы. Так оживлялись улицы: толпы зевак, выставленные в витринах разнообразные товары, выкрики торговцев, увлекавших клиентов, наполняли их красками, звуками, движением. Рукодельня и окно для продажи обеспечивали непосредственную и живую связь между частным пространством труда и общественным пространством улицы.

Эта связь осуществлялась и через оформление входной двери. В описи имущества, составляемой после смерти владельца, порой говорится о «седалище, выставленном у двери», то есть о скамеечке, которую ставили

у порога. На ней с раннего утра сидел помощник или ученик, присматривавший, чтобы с лотка не воровали выставленные товары, или же ее предлагали клиенту во время торга, чтобы тому было удобнее и чтобы разговор завершился к выгоде торговца.

Рассредоточение производства по всему городу, организация кустарного промысла в домах любого типа — это общая черта, которую следует уточнить. Конечно, производственная и торговая деятельность не распределялась систематически, цех за цехом, по улицам, о чем будто бы говорит топонимия. Не только торговцы лесом проживали на улице Бюшри, на ней жили представители и других ремесел. Однако в налоговых документах, где последовательно перечисляются налогоплательщики, живущие на одной улице, указаны ремесленные объединения, члены которого связаны семейными узами: брат, сын или зять селились рядом с домом главы семьи. Другие объединения обусловлены общностью происхождения: люди из одной деревни или провинции стремились жить рядом в большом городе.

Но упорядочить пространство — значит и постараться выселить на задворки «грязные» ремесла, создающие неудобства соседям. Случай с бойнями показателен в том, что касается трудностей, связанных с принудительным переселением по приказу городских или королевских властей. Мясники с правого берега, поселившиеся у Большого моста, сосредоточили там свои мясные лавки, которые принадлежали всего нескольким семьям и которые те сдавали, когда не использовали сами. Все отходы от забоя скота и помои можно было сбрасывать в Сену. Но в Париже были и другие бойни, в том числе и принадлежащие аббатству Святой Женеьевы на левом берегу и устроенные в верхней части одноименной улицы. В XIV веке велся долгий судебный процесс, дающий возможность понять, в чем состояли претензии людей, живших рядом с этими бойнями, и каким образом власти пытались эти претензии удовлетворить.

Жители жалуются на грязь и вонь и причиной этого считают резкое увеличение количества мясников,

что подтверждается документами аббатства. Мясники выплескивают на улицу помой и часть отходов. Увеличение числа мясников приводит к тому, что сток воды на улице, несмотря на сильный уклон с «холма святой Женеви́евы», становится затруднен. Местные жители требуют восстановить первоначальное число мясников, то есть закрыть лишние лавки. Обоснованность подобной просьбы, подразумевающей, что раньше от боен не было грязи (что маловероятно), здесь не обсуждается. Удивительно то, что не только жители, но и престижный Наваррский коллеж, предлагают в качестве выхода из положения лишь возвращение к прошлому, ко времени, считающемуся идеальным: несчастья настоящего приистекают из несоблюдения старых правил.

Аббатство Святой Женеви́евы — феодал, которому подчинялись мясники, вызвавшие нарекания со стороны обитателей улицы, подавших на них жалобу сначала в Шатле, а потом в парламент, — повело речь о новых потребностях, которые не может полностью удовлетворить Большая бойня Шатле, — обоснованный аргумент для отказа закрыть мясные лавки, но акцент делается на другой причине, которая в те времена выглядела вполне обоснованной и даже бесспорной. Каждая мясная лавка платит феодалу большую ежегодную ренту за право вести свою деятельность на территории его владений. Эти пошлины образуют внушительную часть доходов, ожидаемых аббатством, а эти доходы используются для исполнения религиозных обязанностей аббатства. Сократить доходы — значит посягнуть на божественную службу и религиозные обязательства, а такого не допустит ни один добрый христианин. Однако аббатство ведет себя осторожно и предлагает несколько конкретных решений: безалаберным мясникам напоминают, что они должны хранить отходы производства в закрытых сосудах и выбрасывать их за пределами города, а не на улицу. Предлагает разделить забой скота и продажу мяса в лавках. Отныне мясники будут забивать скот в Сен-Марселе, рядом с Бьевр. Сен-Марсель недалеко, это обеспечит качество продаваемого мяса и поможет соблюсти гигиену, о чем попутно напоминает аббатство. Такая мера осчастли-

вила далеко не всех. Парижане, имевшие загородные дома на берегах Бьевр, а также мастеровые из других цехов, например красильщики, протестовали против такого неудобного и вредного соседства, но аббатство-феодал возразило, что, где ни устроишь бойню, везде возникнут такие неудобства, но надо же их где-то устраивать.

Эта тяжба важна для нас тем, что сообщает некоторые подробности о том, что считалось неприемлемым для горожан и какие решения предлагали власти. Можно отметить смешение очевидного и невероятного. Кровь, помои, отходы бойни распространяют зловоние, и нашим предкам это казалось невыносимым; аббатство отвечает, что мясники должны быть более внимательны и предупредительны к соседям, и напоминает им правила гигиены для вывоза отходов. Затем следует совершенно ожидаемое решение проблемы, связанной с увеличением числа городских мясников: разделить места забоя и продажи, вывести бойни за город, разместить их возле воды, которая послужит естественной сточной канавой. Но удивительнее, на наш взгляд, решение, предложенное истцами: сокращение в приказном порядке мясных лавок Святой Женеьевы, словно их увеличение было злом и не представляло никакого важного преимущества, из которого можно было извлечь выгоду. Точно так же аббатство говорит о защите интересов парижан, только чтобы оградить от посягательств свою религиозную миссию, а следовательно — сохранить доходы.

И другого рода деятельность вызывала загрязнение окружающей среды: в этом были повинны торговцы требухой, кожевенники, гончары; зловоние считалось опасным для здоровья, ибо в испорченном воздухе видели причину многих болезней. Шум тоже мог считаться вредным, о чем свидетельствуют некоторые положения договоров о найме, отказывающие в аренде помещений «шумным ремеслам с использованием молотов». Но в целом обычная жизнь парижских кварталов была соткана из разнообразных запахов, звуков, движений. Не было и речи о социальной или экономической сегрегации.

Он состоял из небольших общин и оставил письменные подтверждения своего стремления к организации: уставы и их официальное признание — доказывают многочисленность мастеровых и их экономическую роль в столице, говорят об их горячем желании снискать уважение в городском обществе, стать его неотъемлемой частью. Тексты уставов и других нормативных актов часто становились объектом исследований, однако историки сожалеют о том, что не сохранилось тех документов средневековой эпохи, в которых показывалось бы, как действовали эти уложения. Документация о маленьких людях или богатых мастеровых появилась в избытке лишь в последующие века. Однако если внимательно вчитываться и в существующие источники, можно разглядеть в них нечто большее, чем простые формулировки правил.

Это относится и к часто цитируемой «Книге ремесел» Этьена Буало. Этот список был составлен в 1260—1268 годах и по инициативе королевского прево Этьена Буало в рамках широкой административно-политической реформы времен Людовика Святого. Главы ремесленных цехов явились в Шатле, в резиденцию прево, зарегистрировать свои уставы; одни вдавались в многочисленные подробности, как, например, булочники, другие ограничились несколькими статьями общего порядка. Но каждый цех заявляет, что их ремесло является свободным, что они платят общую подать, включающую и торговые пошлины, признают за собой обязанность нести дозорную службу и братья за оружие для охраны города. К этим общим вопросам, которые, без сомнения, задавал чиновник, регистрирующий уставы, добавляются те пункты, которые каждый цех считал необходимым записать, ибо у всех существовали проблемы, порождающие конфликты, а письменный документ позволил бы их разрешить.

Реестр Этьена Буало — прекрасный путеводитель по миру ремесленников и купцов французской столицы, поскольку обладает несколькими достоинствами. В определенный исторический момент — конец прав-

ления Людовика IX, когда столица королевства процветает, — этот реестр дает общую картину парижских ремесел. Конечно, их список не полон, однако более сотни ремесел все же представляют собой широкую панораму. Другое преимущество этого документа состоит в том, что он создает тот образ мастеровых, какой хотели представить они сами.

Каждый цех привнес свою собственную черточку, свой нюанс в общую схему для всех уставов. Конкретные уточнения в подробных уставах показывают, чем были озабочены мастеровые и торговцы времен доброго короля Людовика Святого. В их мире сложилась своя иерархия: есть мастера, и среди них — руководители: присяжные, старшины, синдики; и есть подчиненные или зависимые люди — слуги и помощники, ученики и подмастерья на жалованье.

Ученики

Если почитать уставы, то это один из главных пунктов, получивший точное определение в письменных документах. Об учениках говорится в большинстве уставов, и только семнадцать цехов из ста одного о них не говорят. Добавим к ним тридцать других, ограничившихся заявлением о том, что мастер может нанять столько учеников, сколько пожелает (это касалось, в частности, мастеров, изготавливающих металлическую посуду). В цехах, уставы которых ничего не говорят об учениках или не ограничивают их количество, наем предоставлен на волю обеих сторон — мастера и родителей, но молчание по этому поводу не означает, что учеников не брали вовсе.

Более половины цехов (пятьдесят два) пожелали выработать правила, самое распространенное из которых состоит в ограничении числа учеников, которых один мастер может обучать за определенное время. Тридцать семь цехов заявили, что ученик может быть только один. Шестнадцать из этих категоричных цехов несколько смягчили это ограничение, поскольку речь идет лишь об учениках, не принадлежащих к семье мас-

тера и присоединяющихся к его сыновьям или племянникам. Одиннадцать цехов позволяют принять двух учеников сразу (четыре уточняют, что ученики из родни не в счет). Несколько цехов допускают наличие трех учеников. Около тридцати — допускают обучать одновременно столько учеников, сколько пожелает мастер, но сорок восемь устанавливают очень строгие рамки. Вот почему множество комментаторов говорили о замкнутости ремесел и об их несколько недальновидном предпочтении, отдаваемом семейному кругу.

В уставе также оговаривалась продолжительность ученичества, и здесь тоже правила весьма суровы, поскольку этот период обычно весьма продолжителен. Если повара устанавливают срок всего в два года, а три других ремесла — в три года, тридцать три ремесла требуют прохождения обучения в течение шести, семи или восьми лет, четыре (в том числе ювелиры, волочильщики проволоки, резчики по хрусталу) — в течение десяти лет, а один цех (изготовители янтарных украшений) доводит срок ученичества до двенадцати лет.

Продолжительность ученичества законна в некоторых ремеслах, где требуются навыки, каких не приобрести за несколько недель, например ремесло ювелиров или мастеров, изготавливающих украшения и предметы культа из коралла, янтаря или других драгоценных или хрупких материалов.

Но чаще всего продолжительность ученичества выходила за рамки технических или художественных требований полного цикла обучения. Однако это был минимум. В самом деле, мастер требовал от родителей ученика некую сумму в уплату расходов по обучению ремеслу. В уставе был предусмотрен и такой случай, когда родители мальчика не могли уплатить этих денег. Без денег «время службы» увеличивалось на один-два года. Требования по этому пункту в каждом цехе были различными. Бельевые ткачи установили своего рода тарифную сетку. Базовое обучение продолжалось четыре года, но родители должны были уплатить четыре ливра. Если заплатят только три ливра, служба продлится пять лет, а если всего один ливр — то шесть лет; без денег ученичество будет продолжаться семь

лет, почти вдвое дольше базового. Даже в ремеслах, требовавших десяти лет обучения, время службы увеличили, если родители ученика не сделали первоначальный взнос.

Эти правила, касающиеся обучения, поднимают несколько вопросов, которые проливают свет на труд в средневековом городе. На некоторые из них легко найти ответ. Так, ремесла, относящиеся к сфере, которую мы теперь называем изящными искусствами (живопись, скульптура), выставляют высокие требования технического порядка. Мастера изготавливают предметы роскоши, предназначенные для благородных клиентов и даже монархов. Обучение этим ремеслам требует времени, но заниматься ими — значит войти в круг поставщиков двора и вельмож. Неоспоримое мастерство становится необходимым условием для того, чтобы эти ремесла обеспечили мастеру репутацию и приносили прибыль. Экономические и социальные выгоды, которые венчают собой столь длительное обучение, стоят затраченного труда. Зарегистрированный устав, признанный, таким образом, властями, предоставляет доступ к этим прибыльным и престижным занятиям небольшой элите (и прежде всего родственникам известных мастеров).

Однако не все ремесла, пытающиеся навязать длительное обучение одного-единственного человека, относятся к сфере художеств или высшей роскоши. Так, изготовители железных пряжек, пуговиц или ремней, установившие минимальный срок «службы» в восемь лет, работают для всего населения, которое постоянно растет, а потому поддерживает все увеличивающийся спрос на их продукцию. Зачем же тогда ее сокращать, ограничивая доступ к ремеслу? Наверняка за доводами качественного обучения таится желание мастера воспользоваться в последние годы службы бесплатным трудом ученика, который уже неплохо справляется с порученным ему делом. Кстати, именно это и происходит, когда мастер продлевает срок ученичества, чтобы компенсировать неуплату первоначального взноса: в эти дополнительные годы ученик становится бесплатным работником. Разуме-

ется, в уставах это формулируется иначе. Зато в них говорится о формах благотворительности, что позволяет детям бедняков обучаться ремеслу. Изготовители ремней объясняют, например, что каждый ученик платит небольшую сумму (пять су) при поступлении к мастеру, чтобы пополнить фонд, за счет которого дети обедневших мастеров могут обучаться ремеслу за счет общины.

Уставные документы настаивают на подобных ограничениях, потому что мастерам хотелось бы их смягчить. Отсюда дополнительные уточнения, указывающие на главные заботы цехового руководства, явившегося зарегистрировать устав. Когда в условия ученичества вводятся некие послабления, это делается для их же ужесточения: либо чтобы продлить срок службы, либо чтобы запросить больше денег с родителей ученика, либо то и другое вместе. Девятнадцать ремесел на это прямо указывают, а некоторые еще и подчеркивают, что сокращать срок службы или уменьшать сумму, запрашиваемую с родителей, запрещено под страхом штрафа: изготовители железных пряжек устанавливают его в размере десяти су, изготовители латунных застёжек ограничиваются пятью су.

Отношения между учеником и мастером, представляемые как отношение почтительного и покорного сына к строгому и справедливому отцу, не всегда соответствовали этому идеалу. В уставах об этом упоминается, когда речь заходит о некоторых щекотливых проблемах, которые цехам приходилось решать довольно часто.

Первая из этих проблем — побеги учеников. Слишком долгое время ученичества, зависимое положение, чрезмерная суровость или явная несправедливость мастера, а также недисциплинированность или бунтарский характер самих учеников приводили к побегам. Ученик без разрешения покидал мастерскую, пренебрегая своим долгом и обязательствами. В уставах прописаны некоторые правила. Не слишком продолжительную отлучку можно было простить. Ножовщики, изготавливающие рукоятки, отсылают ученика восвояси после третьего побега (надо полагать, непродолжитель-

ного), объясняя это тем, что после одного-двух месяцев отсутствия недисциплинированный ученик все позабудет, а потому его нецелесообразно принимать обратно. Изготовители грифельных досок устанавливают срок отсутствия, который можно наверстать, в двадцать шесть недель, но, как правило, сбежавшего ученика отказывались брать обратно по истечении срока в год и один день. В любом случае, если ученика простили, он должен, разумеется, отслужить в полном объеме время своего отсутствия. Некоторые ремесла присовокупляют к этому материальную компенсацию мастеру.

Несколько цехов заявили, что побеги объясняются юношеским легкомыслием учеников; средневековые воспитатели полагали, что легкомыслие свойственно всем подросткам, а потому любое воспитание, по их мнению, должно основываться на строгой дисциплине. Изготовители железных пряжек даже выходят за рамки этих аргументов и уточняют, что некоторые ученики за время обучения становятся заносчивыми и даже вероломными. Это объясняется тем, что еще до окончания срока своей службы ученик осваивает ремесло и не может смириться, что качество его труда не признается, а потому не оплачивается; а другие мастера того же цеха, ищущие квалифицированных подручных, признают недавно приобретенные навыки ученика и нанимают его к себе, побуждая, таким образом, нарушить свое обязательство и стать предателем по отношению к своему учителю. Сопоставление различных мер, принимаемых в связи с отсутствием учеников, хорошо отражает сложность проблем, которые не сводятся лишь к обычным недостаткам молодости. Мастер и ученик должны в равной мере соблюдать обязательные условия обучения.

Если побег затягивался, то обязательный в таком случае отказ от нового ученика ставил мастера, согласно уставу, в затруднительное положение. Ущерб, с которым ему приходилось мириться, был в основном вызван правилом, запрещающим ему брать нового ученика, пока не истечет срок службы предыдущего, и порой мастеру приходилось ждать как минимум год и один день. Этот запрет выдвинут двумя десятками цехов, что

некоторым образом проливает свет на вопросы, возникающие по поводу строгого следования этому правилу.

Во-первых, возникают форс-мажорные обстоятельства — смерть ученика, например, отнюдь не исключительная ситуация, если учесть высокую смертность в средневековом обществе. Ученик также может нарушить свои обязательства, отказавшись учиться ремеслу. В таких случаях мастер не обязан ждать, чтобы заменить умершего ученика или «отказника». О смерти мастера говорится редко, возможно, потому, что его преемник должен был довести до конца начатое обучение, но несколько цехов перечисляют случаи, приводящие к аннулированию контракта и позволяющие заключить другой: продолжительная болезнь мастера, его отъезд в далекое паломничество, отказ от ремесла, а несколько уставов добавляют еще обнищание, вынуждающее мастера продать дом или отказаться от его аренды. При таких сложных обстоятельствах с мастера снимается обязательство держать у себя ученика, который вновь получает свободу и, возможно, ведет переговоры о продолжении учебы у другого мастера.

Уставы, строго обязывающие стороны соблюдать сроки договора, даже не выполненного одной из сторон, в других статьях говорят о праве мастера выкупить нужного ему ученика или за соответствующую мзду уступить своего ученика даже до окончания срока его службы. Если ученик получил хорошую подготовку еще до конца обучения, его досрочное освобождение — хороший выход из ситуации. Мастер, наверное, с легкостью соглашался на сокращение службы ученика за определенную плату, но в уставах об этом ничего не сказано. Продажа ученика становится результатом договора между мастерами, но о материальной стороне такой сделки в тексте устава тоже ничего не говорится. Там лишь отмечено, что мастер, выкупающий или продающий своего ученика, тем не менее должен соблюдать сроки службы, то есть не брать нового ученика прежде, чем пройдет срок обучения предыдущего. Такое тягостное для мастера обязательство должно было ограничить продажу и выкуп учеников. Другие детали указывают на то, что этими правилами часто пренебрегали.

Все эти порой противоречивые статьи, призванные заставить соблюдать длительные сроки ученичества, обучать только одного-двух молодых людей одновременно, было трудно применять на практике. Руководители цехов не могли этого не знать и признавали также, что в побегах учеников зачастую виноваты обе стороны и что не все мастера были безупречными учителями. Ученики должны быть покорными: сукновалы уточняют, что они должны исполнять все приказы мастера, относящиеся к ремеслу; шорники говорят, что в том, что касается ремесла, словам ученика против мастера веры нет. Но в других уставах старшины беспокоились о компетентности мастеров-учителей. Изготовители железных пряжек так резюмируют качества, необходимые мастеру: «мудрый и богатый», иначе родители потеряют деньги, а их сын — время. Изготовители коралловых четок уточняют смысл слова «богатый»: мастер должен иметь дом. Мудрость мастера-учителя соотносится одновременно с его профессиональной компетентностью и положением в обществе. Булавочники, у которых эти качества удостоверяли присяжные, объясняют, что такая проверка была учреждена общим собранием цеха, на котором поднимался вопрос о несостоятельных мастерах, и выходом из положения был признан экзамен.

Несмотря на все эти предосторожности, мастер может оказаться «несостоятельным». Изготовители шелковых и бархатных тканей рассматривают случай, когда сам мастер «покидает ученика»; тогда цеховые присяжные должны назначить другого мастера, который завершит обучение. Но чаще всего в детали вдаются ткачи: упомянув о проступках и недостатках учеников, в частности об их побегах, объясняемых безответственностью юности, они говорят о проступках мастеров. Ученик ткача, пострадавший от некомпетентности своего мастера, может подать жалобу присяжным мастерам, надзирающим за цехом. Мастера, подавшего повод к нареканиям, вызывали для объяснений. Если его вина признавалась, его подвергали порицанию и обязывали исправить свое поведение, на что присяжные давали ему две недели. Если мастер не являлся

по вызову или упорствовал в своем дурном поведении, присяжные отбирали у него ученика и помещали к другому мастеру. Во избежание таких ситуаций ткачи экзаменовали мастеров, желающих обучать учеников, этим официально занимались один синдик и два-три присяжных. Если они находили мастера «несостоятельным», а тот упорствовал в своей просьбе, назначали гарантов и гарантии, чтобы возместить ущерб родителям и самому ученику в случае, если ученичество не заладится по вине мастера.

Совершенно точно, что во всех цехах ученикам приходилось подавать жалобы на некоторых мастеров, а руководители цехов, синдик и присяжные вмешивались, чтобы урегулировать конфликты такого рода. Изготовители грифельных досок указывают, что они экзаменуют мастеров, желающих принять ученика, чтобы решить, достаточно ли у них «толка и имущества» (другая формулировка для «мудрых и богатых»), и требуют минимального опыта, а именно — проработать мастером год и один день. Они могут оштрафовать мастера, который окажется некомпетентным или если он своими уловками или дурным обращением подтолкнет ученика к побегу, — это доказывает, что и мастеру время обучения медом не казалось и что велик был соблазн его сократить, причем за счет самого ученика.

Эти отношения между мастером и учеником еще больше усложнялись из-за конкуренции между самими мастерами. Во многих уставах говорится о переманивании учеников, из-за которых взрастивший их мастер остается внакладе, поскольку учеников сманивали именно под конец ученичества, когда они становились «рентабельными», а мастер пользовался их трудом бесплатно.

Семь ремесел четко на это намекают. Так, волочильщики проволоки запрещают брать ученика своего соседа, украшатели ножен заявляют, что нельзя нанимать на работу подручного или ученика, еще не выполнившего договор с мастером. Изготовители игральных костей жалуются на учеников, которые отправились на вольные заработки, не закончив своей службы; парижские мастера запрещали продавать кости, изготовлен-

ные нечестным конкурентом, пока тот не отошлет провинившегося ученика. Изготовители ремней сочли полезным объяснить, почему запрещается продавать ученика до окончания шести лет обучения: уже с середины срока (а то и с четверти) ученик начинает гордиться, особенно если его похвалит другой мастер, и тогда бывает, что ученик делает все возможное, чтобы выведенный из себя мастер позволил ему выкупиться.

Отметим этот намек, довольно редкий в документах XIII века, на конкуренцию со стороны мастеровых, трудящихся в предместьях и не зажатых в столь тесные рамки, как в городе. Здесь противопоставляется не так строго контролируемый труд в пригороде — худшего качества, как утверждали парижские цехи, наверняка хуже оплачиваемый, а потому более дешевый, — и работа парижских цехов, втиснутых в жесткие рамки уставов, как говорят мастеровые из предместий, и находящихся под неусыпным контролем. Это соперничество лишь увеличится в конце Средневековья.

Правила обучения даже в самих уставах выглядят трудными для исполнения. Некоторые цехи несколько смягчали условия: у шорников ученик сможет работать в рукодельне, если его сочтут к тому способным, до окончания времени своей службы. Напрашивается вывод: правила были такими, что их практически невозможно было выполнить. Но, договорившись с самого начала о возможных путях урегулирования конфликтных ситуаций, мастер и ученик надеялись на благополучный исход обучения. Этому способствовал письменный договор. Более десяти ремесел четко прописывали обязательство составлять этот документ, указывая число необходимых свидетелей, чтобы договор был признан действительным, — обычно двух-трех мастеров этого цеха. В случае несоблюдения этого правила полагается штраф: пять су у булавочников, десять — у изготовителей железных пряжек и сорок — у производителей фетровых шляп. Повара говорят о договорных грамотах, а прядильщицы шелка указывают сумму в семь денье, которую взимают в уплату за написание договора, — необходимая предосторожность, чтобы впоследствии избежать споров.

В уставах ремесленных цехов XIII века они упоминаются не так часто, как ученики. Впрочем, порой о них говорят наряду с юношами на обучении, ибо все они подчиненные, подвластные мастеру. Тридцать три цеха посвятили им одну-две статьи в своих уставах. Ничего не сказано о типе договора, которым определяется их работа, но совершенно точно, что такой договор был: либо о сдельной работе, либо о недельном или годовом найме. Двенадцать ремесел упоминают о найме подручного, который не завершил работы по договору у предыдущего хозяина, и запрещают эту нечестную практику, порой приводя сумму штрафа, которым карается это нарушение (пять или десять су); штрафовали, наверное, и мастера, и провинившегося слугу, но только изготовители пуговиц уточняют, каким образом распределяется штраф: десять су с мастера и пять су с подмастерья.

Другая забота, нашедшая отражение в уставах, — найм квалифицированных работников, которые будут трудиться, соблюдая правила, установленные цехом. В целом, подручный заявляет о своей квалификации и обязуется «пребывать» в цехе, принося присягу перед старшинами; седельных дел мастера и шорники предусматривают штраф в пять су для тех, кто возьмет на работу мастерского, прежде чем тот принесет присягу. Эти требования касаются всех подручных, парижане они или нет; следовательно, никаких ограничений по найму провинциалов или иностранцев в XIII веке не существовало. Без сомнения, в ту эпоху бурного развития города ремесла оставались открытыми и принимали всех квалифицированных мастеровых.

В уставах практически нет никаких указаний на жалованье, надо полагать, что этот аспект отдан на полную волю мастерам. Если почитать уставы, то проблема заключалась в том, чтобы помешать увеличению жалованья, однако об этом не заявляли во всеуслышание. Намек на это проскользнул в уставе портных: в нем сказано, что подручные не могут требовать жалованья, превышающего то, какое они получают обычно.

Изготовители ремней дают уточнение по этому пункту: нанятый на неделю получает плату на основании жалованья за первый день своего найма, а это дает понять, что некоторые подручные, начав работать за определенную плату в день, старались воспользоваться необходимостью окончить работу, чтобы потребовать более высокого вознаграждения. Ясно, что вопрос об оплате был одним из основных, но в нормативных документах он не рассматривается из-за невозможности или нежелания сформулировать и установить общее правило.

Зато продолжительность рабочего времени в уставах обычно указана. Существовало зимнее и летнее расписание, то есть сезон коротких дней и время длинных дней. В текстах они обозначены как «мясоед» и «пост», но эти слова не следует воспринимать буквально. Они показывают, что трудовой календарь приспособлялся к церковному. Ритм времени в XIII веке задавался религиозной жизнью; год был размерен праздниками, звоном церковных колоколов, отмечавших наступление ночи и дня. Трудовой день подстраивался под него. Начало и конец дня определялись как религиозными, так и светскими, прозаичными приметами: сигнал к дозору в городе, конец естественного освещения. Работа, как говорят изготовители шелковых тканей, начинается с восхода солнца, «когда рог дозора протрубит на одной из башен Шатле», и заканчивается, когда уже нельзя работать, не зажигая свечей. Другие ремесла принимают иные ориентиры: например, возможность отличить черную нить от белой. Волочильщики проволоки прекращают работу по вечерам в «пост» (летнее время), когда звонят на колокольне Сен-Мерри, то есть около восьми часов, а в «мясоед» (зимнее время) — когда в первый раз проходит дозорный сторож.

Подробности, касающиеся повседневной жизни, редко проникают в нормативные документы. Но некоторые туда просочились, когда головы мастеров, явившихся зарегистрировать уставы, были до такой степени заняты частными вопросами, что потребовалось их письменное изложение.

Изготовители сальных свечей посвятили две статьи работе подручных вне мастерской, там, где хозяин не

может их контролировать, — один из редких намеков на распределение труда внутри мастерской. Подручные не должны изготавливать свечи у перекупщиков, потому что розничные торговцы подталкивают подмастерьев к тому, чтобы использовать в работе некачественные жир и сало. Продажа свечей плохого качества по одной цене с хорошими подрывала уважение к ремеслу и всем приносила вред. Свечники также напоминают, что слуга не может работать у какого-нибудь мещанина, пока не попрактикуется в течение шести лет у мастера или работая самостоятельно. Здесь в большей степени говорится о гарантии квалификации, чем об опасении подпольного производства.

Ременники упоминают о свадьбе подмастерья, потому что регламентируют возможность трудиться для его супруги. Либо она принадлежит к ремеслу и тогда ничто не мешает супругам работать вместе, либо ей следует выучиться ремеслу у своего мужа и тогда в уставе уточняется, что мужу придется «держатъ рукодельню» в течение года и одного дня, то есть стать мастером.

Сукновалы сочли полезным записать уточнения по поводу полуденного обеда в летнее время. Обед подают на стол хозяина, но подмастерье может поесть в другом месте, в кругу семьи или с другими ремесленниками. Этот момент отдыха был долгожданным перерывом в долгий летний день. Сукновалы говорят, что слуги должны возвращаться с обеда, не слишком задерживаясь и не дожидаясь друг друга. Возможно, что на момент составления устава мастера-сукновалы столкнулись с требованием наемных рабочих увеличить время отдыха, и эта проблема была связана с обедом вне дома мастера.

Одна деталь в уставе мельников говорит о кодексе вежливости: когда мельник берет в откуп одну из мельниц на Большом мосту через Сену, он должен пожертвовать пять су «товарищам на выпивку» — явное указание на важность совместного застолья. Единственный цех, сообщающий кое-какие подробности о ритуалах и традициях внутри общины, — тот, что открывает реестр Этьена Буало, то есть цех булочников.

Новоиспеченный мастер (закончивший четырехлетнее обучение) должен совершить ритуал, описываемый в тексте устава. Он берет новый глиняный горшок, наполняет его орехами и вафлями, потом отправляется к дому мастера булочников, управляющего цехом, разумеется, в сопровождении всех слуг, подмастерьев и мастеров, присутствующих при церемонии. Придя к дому, он должен вручить горшок мастеру со словами: «Мастер, я отслужил свои четыре года». Тогда мастер должен спросить у «казначея», то есть человека, который собирает штрафы и внутрицеховые выплаты, верно ли это. Получив утвердительный ответ, мастер дает горшок с орехами и вафлями новому ученику и приказывает ему швырнуть горшок в стену его дома. После чего все входят в дом мастера булочников, который выставляет «вино и закуску», — это угощение оплачено всеми участниками. В следующих статьях показано, что этот ритуал очень важен, а присутствие на нем обязательно. Всех членов общины созывал мастер булочников, он же, наверное, собирал деньги; те, кто не мог присутствовать лично, всё же платили свой взнос. Что же до невнимательных или непокорных булочников, которые не приходили и не платили, то их исключали из цеха, пока не расплатятся. В наше время уже трудно постичь смысл разбивания горшка о стену дома и значение этих орехов и вафель, можно уловить лишь общую направленность: ритуал закрепляет свободу нового мастера, его освобождение из-под чужой профессиональной опеки.

В одной статье этого устава говорится о жезле, на котором годы ученичества отмечены зарубками, что, возможно, проверяется во время церемонии разбивания горшка. Если этот жезл утерян, булочник-ученик должен уплатить казначею двенадцать денье или подарить ему каплуна. Наконец, в последней статье устава, где говорится о выборе старшин или контролеров, упоминается о людях, которые работают вместе с булочником: его подручных или учениках. Они веют зерно, просеивают муку, месят тесто, и каждый вид деятельности имеет свое профессиональное название.

Это элита, занимающая важные посты в мастерской или общине.

Чтобы держать рукодельню или лавку, мастер должен отвечать тем же требованиям, что и при найме ученика: обладать профессиональными навыками и определенными доходами, то есть владеть достаточным имуществом или деньгами, чтобы снять или купить дом, который будет одновременно местом жительства и работы; ремесленные общины порой указывают, что они всё это проверяют. Однако в XIII веке получение звания мастера еще не требовало от кандидата исполнения дорогостоящего «шедевра». Только шорники прямо указывают на работу, изготавливаемую по завершении обучения, прочие лишь отмечают, что профессиональные навыки подлежат проверке. Так, портные говорят, что для того чтобы начать работать самостоятельно, мастерской должен уметь хорошо шить и кроить. Изготовители шелковых тканей доверяют цеховым смотрителям проверить, может ли кандидат работать «без посторонней помощи», то есть овладел ли он всем циклом производства. У булочников присвоение звания мастера сопровождалось особой церемонией, и весьма возможно, что и в других цехах существовали ритуалы такого рода.

Вопрос об обучении показал, что некоторые ремесла предусматривали возможность разорения или обнищания мастера, когда он уже не мог больше заниматься обучением. Такие мастера снова становились наемными работниками, подмастерьями или учениками. В социальном и экономическом плане существовала длинная шкала — от бедности подмастерьев до богатства нотаблей. Она отражает различия между ремеслами: ювелиры или известные резчики, работающие на высокородных заказчиков, даже не сравнивают себя с мастером-сапожником. Отражены в ней и ступени пресуспехания внутри общины, между самими мастерами. Успех приводит к избранию смотрителем и присяжным, к определенной роли в руководстве общиной. Без сомнения, эти выборные должности совпадали с внутренней социальной иерархией и укрепляли ее.

Оставим в стороне вопрос, который имеет большое значение при составлении уставов: контроль над цехами со стороны прево или высшего королевского чиновника. Здесь достаточно сказать, что так или иначе, либо напрямую, либо через рекомендации, государственные власти и община избирали присяжных и смотрителей, которые устраивали обе стороны.

Обзор положения на основе уставов XIII века выявляет несколько основных пунктов. Во-первых, цехи проявляли реальную заботу о признании своих прав, места в обществе и ранга, которые придают ремеслу и ремесленникам определенное достоинство. Затем, по примеру всего парижского общества, ремесленные общины основывали свой идеал функционирования на иерархии, выступающей гарантом справедливости и нравственности; этот идеал был определен мастерами, но, вероятно, принимался также подчиненными. Наконец, внутренняя гармония, согласующаяся с гармонией всего общества, задумывалась не так, чтобы она могла меняться к лучшему. Единственными возможными изменениями были деградация, забвение долга — причины бед и несчастий, которые можно поправить возвратом к неизменным правилам и законам. Все это вместе определяло удачную интеграцию в общественный порядок, выгоды и привилегии для тех, кто в него вписался.

Но не все парижские труженики обладали такими гарантиями безопасности и общественного признания.

Вне цехов: прислуга и поденщики

Столица предоставляла гораздо более широкий спектр занятости и видов труда, чем тот, о котором говорится в уставах ремесленных цехов. Были труженики, о которых реже упоминается в письменных источниках, ибо даже если у них и было постоянное место работы и хорошее жалованье, условия их оплаты и найма определялись в частных договорах, возможно устных, — во всяком случае, у них было мало шансов сохраниться в архивах.

Это относится к домашней прислуге, штат которой был весьма велик. В самом деле, даже семьи со скромным доходом нанимали юную служанку или молодого слугу. На положении домашней прислуги жили большинство женщин, зарабатывающих себе на жизнь: от родственницы, получавшей стол и кров за работу по дому, до экономок, включая всякого рода горничных и служанок. Мужчин тоже нанимали в услужение. Как только семья начинала жить в достатке, в доме появлялась смешанная прислуга и работы распределялись соответственно полу.

Автор «Парижской домохозяйки» придает важное значение таким конкретным и привычным аспектам, поскольку речь идет о советах молодой супруге. Наем и управление прислугой занимают в книге важное место. Ясно, что рассматривается дом богатого нотабля, получающего солидный доход, чья супруга должна поддерживать свой статус. Ей не приходится самой выполнять работу по дому с помощью одной-двух служанок, так что мы получаем обзор возможностей, предоставляемых наемным рабочим такого рода большим городом и его богатой и могущественной элитой.

Женская прислуга находилась под властью экономки, которая распределяла работу и следила за ее выполнением. (В «Парижской домохозяйке» речь идет о зрелой женщине, Жанне Бегинке, — возможно, одной из тех благочестивых мирянок, которые не входили в парижскую общину бегинок, — то есть о такой, чья нравственность и добродетель оградят юную супругу от грехов, свойственных молодым богатым женщинам, окруженным соблазнами.) Хозяйка дома осуществляла лишь общий надзор. Ремонт парижского особняка, содержание сада и сношения с загородным домом находились в руках слуг-мужчин, за которыми присматривал управляющий, занимающийся также лошадьми, собаками и ловчими соколами — эта сфера не входила в ведение хозяйки дома. (Хозяин обращался непосредственно к управляющему, когда надо было ухаживать за этими животными, в особенности за лошадьми, а молодой жене говорил, что она в это время может отдохнуть или развлечься.) Однако именно супруга нанимала, оплачи-

вала и увольняла слуг и служанок с помощью экономки и управляющего.

Условия найма варьировались в зависимости от того, нанимали слуг для выполнения определенной работы, на определенный срок или на год. Добропорядочный мещанин объясняет своей жене, что помощники, нанимаемые для различных работ, — зачастую грубые и невоздержанные люди и что для их найма она должна взять себе в помощь управляющего, который лучше сумеет подобрать тихих и покладистых поденщиков. Он уточняет, что рекомендуется ясно определить с самого начала условия труда и его оплаты, ибо многие из тех, кто ищет работу, говорят: «Монсеньор, тут труд невелик, и делать-то нечего; вы мне заплатите достаточно, и я буду доволен тем, что вы мне дадите», а когда их наймут и работа будет выполнена, они требуют: «Сеньор, трудиться пришлось больше, чем я думал: надо было сделать то, потом это, и так далее», и если не уплатить им то, что они требуют, они вас выбранят, а потом пустят о вас дурную славу.

В том, что касается специализированного труда или найма на год, автор «Домохозяйки» объясняет, что хозяйка дома должна навести справки о прежних хозяевах нанимаемого человека. Он также рекомендует проследить, чтобы жалованье выплачивалось вовремя — тогда не будут накапливаться долги, которые впоследствии порождают споры и тяжбы. Счета надлежит вести со всем тщанием. В тексте содержится намек на грамоты или другой документ, но также на деревянные таблички, на которых помечается зарубками оговоренная сумма: такой метод не требует навыков чтения и знания цифр, но по надежности равен письменному договору. Полагаться только на память рискованно, ибо «заимодавцы всегда помнят большую сумму, а должники — меньшую».

На год слуг нанимала непосредственно супруга, чтобы те знали, кто ими командует, но автор «Домохозяйки» добавляет, что, если прислугу нужно уволить или заменить, супруга может «в частном порядке» посоветоваться с управляющим. Такой наем еще в большей степени, чем сезонные работы, требует предваритель-

ного наведения справок о человеке. Хотя автор приводит примеры среди женской прислуги, он уточняет, что в отношении мужчин надлежит провести то же расследование, и добрый буржуа подсказывает, какие следует задавать вопросы. Есть ли у горничной знакомства в городе? Почему она ушла с предыдущего места? Следует расспросить прежнего хозяина, можно ли доверять служанке, не слишком ли она болтлива, не прикладывается ли к бутылке, и в любом случае надо проявлять осторожность. Служанки, являющиеся просить места сами, наверняка имеют какой-то грешок за душой, а иностранки, возможно, оставили свое отечество из-за плохой репутации, ибо «если бы они были безупречны, то были бы хозяйками, а не служанками». Короче, супруга должна заручиться самыми надежными гарантиями, прежде чем вводить в свой дом горничных и служанок. Если предварительное расследование дает удовлетворительный результат, новенькая должна назвать свое имя, место рождения, имена отца и матери и нескольких родственников с указанием места их проживания; все эти сведения управляющий заносит в счетную книгу. Как узнать, порядочна ли горничная? Здесь тоже подозрительность — основа безопасности. Если кандидатка громко разговаривает, она будет заносчивой и наглой и станет злословить о вас, когда покинет ваш дом; если она осыпает вас чрезмерной лестью, значит, хочет в чем-то обмануть. Окажите предпочтение краснеющей молчунье, но уж тогда обращайтесь с ней как с дочерью.

Хозяйка должна вести дом и организовывать работу слуг. Именно она распределяет работу и следит за тем, чтобы прислуга не слонялась без дела, но в действительности ее роль сводится к присмотру за исполнением конкретных поручений экономки или управляющего. В книге даются практические рекомендации. Не допускать, чтобы, получив задание, слуга сказал: «Время терпит, успеется» или: «Сделаю завтра с утра пораньше». Нельзя давать задание, ни к кому не обращаясь, — только лично тому или иному слуге или служанке, иначе каждый свалит на другого и ничего не будет сделано.

Хорошая хозяйка должна уметь распределять время

отдыха и приема пищи. Ей дают советы по поводу кормления прислуги. Она должна предоставлять им в определенное и подходящее время сытную пищу: одно плотное блюдо, питье в достаточном количестве и велеть им есть много, хорошо запивать, не разговаривая и не засиживаясь за столом, ибо как только они расставят локти на столе и начнут мечтать «о небесных пирожках», пора им выходить из-за стола и снова приниматься за работу. Автор добавляет поговорку, как часто делает, чтобы подчеркнуть свою мысль: «Когда слуга начинает проповедовать за столом, а конь пастись на лугу, пора их оттуда гнать: хорошенького понемножку».

Если прислуга заболит, хозяйка «добросердечно и милосердно» позаботится о лечении, как она заботится о том, чтобы она имела достойное жилье и отопление в холодную пору. Особый совет касается молодых служанок — пятнадцати-двадцати лет, уточняет автор. Их следует поместить подле покоев хозяйки, в комнатах, куда нет легкого доступа снаружи, чтобы легче было присматривать за ними и защищать.

В обязанности хозяйки дома входит следить за хорошим поведением прислуги, она должна поучать и одергивать слуг, когда те поступают дурно, в частности, когда божатся «кровью проклятых лихорадок», «кровью проклятой недели» или «кровью проклятого дня». Автор «Домохозяйки» объясняет, что честная женщина не должна ни понимать таких выражений, ни говорить о крови. Служанки не должны произносить слов «м...да» и «ж...па», делать неприличные намеки, обзывать друг друга шлюхами или потаскухами, поскольку «честные женщины» не знают, что означают такие слова.

После таких рекомендаций нравственного порядка автор конкретно перечисляет основные виды работ, выполняемых в доме: ежедневно мести пол и смахивать пыль в зале, где принимают посетителей, а также в спальнях, мыть и чистить кухню и всё, что к ней относится, чистить и чинить одежду и белье, проветривать меха, не забывать кормить домашних животных — собачек и птиц в клетке. Эта работа внутри дома распределяется и контролируется непосредственно экономкой. Внешние и сельскохозяйственные

работы входят в зону ответственности управляющего: например приобретение кормов для овец, лошадей, быков, домашней птицы. Хозяйка дома проверяет, всё ли исполняется должным образом. В частности, следит за тем, чтобы экономка и управляющий правильно вели счета и бумаги: так, количество скота, ягнят, телок, свиной, а также птицы следует регулярно помечать, чтобы можно было проследить за его увеличением или уменьшением. Хозяйка должна требовать письменных отчетов и счетов обо всем, что касается дома, чтобы все, до самой последней служанки, знали, что от нее ничто не укроется и что она все может проверить.

Разумеется, здесь описан случай многочисленной прислуги, которой приходится управлять экономке и управляющему. Наверняка обоих нанимали, исходя из их образованности, умения читать, писать и вести счета. Однако в этом не было ничего исключительного. В Париже буржуа, цеховые мастера и, разумеется, судейские использовали письмо в повседневной жизни, но долго хранить эти бумаги, счета, письма и частные архивы не было причин.

Чтобы как следует командовать и добиваться послушания, нужно также обладать познаниями, позволяющими решать проблемы большого дома, вот почему в «Домохозяйке» содержатся рецепты всякого рода. Самые длинные — кулинарные, но к ним примешиваются и «полезные советы»: как лучше чистить одежду и кожу, хранить запасы вина и виноградного сока, зерна, сала и жира, гороха и бобов. Поднаторев в таких вещах, молодая хозяйка лучше сумеет исполнять свою роль, которая состоит не в том, чтобы самой работать в парижском особняке, на ферме и в загородном доме, а в том, чтобы хорошо руководить теми, кто выполняет эту работу. Невозможно точно сказать, сколько людей находилось в подчинении у хозяйки дома, но наверняка больше десяти. А в Париже было много таких больших домашних хозяйств.

Таким образом, столица являла собой обширный рынок труда, привлекая мигрантов из провинций и деревень. Не всем удавалось подыскать себе хорошее место у буржуа, даже не столь обеспеченного, как автор

«Домохозяйки». Нужно представить себе поток поденщиков, разнорабочих, людей, перебивавшихся случайным заработком и перепродажей всякого рода вещей, повседневная жизнь которых колебалась между бедностью и нуждой; о них не сохранилось упоминаний в письменных источниках, за исключением случаев, когда их преследовали по суду или оказывали им благотворительность. В период экономической депрессии или политических волнений власти и руководство говорят о них как об опасности, поскольку их много, они стекаются в Париж, а бедствия того времени делают их завистливыми и неукротимыми.

Бурный мир труда

До середины XIV века мир парижских наемных работников, мастеров и подмастерьев был, в целом, стабилен, справлялся со своими проблемами и обеспечивал покой и порядок. Век, начавшийся с эпидемии черной чумы и закончившийся завершением Столетней войны, нарушил этот образ стабильности и порядка. Конечно, и до 1348—1350 годов парижский люд волновался, а внутри цехов существовало резкое противостояние наемных работников и работодателей. Однако конфликты удавалось разрешить, и они лишь изредка выливались в уличные бунты или открытый мятеж. В 1306 году, когда после «валютных преобразований» парижские домовладельцы попытались потребовать у жильцов (в основном людей наемного труда, слуг или бедных мастеров) вносить арендную плату полновесными деньгами, то есть увеличить ее примерно на треть, разразился бунт. Парижане решили, что за этим стоит купеческий старшина Этьен Барбетт, и разъяренная толпа разграбила его имение. В том же порыве парижане осмелились напасть на людей короля и его запасы. Серьезное преступление, которое скорое на расправу, но любящее торжественность правосудие сурово наказало: арестованных вожakov казнили, а их тела выставили у городских ворот.

Прочие социальные конфликты, грозившие пере-

расти в бунт «заводских людей», не достигли стадии открытого и повсеместного насилия. Это были столкновения между цехами, обвинявшими друг друга в нечестной конкуренции, долгах и мошенничестве, которые удавалось уладить самим цехам или, если это было невозможно, феодальному правосудию, королевскому прево, а в последней инстанции — парламенту.

Зато с приходом Великой чумы расстановка сил изменилась в пользу трудящихся и мелких лавочников. Эпидемия выкосила рабочую силу, и те, кто выжил, стали требовать увеличения жалованья. В великом ордонансе Иоанна Доброго от 1350 года говорится обо всех трудящихся, которые находятся вне рамок и защиты цехов и их общины. Король, по совету парижских нотаблей и буржуа, запретил работодателям и наемным рабочим уговариваться о плате за труд, превосходящей ту, что была до чумы, иными словами, установил максимальную оплату труда на уровне, предшествующем морю. Эту меру не соблюдали со всей строгостью, но она свидетельствует об общих опасениях и требованиях, поступающих от элиты. Нотабли и власти хотят затормозить процесс, который кажется им возмутительным и приводит к переплате за труд. В ордонансе высказывается сожаление о том, что все, мужчины и женщины, предпочитают сидеть без работы или ходить по кабакам, чем работать по старым расценкам. Отсюда был только один шаг до недовольства своим подчиненным местом в обществе. Вспышки насилия, отметившие собой тот период, заставляли думать, что этот шаг был сделан.

Главные политические кризисы в королевстве, имевшие большой резонанс во французской столице, привели к восстаниям: Этьена Марселя в 1358 году, майотенов в 1382 году и кабошьенов в 1413 году. История этих жестоких событий выходит за рамки повседневности, но выводит на сцену городские массы, заполнившие улицы, открывшие тюрьмы и устроившие расправы без суда и следствия. По словам хронистов, среди них была прежде всего отчаявшаяся беднота, разорившиеся ремесленники, люди из низших социальных слоев, которые уходили к разбойникам, авантюристам и преступникам всякого рода, каких всегда было

немало в большом городе. По словам современников, а позже историков, ими манипулировали политические фракции: в XIV веке — наваррцы, в XV — бургиньоны. Восставшая толпа была своего рода орудием крупной парижской буржуазии, пытавшейся усилить свою политическую роль. С интересующей нас точки зрения ясно, что эти мятежники, повстанцы (которые в целом заплатили дорогую цену за свой бунт) не выдвигали конкретных социальных и политических требований, но слушали тех, кто говорил им о достоинстве, об улучшении социального положения и, разумеется, о лучших жизненных условиях, и шли за ними. В этот период наметились пока еще неясные формы требования демократии, равенства, справедливого распределения налогового бремени и расходов, связанных с войной и обороной королевства. (Термин «демократия» надо принимать условно, но Б. Гене рассматривает как демократическое течение комплексные требования о разделении властей, финансовом контроле и говорит о «демократии привилегированных».) Восстание в Париже в 1413 году возглавил ремесленный цех мясников — одновременно богатый и мало уважаемый. В нем были замешаны все крупные рода парижских мясников. Королевская власть, с честью вышедшая из этого испытания, стала опасаться, как бы профессиональные организации, какими являлись ремесленные цехи, не превратились в очаг неповиновения и бунтарства. Такими опасениями (возможно, необоснованными) была окрашена вся социальная политика власти имущих как в столице, так и во всем королевстве. Они не исчезли даже после восстановления мира.

Один момент заслуживает внимания при анализе сложных событий, касавшихся не только Парижа и парижан. Мастерские и работники столицы, как и преподаватели университета, магистраты и духовные лица, имевшие семьи в Париже, могли лишь следовать за ходом событий и пытаться к ним приспособиться. Фактически они стали англо-бургиньонами и испытали на себе катастрофические последствия всеобщего кризиса, который вышел за рамки их собственного политического выбора, если таковой имел место.

Во второй половине XV века, когда в Париже восстановился внутренний порядок и мир с чужеземцами, когда город смог залечить раны, а его жители вновь приступили к мирному труду, среди хорошо организованных ремесленных цехов, зарегистрировавших свой устав, а затем изменявших или дополнявших его при новом утверждении, произошли структурные изменения. Так, среди обработчиков дерева выделились столярные и плотницкие цехи. Точно так же аптекари отделились от бакалейщиков. Здесь важен не столько точный анализ всех этих изменений, связанных с конкретными обстоятельствами, сколько главное событие, а именно сохранение и укрепление организации такого типа, просуществовавшей до Революции 1789 года.

Но на заре Нового времени некоторые ремесла стали считать корпорации слишком стеснительными, и ремесленники принялись селиться в пригороде, за городскими стенами, вне контроля со стороны парижских ремесленных цехов. Именно в этот момент общая картина корпораций стала разрушаться, что историки зачастую принимают как данность, в то время как внутренние ограничения, в частности необходимость изготовления «шедевра», закрывающие доступ к званию мастера для самых бедных людей, становились жестче, при этом число исключений и привилегий, предоставляемых детям мастеров, росло. Разрыв между наемными работниками и мастерами увеличился, и ученики и подмастерья начали создавать собственные организации для защиты своих интересов. Это значит, что под маской непогрешимой преемственности, создаваемой уставами, происходили радикальные изменения.

Глава восьмая

Система солидарности, навязанные связи и личные привязанности

Повседневная жизнь парижан была организована внутри сложных социальных систем со сложившейся строгой иерархией, считавшейся незыблемой. В ту эпоху обитателям великой столицы их город представлялся таким местом, где можно обрести своего рода социальную близость, пространством свободы, где можно стряхнуть с себя тяжелые семейные узы, пренебречь ограничениями, навязанными социальным положением, зажить по-другому. Большой город способствовал развитию объединений по собственному выбору, например товариществ, которые гарантировали своим членам помощь и поддержку. Больше свободы, больше солидарности между равными — вот черты, предвосхищающие современное общество.

Однако эти системы солидарности или организации труда, которые выбирали для себя средневековые люди, обладали ограниченными возможностями и ставили перед собой скромные цели. Они не стремились ни к каким радикальным социальным потрясениям, не ставили под вопрос ни формы правления, ни гегемонию Церкви. Впрочем, Церковь их и вдохновляла: она представляла образец общин равных людей (например, аббатство или коллегия), узаконивала солидар-

ность, требующую равенства между членами группы, или необходимость делиться и перераспределять богатства.

Такие аспекты трудно выявить из документов. Они представляют собой этап длительной и постепенной эволюции, которая далеко не закончилась к концу XV века. Их можно выявить только по контрасту. С этой целью мы рассмотрим три момента: изменения в семейной среде, место женщин в лоне семьи и в мире труда и, наконец, круговую поруку, которую с XIX века представляли как прообраз профсоюзов.

Семейный круг, более узкий, а потому менее тесный

Тенденция, вследствие которой во всем обществе роль большой семьи уменьшилась в пользу узкого семейного круга, еще ярче проявлялась в таком большом городе, как Париж. Семья — это супружеская чета и дети, как о том неоднократно свидетельствуют архивные документы, в частности касающиеся недвижимости. Это важное положение стало следствием религиозных императивов, продиктованных Церковью, которая определяла брак как таинство: строгая моногамия, добровольный союз, нерасторжимый в земном мире. Историки часто отмечали, что эти требования становились обузой прежде всего для вельмож и королей, поскольку простые смертные не имели средств к полигамии и охотнее соглашались на свободный выбор супруга, ибо узы родства не так тяжелы, если нечего завещать и не приходится отстаивать клановые интересы.

Арендные договоры XIV—XV веков дают нам больше информации и показывают, что эта тенденция получила логическое завершение. В таких документах оговорены условия, на которых владелец уступает свою недвижимость за ежегодную плату и с учетом соблюдения некоторых правил. В них называется арендатор, приводится имя его жены, данное при крещении (правда, не всегда). Аренда обычно бессрочная, но порой пожизненная. В конце XIV и в начале XV века

в пожизненных договорах упоминались, помимо арендатора, его жена и дети, уже рожденные или будущие, — формулировка, определяющая семейную норму. Остальных родственников могли упомянуть в случае расширения аренды; случалось, что арендатору удавалось вписать в список пользователей договора и лиц, не относящихся к его семье.

В повседневной жизни основные связи между мужем, женой и детьми могли временно распространяться на родственников по восходящей линии (отца и мать) и по боковой линии (братьев, сестер), чтобы вести торговлю в лавке или расширить ремесленное предприятие. Родственными связями во многих случаях объяснялись займы, обмены или договоренности, связанные с браками, в том числе повторными. Их можно изучить только применительно к богатым и могущественным, поскольку в таких семьях связи и союзы систематически поддерживали, развивали, сохраняли в письменных документах, а родственники спланивались в многочисленную группу, обеспечивавшую своим членам поддержку и повышение. Генеалогическое древо аристократов являет собой самую отточенную форму семейного самосознания, тщательно хранимого в памяти.

Для людей не столь высокого полета семейные узы, конечно, были важны, но оказывались не столь крепкими. У парижан очень часто были провинциальные корни, о которых довольно быстро забывали, потому что связи с сельскими родственниками быстро ослабевали. Они на какое-то время снова крепили, если в столицу приезжал новый иммигрант и обращался за поддержкой к родне. Затем семья, укоренившись в Париже, разветвлялась, создавала свою надежную систему связей. Эти черты, не являющиеся особенностью средневекового периода, мало отражены в документах. В купчих крепостях на недвижимость не описываются домочадцы, когда дом продают или сдают в аренду, лишь изредка указывают, сколько человек там проживало — хозяев и слуг, и уж совсем ничего не сказано об истории этих людей и их семейных связях.

Налоговые источники, представляющие в виде упорядоченных списков сведения о парижских налогопла-

тельщиках, содержат правила и исключения. Конечно, информация о семьях скупа и неполна, но может послужить основой для исследования, опирающегося на точные и систематизированные данные. В самом деле, списки «дворов», расположенных на одной улице, порой содержат дополнительные указания после имени налогоплательщика. Клерк, помечавший имя и звание людей, вносивших плату, мог добавить по своей инициативе сведения о семье, полученные от самого налогоплательщика или от его соседей, поскольку такие уточнения способствовали идентификации человека. На примере податной книги от 1297 года можно проанализировать несколько особенностей обычных семей. Такие примечания не позволяют определить распространенные количественные параметры, но создают конкретную картину семейного вопроса в определенный момент. Этот список, составленный несколько позже реестра Этьена Буало, также соответствует периоду роста и процветания города, хотя на троне был уже не Людовик Святой, а Филипп Красивый.

В реестре содержится список налогоплательщиков, выплачивающих подать более пяти су (Больших) и менее пяти су (Малых). Мы не будем вдаваться в исследование этого налога, нам важно разделение относительно богатых (ибо дворяне, священнослужители и клерки были освобождены от налогов) и относительно бедных (которые тем не менее обладали движимым имуществом или доходами, на основании которых рассчитывался налог).

Большинство записей содержат только имя главы семьи (порой с указанием его профессии) и сумму взимаемого с него налога. Однако в 338 записях содержатся дополнительные сведения о семье, которые можно распределить по двум категориям примечаний, добавляемым клерком, когда он следует по улице, чтобы выявить каждый «двор», облагаемый налогом. Во-первых, это примечания о родственных отношениях, касающиеся «двора», соответствующего с тем, который только что был записан, как, например, в таком случае: «Адам де Сеспи, лавочник», а следующий двор, соответствующий соседнему дому, — «Жанна, мать его жены». То есть этот

Адам, торгующий в розницу всякого рода товаром, проживает рядом с матерью своей жены, и эта подробность может говорить о том, что именно благодаря браку он смог открыть свою лавку. Когда какой-нибудь родственник записан как полноценный налогоплательщик, значит, он (или она) обладает собственным домом с домочадцами. Во-вторых, записи, включающие помимо имени главы семьи еще одно имя с уточнением «и его сын» или «и его сестра», порой дополняют ставку налогообложения. Эти люди жили вместе и в глазах распределителей налогов образовывали один двор. Такие примечания неравномерно распределены между списками Больших и Малых. Больше всего примечаний к первому списку, поскольку Малые удостоились лишь двадцати пяти.

Первая серия пометок (соседствующие родственные дворы) не таит в себе сюрпризов, однако поднимает некоторые интересные вопросы. Такие указания встречаются по всему городу. Наиболее частая запись — о налогоплательщике и проживающем в соседнем доме сыне или дочери; среди детей, поселившихся по соседству, первыми идут сыновья (около 60 записей), но также дочери, названные либо прямо (17 записей), либо косвенно: через пометку «и его зять» (37 записей). В первый подсчет можно включить и несколько записей, в которых упоминаются дети, например: «и пятеро его детей», или же ссылку на детей от первого брака, например: «и дети его жены». Ссылки на других родственников встречаются редко, за исключением братьев (28 записей), нескольких племянников и племянниц, одного-двух кузенов, шуринов. Обычно ремесло хозяина соседнего дома не указывается, поэтому совсем не обязательно, что общность проживания сопровождается общностью ремесла, даже принадлежностью к одному цеху, но это вероятно во многих случаях. Совокупность связей и взаимопомощи, существующих между соседними дворами, конечно, имеет большое значение, но важно не это: сыновья, дочери и зятья приобрели автономию, отделились от отеческого двора, вышли из-под власти отца семейства. Дворы такого типа упоминаются в основном в списке Больших.

Другая серия примечаний (142 записи) проливает свет на семью с другой стороны. Клерк заносит в список нескольких налогоплательщиков, живущих под одной крышей, и ставит против них общую сумму, рассчитанную исходя из совокупного дохода и имущества. Девяносто семь таких общих дворов с несколькими налогоплательщиками находятся под управлением женщины, причем только тридцать девять из них записаны вдовами. Большинство таких общих женских дворов находится среди Больших. Мы еще вернемся к этому вопросу, поскольку ожидали увидеть во главе семьи только вдов. Дворы, управляемые женщиной, состоят чаще всего из групп, объединяющих мать и сына (35 записей), мать и дочь (19 записей), мать и ее детей (16 записей). В другие семейные группы входят братья, сестры или родня, приобретенная в брачном союзе. Что касается мужских дворов, здесь формулировки, обозначающие типы ассоциаций, гораздо разнообразнее: отец и один или двое из его детей, сын (13 записей) или дочь (7 записей), или зять, несколько детей от другого брака, несколько племянников и племянниц, но такие дворы не столь многочисленны — около пятидесяти упоминаний, в том числе полтора десятка записей о дворах, где два-три брата продолжают жить вместе и платят совокупный налог; гораздо реже встречаются брат и сестра.

В целом укрупненные дворы являют собой переходное состояние семьи, которая на какое-то время сделала выбор в пользу совместного проживания и объединения доходов, что и засвидетельствовал клерк, составляющий списки.

Обе серии сведений семейного порядка порой дополняют друг друга: двор нескольких налогоплательщиков соседствует с домом сына, зятя или еще одного брата, что создает своего рода семейный островок на улице. Так, Жанно Эслен, старший брат, платит 72 су. Три его брата — Жанно, Жанно и Алиомен — поселились рядом и платят каждый по 45 су, их сестра Мари упомянута отдельно, она платит 78 су. Их отец умер, о чем говорит формулировка «дети покойного Жана Эслена». Не членам семьи, наверное, было трудно не

путать отца и трех его сыновей, каждый из которых звался Жаном. А вот еще господин Эд де Сен-Мерри, обложенный вместе со своим сыном Тибу налогом в 20 су, а Робен, другой его сын и сосед, тоже платит 20 су. В списке Больших значатся пятнадцать семейных островков такого рода. В восьми записях говорится о домах, где проживают сын с матерью — вероятно, более распространенный случай, нежели о том можно судить по небольшому числу записей такого рода. Возможно, при обложении налогом учитывалось имущество и доходы матери, чем и объясняется увеличенная ставка. Можно выдвинуть и другую гипотезу — снижение налога из-за содержания иждивенца, но тогда таких записей было бы много больше.

Разумеется, эти замечания о родственных связях носят неполный характер, тем более что за всеми этими именами и прозвищами трудно различить союзы, заключенные в браках (повторных). Хотя, читая эти списки, так и тянет кое-кого «породнить». Нужно основываться на надежных сведениях, когда имеются четкие указания на родственные связи. Таким образом, семейная группа предстает прежде всего как брачный союз под властью мужа и отца, но может подчиняться и женщине. В случае необходимости она расширяется, благодаря помощи и поддержке более широкого круга родственников, но это, скорее, собственный выбор, нежели принуждение.

Изучение налоговых реестров 1297 года позволяет поставить вопрос о женщинах, их месте и роли в семье и труде.

Обычные парижанки времен Филиппа Красивого

Совместив личные данные женщин, записанных как налогоплательщицы, с их семейным положением и профессией, историк может отойти от ожидаемых банальностей, поскольку основывает свое исследование на конкретной информации, касающейся реальных людей. Женские дворы представляют собой меньшинство в списках налогоплательщиков, что подтверж-

дает точное исследование 1297 года, — 1376 дворов, то есть 14,5 процента от всех, упомянутых в списке. Удивляет не то, что женщины-налогоплательщицы находятся в меньшинстве, а их заметное место в мире, который обычно представляют патриархальным. Эти 1376 «дворов», содержащихся женщинами, образуют достаточно многочисленное население, чтобы посвятить им исследование.

В целом 748 женских дворов среди Больших и 614 среди Малых — это 14 процентов и 14,8 процента. В обеих экономико-социальных группах, вычленяемых в списках, содержится примерно одинаковое количество женских дворов. Ясно, что это процентное соотношение не создает точного представления о роли женщин, работавших или управлявших своим имуществом. В самом деле, в мужских дворах супруга указанного налогоплательщика очень часто участвует в работе мастерской или лавки, и нужно, чтобы женщина занималась другим ремеслом (или имела собственное значительное имущество), чтобы распределитель налогов упомянул о жене наряду с мужем, что случалось редко. Но эти 14 процентов показывают, что женщины могли пользоваться экономической, а значит, и социальной автономией и что такое случалось достаточно часто, раз распределители налогов о них не забыли.

Эти 1376 женщин обозначены в тексте по-разному, впрочем, как и мужчины. Во всех записях прежде всего указано имя, данное при крещении, и прозвище, которое с конца XIII века постепенно становилось фамилией, но еще не стало ею окончательно; порой к имени добавляется указание профессии, бывает, что эти основные данные дополнены сведениями о семье.

Женщины, менее подчиненные семье

Указания на семейное положение налогоплательщицы касаются 14,5 процента женских дворов — это немного. В самом деле, учитывая то, что говорят о положении женщин в ту эпоху — вечных подчиненных, переходящих из-под опеки отца под опеку мужа,

такую информацию нельзя переоценить. Юридическая субординация женщин принимает облегченный характер, когда они становятся вдовами и пользуются более широкой автономией, даже настоящей свободой. Однако замужем они или вдовствуют, подавляющее большинство женщин-налогоплательщиц не считают нужным уточнять свой статус, а распределители налогов — о нем спрашивать. Таким образом, изучение женской части налогоплательщиков в 1297 году заставляет внести определенные нюансы в распространенные представления. Дополнительные уточнения можно сделать при сравнении сведений из списков Больших и Малых.

В первом списке 22,8 процента женщин сообщают о своем положении супруги («жена такого-то») или вдовы («жена покойного...»), во втором списке таких женщин всего 4,7 процента. Расхождение между богатыми и людьми скромного достатка ярко выражено. Его можно объяснить. Среди супругов и женщин, платящих большие подати, находятся представительницы крупной парижской буржуазии, обладающие рентой и имуществом, их социальный статус укрепляется через брачные союзы, поэтому указание на их положение супруги или вдовы тоже определяет их как «налогоплательщиц». Напротив, в мире мастерских или лавок замужние женщины или вдовы должны управлять имуществом или работать, их положение супруги почти не приносит им дополнительного уважения экономического порядка.

Если рассмотреть отдельно «жен» и «вдов», можно отметить, что первых больше. Казалось бы, в такого рода списках должны господствовать вдовы, однако их меньше даже среди Больших. Более того, что конкретно скрывается за формулировкой «жена такого-то»? Можно выдвинуть несколько предположений: эти супруги обладают собственным имуществом или занимаются какой-либо деятельностью независимо от своего мужа и по этим причинам отдельно же платят налоги. Но нельзя исключать и случай, когда женщина живет отдельно от мужа, — ситуация, допустимая каноническим правом, узаконенная судом епископа после прове-

дения расследования и вынесения приговора, а затем урегулированная гражданским судом в материальном плане (в частности, путем раздела имущества). Это важные вопросы, на которые не найти ответа в податных книгах, но они, однако, наводят на мысль, что парижанки конца XIII века на самом деле пользовались большей свободой и играли большую общественную и экономическую роль, чем принято считать, основываясь исключительно на юридических формулировках или на женоненавистнических проповедях монахов.

Обозначение женщин в налоговых документах дает дополнительную пищу для размышления. В списке Больших из восьмидесяти девяти женщин, названных «женой такого-то», семьдесят три не записаны по имени, только четырнадцать названы «такая-то, жена такого-то». У Малых — обратное соотношение: семнадцать названы по имени перед указанием «жена такого-то» и только шесть представлены просто как «супруга такого-то». Это говорит о том, что людям скромного достатка брак не приносит столь больших дивидендов материального и социального порядка, чтобы принижать личность супруги, чем подтверждается факт, отмеченный выше: женщины среднего круга не похваляются своим брачным союзом.

Список парижанок-налогоплательщиц, составленный в 1297 году, сообщает нам и другие сведения. В этом списке не встретить аристократок, но, исходя из суммы выплачиваемых податей, вырисовывается группа богатых буржуазок. Эти обеспеченные дамы жили на правом берегу Сены и на острове Сите. (Левый берег в целом облагался меньшим налогом, чем торговый правый берег, и наверняка был не столь богатым, хотя там и проживали дворяне, а главное — множество клерков, освобожденных от податей. На левом берегу зарегистрирован только один крупный налогоплательщик.) В списке дворов, облагаемых самым высоким налогом, то есть более шестнадцати парижских ливров, нет ни одной женщины. Но тридцать восемь женских дворов платят от четырех до двенадцати ливров, то есть обладают состоянием, восходящим от честного достатка к определенному богатству. К этому надо добавить сем-

надцать дворов, где наряду с женщиной упоминаются ее дети или сын, например вдова Этьена Буселя, которая со своими сыновьями Авело, Женевоном и Адено платит пятнадцать ливров. Такие указания на богатство, подразумеваемые ставкой налога, подтверждаются фамилиями, принадлежащими крупнейшим парижским родам: Аррод, Сарразен, Барбетт, Ожье, Туссак, Жансьен. В первой группе из тридцати восьми женщин только девять вдов, в группе из семнадцати семейных дворов — шесть. Решительно, вдовство — не единственная возможность для женщин распоряжаться своей жизнью.

У мужчин к имени порой прибавляется обращение «господин», у женщин — «госпожа» («дама»). Из тридцати восьми богатых женщин только пятнадцать получили такое наименование. Если изучить весь список женских дворов, можно выявить сто двадцать семь упоминаний о «дамах», то есть менее 10 процентов, но они распределены между Большими и Малыми весьма неравномерно: сто семь (14,3 процента) среди первых и двадцать (3,2 процента) среди последних. Слово «госпожа» говорило не только об уровне достатка, но и об определенной форме профессиональной компетентности, об определенной мудрости, сопутствовавшей зрелому возрасту. (Например, «дама Агнесса, шелковая ткачиха», платила десять парижских су, «дама Жанна, изготавливающая шляпы» — восемь су, «дама Жиль де Курсель, трактирщица» — пятнадцать ливров.) Слово «госпожа» («дама») происходит из общественного словаря дворян, но сопоставимо не столько с «господином», добавляющимся к именам мужчин, сколько с «мэтром» («мастером») — это слово гораздо чаще встречается в реестре 1297 года, а также в земельных архивах, поскольку, как и «дама», объединяет в себе несколько типов социальных отличий.

Изучение различных указаний, которые содержатся в документе 1297 года, составленном распределителями налога, побуждает детализировать общие, «монологичные» идеи. Конечно, женское население находится в более или менее тяжелом подчиненном положении. Но Париж — очень большой город — в конце XIII века (в эпоху динамично развивающегося общества) при-

вносит важные коррективы в это утверждение. Ясно, что женщины, получившие свободу благодаря своей деятельности и признанной общественной роли, по большей части трудятся. Мы вновь обратимся к спискам 1297 года уже с точки зрения отношения к ремеслу.

Женщины, обретшие свободу благодаря труду

Прежде нужно сказать несколько слов о методе анализа, используемом не только применительно к женщинам из списка парижских налогоплательщиков. Когда в наименовании хозяина двора за именем и прозвищем идет название ремесла, нет никаких проблем: речь действительно о профессии налогоплательщика. Но таких уточнений очень мало. Применительно к женским дворам их всего семьдесят пять, то есть примерно 5 процентов.

Другие указания на ремесло могут происходить из прозвания, следующего за именем, данным при крещении. Таких указаний — «прозвище-профессия» — больше всего: пятьсот двадцать пять, то есть 35,5 процента от общего числа женщин. Стоит ли их рассматривать как точную информацию? В записях типа «Агнесса-прачка», «Жанна-перекупщица» или «Жанна-портниха», вероятнее всего, действительно говорится о ремесле женщины, которая упомянута только по имени, без прозвища или фамилии. Это касается многих парижанок из списка Малых. Но возможно, что это просто прозвище, не дающее указаний на ремесло, которым женщина действительно занималась. Если после прозвища указано другое ремесло, тут уж ничего не перепутаешь, однако ясные указания — редчайший случай. Я нашла только три примера: Жанна Портниха, хлеботорговка; Маргарита Кузнечиха, хозяйка таверны; Алиса Каменщица, шелковая ткачиха. Такие «профессиональные» прозвища происходят от ремесла (или прозвища) мужа, если супруга участвовала в работе его мастерской, лавки или небольшого предприятия. Вот, например, Эделина Грузчица, платящая восемь су, и ее зять, указанный только по имени, — Аман, платящий двадцать су. Эта семья грузчиков поселилась на

берегах Сены, в 1297 году к ней примкнул зять; что же до матери, Эделины, прозвище и ремесло которой совпадают, трудно сказать, участвовала ли она лично в разгрузочных работах. Нужно ли принимать за «прозвание супруги» названия ремесел, относящихся к перевозкам или строительству, которые получили форму женского рода, как, например, в случае Алисы Каменщицы — наверняка жены или дочери «Каменщика», которая, как мы видели, сама занималась изготовлением шелковых тканей? Но вот вам Маргарита де Шаллоэль, плотничиха. Не стоит фантазировать дальше, ибо списки не позволяют сделать бесспорных выводов. Но в целом такие наименования указывают на профессию, и возможные отдельные ошибки не имеют большого значения для исследования в целом; информация, полученная из названий ремесел, создает достоверную общую картину.

Зато неуверенность другого рода преодолеть гораздо сложнее. В самом деле, в большинстве записей не содержится никакого указания на ремесло или общественное положение — ни точных сведений, ни намеков. Без всякого сомнения, эти люди в большинстве своем занимаются какой-то деятельностью, на которой основаны их доходы, позволяющие высчитывать налоги. Это также подтверждается счастливым совпадением некоторых сопоставлений. «Тирфер» в других источниках именуется как Жанна Тирфер, или Жанна Тирфер, садовница, или даже госпожа Жанна Тирфер; Агнесса Пахотница в других списках именуется лавочницей; Изабо Костоправка в других списках названа Изабо-знахаркой; Алиса де Варвиль названа также Алисой-белошвейкой или Алисой, белошвейкой из Вервиля. Упомянем еще Жаклин Вивьен, жену Робера Вивьена, называемую также «Жаклин Вивьен, галантерейщица». Очень может быть, что некоторые из женщин, не называвших своего ремесла, жили за счет ренты и своего состояния, но это не являлось правилом для женских дворов, облагаемых налогом, о чем можно судить по списку Мальх. Итак, будем придерживаться того, что сообщает нам реестр 1297 года, поскольку такого рода «моментальный снимок» не претендует на роль полной картины или исчерпывающего образа парижанок конца XIII века.

По числу записей самыми распространенными являются пять ремесел: перекупщицы, горничные (соответственно сорок четыре и сорок две записи), шляпницы, швеи и прачки (примерно по двадцать пять записей).

Таким образом, мы видим, что в 1297 году парижанки работали в сфере питания: перекупщики и перекупщицы продавали в розницу всякого рода съестные припасы, как нынешние бакалейщики. Они также часто становились горничными, то есть прислугой в доме мещан, где занимались уборкой, ходили за покупками, обихаживали хозяина с хозяйкой. Под их властью находились служанки и «казачки». В списках их имя часто соседствует с именем хозяина или хозяйки. В большинстве записей указано, что они служат горничными в таком-то доме под властью мужчины, другие приписаны к женскому двору. Такие женщины названы только по имени, данном при крещении, с пометкой «горничная такого-то»; одна женщина записана даже без имени, просто как «и его горничная». Все эти указания подтверждают, что личность таких женщин определена посредством дома, в котором они служат (дом указан через его хозяина), а также их подчиненным положением, однако они получают жалованье, чем и объясняется их статус налогоплательщиц; разумеется, за исключением трех случаев («Лоран де Болье — 70 су, Агнесса, его горничная, — 8 су; Жак Жансьен — 16 ливров 10 су, Агнесса, его горничная, — 8 су; Жеффруа Кокатрикс — 15 ливров, Жанна, его горничная, — 6 су»), все горничные присутствуют в списке Малых.

Три остальных ремесла говорят о производстве, связанном с текстилем (швеи), изготовлением предметов туалета и одежды (шляпницы) и со стиркой белья (прачки). Первый взгляд на женскую работу не приносит сюрпризов: он вписывается в старую схему распределения работ между полами в том виде, в каком ее представляли моралисты, проповедники и прочие традиционалисты среди мужчин. И все же есть нюансы: встречается много мужчин-швецов, некоторые даже занимались стиркой, а один назван горничным. Так что предстоит произвести более углубленное исследова-

ние, чтобы установить истинное положение дел с распределением труда.

Записи, касающиеся трудящихся женщин, весьма разнообразны и образуют далеко не полный список. Их можно распределить по главным видам деятельности, чтобы составить представление о доле женского труда — согласно налоговой картине 1297 года.

Количество записей, относящихся к каждой группе, округлено и имеет в данном случае лишь относительное значение. Три группы вычлняются из трех других, не столь хорошо представленных. Первая группа ремесел, относящихся к обработке тканей, пошиву одежды и изготовлению украшений и предметов туалета, набрала двести двадцать пять записей. В их числе есть двадцать две прядильщицы шелка и ткачихи; в цеховых уставах XIII века ясно указано, что обработка шелка в Париже — женское дело, налоговые источники это подтверждают. Девять ткачих, восемь «бахромщиц», пряжи и другие работницы, обрабатывавшие лен, шерсть или коноплю, четыре белошвейки, две вышивальщицы, три гобеленщицы также свидетельствуют о том, что этими ремеслами могли заниматься женщины, и это предусмотрено уставом. В швейной области встречаются двадцать пять швей и двадцать пять шляпниц плюс пять изготовительниц головных уборов без всяких уточнений (в ремесленных уставах различали изготовителей шляп с цветами, фетровых шляп и суконных), пять старьевщиц, три галантерейщицы (они занимались торговлей богатыми украшениями), три кошелечницы, две женщины, шившие штаны или торговавшие ими, одна продавщица павлиньих перьев, которыми украшали головные уборы. Порой ремесло указано не так, как оно обозначено в уставе, а по типу конкретной деятельности: так, встречаются: «торговка нитками», женщина, «смаывающая пряжу в клубки», еще одна, шьющая сумы для милостыни, и две, изготовляющие ночные колпаки.

Вторая группа объединяет ремесла, связанные с пищевым сектором; в ней сто десять записей. Больше всего перекупщиц, но есть еще десять булочниц и одна-две «вафельницы», восемь «пирожниц» (слава парижских пирожков с мясом была велика, Э. Дешан напи-

сал стихи с рефреном «Прощай, Париж, прощайте, пирожки»), восемь зеленщиц, восемь «птичниц», торговавших яйцами и птицей, четыре торговки требухой, четыре торговки рыбой и три — селедкой, четыре торговки сыром, четыре молочницы, три торговки пивом; совершенно точно, что женщины могли заниматься любой деятельностью, связанной с питанием. Налоговые источники преуменьшают их число, а следовательно, значение: заявлено только об одной «мясничихе», но многие супруги мясников наверняка работали вместе с мужем, торгуя с прилавка, а четыре торговки требухой и пять — кровяной колбасой свидетельствуют о том, что женщины могли заниматься и таким ремеслом.

Третья группа более разношерстна, однако ее объединяет одна общая черта: изготовление и продажа предметов повседневного спроса для всех классов парижского общества, любой запрос скромного или богатого клиента мог быть удовлетворен. Здесь встречаются пять торговых воском; домашним освещением занимаются девять свечных торговых и одна торговка лампами; восемь торговых горшками трудятся для простого люда, а торговка хрусталем — только для состоятельной публики. Несколько «сыромятниц», несколько изготовительниц ремней заняты в скорняжном и кожевенном производстве. Упомянуты и женщины, запасающие дрова, изготавливавшие веревки и различные чехлы и ножны. К этому надо добавить торговых пергаментом, бочками, стеклом. Неужели женщины-налогоплательщицы, о семейном положении которых ничего не известно, в самом деле занимались такими ремеслами, требующими специальной подготовки? Будучи вдовами, они могли заниматься ими на условиях, определенных уставом; обычно от них требовали доказать свои навыки в присутствии присяжных или взять умелого слугу. Но в большинстве записей о женских дворах не говорится о положении женщины, наследующей своему мужу. Такие колебания в интерпретации скудных сведений напоминают о том, что по источникам одного типа не воссоздать реальной ситуации, и нормативных актов для этого недостаточно.

За этими тремя группами идут еще три, в каждой из которых от семи до пятнадцати записей. Первая объединяет «сельскохозяйственные» ремесла и транспорт, включая «грузчиц». В ней две торговки сеном, одна — овсом, цветочница, две пастушки и одна коровница. Помимо «грузчиц» есть одна лодочница, но перемещение грузов на собственных плечах или на вьючных животных (деятельность, жизненно необходимая в большом городе) не приносит больших доходов, а потому о нем почти не упоминают, когда необходимо иметь некоторое имущество или доходы, чтобы платить налог.

Две остальные группы соответствуют видам деятельности, которыми чаще занимаются мужчины. Речь идет об обработке металлов и о строительстве. Обнаружились одна оружейница (которая продает или делает доспехи), одна торговка полосовым железом (жена торговца?), одна кольчужница (жена изготовителя кольчуг?), одна ножовщица, три «кузнечихи», две изготовительницы гвоздей и три — булавок, одна женщина-слесарь... Снова возникают всё те же вопросы: можно ли опираться на названия ремесел? Плотница и пять штукатурщиц вновь ставят в тупик. Наконец, три «знахарки» и две повитухи напоминают о роли женщин в деятельности, связанной со здравоохранением, а «школьная учительница» — о воспитании девочек. Напротив, три «мэрши», «превогша», «землемерша» и т. д. — жены мэра, прево, землемера.

В завершение исследования надлежит сделать несколько замечаний. Разумеется, пройдясь по спискам налогоплательщиков, мы не изменили в корне уже существующих представлений: парижанки, как и другие женщины средневекового Запада, находились под защитой или опекой мужчин — отца, мужа. Как объясняет автор «Парижской домохозяйки», жена доброго буржуа должна вести дом, помогать мужу сберегать его состояние и способствовать поддержанию его общественного положения. Это в еще большей мере касается благородных дам, которые утруждали свои руки, лишь занимаясь вышиванием, — и день чем-то занят, и можно устоять перед греховным соблазном. Учитывая

влияние этих социальных и идеологических образцов, можно ли полагать, что большинство парижских налогоплательщиц, перечисленных в списке 1297 года, расценивали свой труд как обязанность, не приносящую им ни почета, ни свободы? Или же, особенно по прошествии времени, в конкретном и неоспоримом месте женщин в мире мастерских и лавок следует видеть некое проявление современности, порожденное большим городом? Ни из какого текста не узнать напрямую, что думали женщины-труженицы. Но те из них, кто держали рукодельню, распоряжались подмастерьями и пользовались уважением в своем цехе, могли на собственном опыте открыть для себя форму свободы, ради которой стоило трудиться. Во всяком случае, они сыграли свою роль в процветании Парижа, возможно, не столь большую, как мужчины, но неоспоримую.

Анализ рядового женского трудящегося населения, основанный на налоговых источниках 1297 года, относится к определенному периоду в истории столицы — периоду экономического роста, способствовавшего фактическому раскрепощению. В последующие два века ситуация изменилась. Начало XV века, эпоха кризисов и войн, было очень тяжелым временем, и множество семей из-за гражданской войны арманьяков и бургиньонов, а также в связи с иноземным нашествием были вынуждены бежать из города и могли рассчитывать лишь на родственников, оставшихся в Париже, чтобы спасти хотя бы часть своего достояния. Самым бедным было нечего спасать и уже нечего искать из-за экономического кризиса, поразившего столицу в 1420—1450-х годах.

Налоговые источники, опубликованные Жаном Фавье, который подробно комментирует списки 1421, 1423 и 1438 годов, позволяют уловить черты грубой реальности. Весьма показательны в этом плане списки дворов, освобожденных от налогов, поскольку их изначально обложили чересчур высокой пошлиной (они содержатся в реестре налогоплательщиков за 1421 год). Девять женщин из шестидесяти, фигурирующих в списке, освобождены от налогов, потому что это вдовы, оставшиеся без средств (пять случаев), одна

скончалась, не оставив ничего, одна слепая и еще одна, названная «барышней», понесла тяжелые финансовые убытки. Распределители налогов, которые не стали терять время и трудиться понапрасну, записывая бедняков или изгнанников, с которых нечего было взять, все же обложили пошлиной обедневших, приняв их за платежеспособных зажиточных людей. Такие ошибки показывают масштаб бедствий и разорения. В списке есть еще трое мужчин, которых освободили от налогов, поскольку они содержат семью. Но в этом перечне наряду с теми, у кого «ничего нет», кого нет на месте и с кого нельзя взыскать налог, поскольку «неизвестно, где их искать», есть и другие, которые не платят, потому что пользуются привилегиями, не учитывавшимися в первом списке: военные на действительной службе, люди, занимавшиеся сбором «займа», несколько парижан, которые платят налоги по месту жительства. Эти списки тоже создают образ женщин и показывают их роль в тот военный период. В числе парижан, платящих самые высокие налоги, есть несколько женщин, но в целом в этот период женщины-налогоплательщицы занимают более скромное место по сравнению с эпохой Филиппа Красивого, когда число женских дворов превышало 14 процентов. В перечне 1421 года указано 9,6 процента женских дворов, в списке 1423-го — 4,5 процента, а в реестре 1438-го — 5,8 процента. Такое сокращение трудно недооценить, оно выражает ослабление роли женщин в столичном обществе. Когда мир был восстановлен и дела вновь пошли на лад, похоже, что в процессе всеобщего движения за «восстановление порядка» во второй половине XV века женщины не вернули себе независимости, считавшейся излишней; наоборот, женский труд был принижен, смешан с проституцией, которая использовала его как прикрытия. Необходимо углубленное исследование, чтобы проверить, насколько обоснованно такое впечатление, однако источники уже не создают представления о том, что женский труд был распространен и почетен, как в конце XIII века.

Пример средневекового Парижа вписывается в общее правило: вне монастырей, которые могут при-

нять только небольшое число монахинь, поступивших туда по доброй воле или силком; женщинам уготован лишь семейный очаг. Они — оберегаемые дочери, супруги, матери. Семейный круг дает наибольшую защиту, возможности личного преуспеяния, но и, конечно, устанавливает ограничения. На этой основе создается более сложная история, чем можно было ожидать: история подчинения, строгость которого ослабевает или усиливается в зависимости от эпохи. Напрашивается вывод о том, что процветание и динамизм столицы связаны с возможностью раскрепощения женщин в большом городе.

*Избранные связи и необходимая взаимозависимость:
объединения и товарищества*

Работа, общественная деятельность и требования религии побуждали парижан объединяться, создавать свободные союзы, подбирать себе компаньонов, товарищей. Эти отношения переплетались с теми, что были связаны с общественным рангом и положением в семье. Ибо никто и не помышлял жить без друзей и родственников, одиночка был подозрителен и незащищен.

Таким образом, отношения между соседями создавали прочную сеть общественных связей, которые укреплялись родственными связями, о чем говорится и в налоговых документах.

В этих источниках прежде всего представлена норма: в мастерской, рукодельне, лавке вокруг мастера образуется группа учеников и подмастерьев. Эта небольшая община, размер которой меняется по ходу истории семьи и деятельности, осуществляемой мастером, обычно не вычленяется в отдельную единицу в таких источниках, как податные списки, ибо находится под властью хозяина дома, а в списках упоминают только его. Но когда в этих списках указаны объединения между родственниками или компаньонами, те же источники сообщают более точные сведения об этих союзах. В списке 1297 года тому есть примеры.

Под словом «товарищ» подразумевается компань-

он, как показано в списке «ломбардов» — итальянских финансистов и купцов, поселившихся в Париже. В записях имя часто сопровождается припиской «сотоварищи», или же двор обозначен как «товарищество такого-то». Уроженцы Пьяченцы, Венеции, Пизы и Генуи создали разнообразные коммерческие и банковские общества по всему Западу, не оставив без внимания такой важный центр, каким был Париж в конце XIII века.

Богатые парижские купцы объединялись уже давно; муниципальное образование Парижа — порождение ганзы речных торговцев. Торговые связи столицы с источниками снабжения и более широкие экономические отношения проходили через ассоциации, поскольку ярмарочные торговцы должны были объединяться с парижскими купцами, чтобы вести дела в Париже. Такие торговые или финансовые ассоциации принимали самые различные формы и постоянно поддерживались на протяжении всего Средневековья. Их изучение относится к сфере экономической истории, но некоторые аспекты касаются и повседневной жизни парижан.

В самом деле, ассоциации затрагивали не только богатых купцов, ведущих зарубежную торговлю, но и любую производственную и торговую деятельность в городе. Создаваемая на определенное время с правом продления этого срока, порой просто по устному договору, ассоциация позволяла увеличить капиталовложения, а следовательно, и прибыли. Она была формой взаимопомощи и солидарности, избранной самими ее членами, в отличие от семейной группы, которая ограничивала личную инициативу.

В списках 1297 года упомянуты сто пятьдесят шесть мелких ассоциаций, в три десятка из которых входят люди, не являющиеся родственниками. В шестнадцати записях говорится об объединении двух или более компаньонов, с которых взимался общий налог; несколько указаний на профессию (горшечник, оружейник, ювелир, ножовщик, бакалейщик, шорник, трактирщик, портной) показывают, что в любом ремесле допускался такой тип организации с разделением власти. Чаще

всего объединялись два человека (не считая, разумеется, членов обеих семей и наемных рабочих или учеников), но иногда это была более широкая группа, как в случае мэтра Гильома ле Мира, бакалейщика Жана де Круассана или Жирара Дессу-ле-Ре и Дурде Кошона. В эту категорию объединений можно включить записи, в которых говорится о слуге: например, Жак Фетрие и слуга его Жаке или пивовар Гильом дю Буа и слуга его Тома. Вот еще два уточнения, добавленные, чтобы лучше определить личность зарегистрированных налогоплательщиков: компаньоны Жефруа и Робен названы «англичанами», трактирщики Жан Сервуазье и товарищ его Жан тоже записаны «англичанами». Обнаружить в таких списках ремесло и происхождение человека можно редко, ибо групповые записи, как, впрочем, и все остальные, весьма лаконичны. Некоторые ограничиваются двумя именами, например Гильом Фламан и товарищ его Ламбер. Помечены группы, объединяющие мужчину и женщину: например, Абрам Жонглер и Жанна Алебран; Жанно Пан из «Яблока» (речь о вывеске на доме) вместе с Жанной, дочерью Девы (вероятно, женское прозвище); Пьер Лаллеман, трактирщик, и дама Жанна Маррельер; Пьер де ла Ферте, хирург, и Жанна Куафер. («Куафер» — «парикмахерша» — здесь можно считать прозвищем, ибо вполне вероятно объединение хирурга, то есть практикующего медика, перевязывающего раны, лечащего переломы и ушибы — эту профессию врачи из университета уподобляют ремеслу цирюльника, — и сиделки или знахарки.) Наконец, могут объединиться две женщины, как Эмелин Агас и товарка ее Мари или Мартина Бегинка и товарка ее Жанна.

Примеры, почерпнутые из налоговых источников 1297 года, говорят о возможности небольших объединений между людьми одного ремесла; пройдясь по источникам такого типа, но относящимся к другой эпохе, мы получим иной спектр ремесел. Важно отметить, что такие объединения по выбору составляют жалкое меньшинство по сравнению с семейными центрами под властью одного главы. Глава порой женского пола, но групп, управляемых женщиной, всё еще

мало. Подавляющее большинство «дворов» — семейные и находятся под мужским единовластием.

Организация городской экономической деятельности в ремесленных цехах, признанных городскими и королевской властями, являет собой прекрасный пример создания взаимопомощи между людьми вне семейного круга. При обычных обстоятельствах цех обеспечивает своим членам защиту и хорошие условия жизни. Порой устав выходит за рамки негласной солидарности и регистрирует частные формы помощи, которую гарантирует цех. В книге Этьена Буало есть тому доказательства.

Важно различать, когда это возможно, цеховую общину и цеховое товарищество, потому что первая объединяет только тех людей, кто непосредственно участвует в деятельности (мастеров, слуг, учеников — как мужчин, так и женщин), тогда как второе объединяет всех, кто проживает вместе с членами этого цеха: жен, когда они не работают вместе с мастером, детей и всю домашнюю прислугу. Солидарность в объединении людей одного ремесла можно оценить по ее действию. Солидарность в товариществе ясно выражена: помогать тем своим членам, которые попали в беду и нуждаются в помощи. Около 1268 года ремесленные товарищества не всегда отличались от общины, о чем свидетельствуют уставы.

Совокупность конкретных ссылок на предусмотренное оказание помощи показывает, что два десятка зарегистрированных цехов из ста одного особо позаботились об организованной коллективной взаимопомощи. Однако из этого не следует заключать, что остальных это не волновало, просто на тот момент они не сочли необходимым записывать уточнения о благотворительной деятельности в отношении нуждающихся членов цеха.

Восемнадцать цехов ссылаются на товарищество, используя это слово или, как каменщики, указывая часовню Святого Блэза, своего покровителя, — приют товарищества; два цеха (латунщики и пряжечники) приводят такие же уточнения, но не используют это слово. В уставах товарищество предстает исключительно как

касса взаимопомощи, которую следует пополнять. Для обеспечения доходов некоторые цехи требуют, чтобы ученики, вступающие в корпорацию, платили своего рода вступительный взнос. Другие используют штрафы за нарушения цеховых правил, выделяя часть из этих денег на внутрикорпоративную благотворительность. Оба типа доходов могут пополнять «кубышки», как в письменных источниках называются кружки и шкапулки, в которых хранятся общие деньги.

Так, обработчики хрусталя устанавливают вступительный взнос в размере десяти су (пять выплачивает ученик и пять — мастер), изготовители фетровых шляп требуют десять су без всяких уточнений, но портные довольствуются четырьмя су. В уставах уточняется, что ученик не может приступать к учению, не уплатив оговоренную сумму, и некоторые, например шорники, уточняют, что забывчивые мастер и ученик будут оштрафованы. Другие говорят, что ученик, затягивающий срок службы, чтобы не платить за обучение, должен тем не менее выплачивать взнос; изготовители грифельных досок требуют два денье вместо двух су, пуговичники уточняют, что нанятые ученики, платят за них или нет, должны товариществу пять су, которые уплатят сами или за них выплатит мастер, под страхом штрафа в десять су, который добавится к пяти су обязательного вступительного взноса.

Другим способом пополнить «кубышку» было пересыпать в нее часть штрафов, которыми присяжные облагали нарушителей. Резчики отчисляли со штрафов по пять су, булавочники и перчаточники — по два су. Последние объясняли, что эти два су идут «на поддержку бедняков из их товарищества»; портные поступали также и объявляли в одной из статей своего устава, что подмастерье, допустивший промах в работе, должен отработать один день, выручка от которого поступит мастерам-старшинам цеха «на поддержку бедняков». Бедняков порой называли конкретно: сироты, чей отец принадлежал к цеху; ученики, которых обедневший мастер не может держать при себе; и, как уточняют повара, старые мастера или подручные, которые уже не в силах работать.

Следует ли заключить, исходя из уставов, настаивающих на выплате взносов, что одним цехам было труднее, чем другим, наладить взаимопомощь и сборы «на черный день»? Или что в одних цехах было больше бедных мастеров, стариков или сирот, или же им было труднее пополнять кассу взаимопомощи? Ясно одно: не все цехи придавали большое значение этим вопросам.

Некоторые проявляют заботу не только о братьях по ремеслу и их семьях. Богатый цех ювелиров поясняет, что в праздничные дни и по воскресеньям лавки закрыты за исключением одной. Прибыль от воскресных дней перечисляется в «кубышку» товарищества. На Пасху эти деньги передаются в Отель-Дьё, чтобы устроить обед для бедных, находящихся в этом богоугодном заведении. Среди ремесел, относящихся к пищевому сектору, рыбаки, торгующие речной рыбой, записали в уставе, что рыба, конфискованная за несоблюдение условий торговли, передается бедным в Отель-Дьё или узникам в Шатле. Это классическая форма благотворительности: помогать бедным, больным и заключенным. Известно, что в тюрьме, где находились обвиняемые в ожидании суда, узников не кормили и заставляли платить за содержание. Заключенных, не имевших поддержки со стороны родных или друзей, содержали на благотворительные пожертвования, и все христиане должны были вносить посильную лепту.

На протяжении этого периода создавались товарищества и других типов. В Средние века их было много, и историки уже давно подчеркивали пользу таких ассоциаций: в XIX веке их рассматривали как предшественников профсоюзов, защищающих своих членов и оказывающих им помощь.

В Средние века объединения, не находившиеся под контролем властей, легко вызывали подозрения, и историки подчеркивали их политические и социальные аспекты, тревожившие власти. Опасность заключалась в том, что они объединяли клириков и мирян, мужчин и женщин всех сословий, и такое смешение грозило нарушением существующих порядков. Поэтому товарищества были запрещены после волнений в столице в XIV веке, потом восстановлены, но под над-

зором представителя парижского прево. В наше время историки делают акцент на религиозном аспекте таких обществ. Братства, почитающие какого-нибудь святого, Пресвятую Деву, Христа; товарищества милосердия и взаимопомощи, основавшие и содержавшие странноприимные дома; братства кающихся, примером которых служат южные флагелланты, — такие товарищества были проникнуты благочестием и заботой о спасении души: здесь важна не столько материальная поддержка в земном мире, сколько помощь при переходе в мир иной, и братья своими молитвами, организацией похорон внушали людям, отрезанным от семейных и сельских корней при переселении в город, чувство уверенности в том, что их окружает и поддерживает чуткая община.

Париж не стал исключением, и в столице помимо цеховых товариществ начали развиваться многочисленные братства. Объединение обеспечивало помощь и взаимовыручку в материальном и духовном плане. Церковные службы и крестные ходы на праздник святого покровителя, в которых участвовала вся община, напоминают о главенстве религиозных требований. Ежегодное пиршество, на котором совместно вкушали обильную пищу и пили вино, приносило более светскую поддержку и укрепляло связи внутри общины. Материальная поддержка сирот, пожилых или больных подмастерьев была выражением солидарности в брэнном мире. Похороны, церемония которых была тщательно расписана в уставах, обеспечивали покойному молитвы и помощь всех его коллег в горнем мире.

Другие сообщества возникали прежде всего как светские учреждения; принадлежать к тому или иному из них значило занимать определенное место в свете. Когда к ним принадлежали государь или члены его семьи, ясно, что это счастье распространялось на всю общину. Уставы таких сообществ предусматривали чаще всего, помимо вступительного взноса, шефство над одним или несколькими собратьями, что придавало кооптации в них определенную избирательность. Зато братства флагеллантов не имели успеха в Париже:

как и высшие церковные власти, руководство столицы остерегалось чрезмерного покаяния, на котором был основан успех этих итальянских братств. Но благотворительные общества, основывавшие и содержавшие больницы, были могущественны и активно действовали в столице: помогали бедным, принимали паломников и странников, хоронили мертвецов, найденных на улице. В подобные объединения входили богатые буржуа, дворяне и самые неприметные люди. Такие связи накладывали отпечаток на их повседневную жизнь.

Глава девятая
Образ жизни

Юридические рамки, задаваемые уставами, конфликты и правонарушения всякого рода, заставляющие жителей столицы предстать перед судом Шатле, перед парламентом или попросту перед судом сеньора, сообщают сведения об истории парижан, но плохо освещают течение их повседневной жизни, оставляя в глубокой тени большую часть населения. Однако такие документы содержали ссылки на мелкие подробности, объединяя и сопоставляя которые, можно несколько восполнить пробелы.

Так, семейная жизнь мало представлена в источниках, поскольку считается обыденным делом, а потому не заслуживает внимания хронистов и составителей документов, или же чересчур личным, чтобы излагать ее на бумаге. Разумеется, такой перекос в информации мешает исследованию, скрывая глубинные перемены в повседневной жизни семейного круга. В конце Средневековья силы, сплачивавшие объединения людей, наверняка ослабли. Потрясения, связанные с войнами и кризисами, заставили принять то, что уже частично осуществилось на практике: предоставить место личностям и их инициативе. Нужно уточнить еще много моментов, чтобы представить различные образы жизни, их преемственность и изменения. Чувствуется, что манера жить, работать и отдыхать, выполнять религиозный долг и свои

общественные обязанности, — все эти грани повседневной жизни частично от нас ускользают за неимением достаточного количества прямых свидетельств.

Этот подход можно дополнить взглядом под иным углом зрения, освещающим роль религии в повседневной жизни, иначе рассмотреть связи между частным и общественным, чтобы понять, как сочетались или противоречили друг другу социальные требования и необходимые изменения: как сохранить иерархию, установленную Богом, как узнать, каково твое место в этом мире, чтобы не лишиться себя шансов на спасение, но и как принять перемены, связанные с бедами и испытаниями, ниспосланными Богом грешным людям? Еще не идет речи о том, чтобы собрать все это воедино, однако объединить некоторые подтвержденные документами части все же можно. Отношения между частным и внутренним, с одной стороны, и внешним, чуждым или общественным, с другой — полезный инструмент, чтобы хоть частично изучить эти реалии.

В повседневной жизни перемешаны все аспекты, различаемые историей, вот почему обычное и привычное порой проникает в архивы, расцветивает образы, рассказы, посвященные совсем другому. Чтобы упорядочить наше исследование, мы начнем с материальной основы — дома, попытаемся понять, как в нем жили, как работали, и таким образом выделить область отношений с внешним миром и частной средой. Движимое имущество, инструменты и утварь также сообщают сведения о материальных аспектах быта.

Затем мы обратимся к повседневным заботам и нуждам большинства жителей: питание, одежда, развлечения. По ходу сделаем акцент на поведении, жестах, вкусах и верованиях, привносящих краски в привычный мир парижан и парижанок.

Частное, личное и общинное

Определив рамки, очерчивающие область частного и область взаимоотношений с другими людьми, мы зададим направление для размышлений.

Граница между религиозным миром и миром светским строго соблюдается, поскольку того требует Церковь. В столице общинный мир обители, монастыря (мужского или женского) достаточно хорошо известен, но он интересует лишь очень небольшую часть населения. Мы уже знаем, что парижские религиозные учреждения не слишком отличались от прочих монастырей, разве что были более многочисленны и в них проживали более крупные общины. Их образ жизни строго регламентирован и не допускает никакой парижской специфики, напротив, основывается на подчинении долгу, на общей и контролируемой ответственности. Тем не менее наличие в столице университета послужило толчком к основанию благотворительных учреждений для студентов, и коллежи взяли за образец общие нормы совместного проживания в обители или монастыре.

Миряне знали о таком образе жизни, они могли восхищаться им или критиковать его, но знали, что эти правила жизни — не для них. Поскольку миряне составляли основную массу населения, то именно они, изменяя или приспособив свой способ существования, произвели в нем важные перемены. В результате личность получила относительную свободу, ее запросы обрели большую силу (такие явления часто отмечались в истории конца Средневековья). Миряне стремились к религиозной жизни, менее подчиненной духовенству; индивидуумы в светском мире требовали для себя большей независимости, поскольку очень часто обстоятельства вынуждали их выпутываться из сложных ситуаций самостоятельно и начинать жизнь с нуля. Такие проблемы возникали не только в Париже, но огромный город конечно же чаще рождал их. Вот почему мы рассмотрим лишь образ жизни мирян, ведь светская жизнь — главный удел бременного мира.

В первую очередь важна материальная обстановка. Изучение домов, в которых живут семьи, задаст первые характеристики, которые, однако, надлежит тщательно исследовать, поскольку архивы предоставляют интересные и точные сведения.

Диапазон жилищного фонда столицы чрезвычайно широк.

Внутреннее убранство королевских и княжеских резиденций, жизнь двора, ближний круг, жизнь чиновников и королевских слуг недоступна и неизвестна большинству парижан. В XV веке, когда государь уже больше не проживал в своей столице, двор и мир большой политики почти совсем исчез с привычного горизонта жителей покинутого мегаполиса. Однако богатство и роскошь королевского двора наложили глубокий отпечаток на жизнь в Париже. Ибо король и его окружение не замыкались в особом мире, не показывали связи с городом и его населением. Для этой богатой и расточительной (положение обязывает) клиентуры трудилась целая армия ремесленников и художников. Это обстоятельство в значительной степени обусловило художественное значение Парижа, и ореол высокого искусства ярко освещал и сам город, и горожан. Количество и качество парижских ремесел — связанная с этим черта, сохранявшаяся еще долго по прошествии Средних веков. Накопленные знания и навыки, технический прогресс (в частности, в области строительства и оборудования домов) приживались здесь раньше и распространялись лучше. Все это придавало столице лучшее, чем в других городах, качество жизни, что вызывало у парижан законную гордость, как говорится в литературных источниках XIV века, или тщеславие, как скажут некоторые авторы эпохи Возрождения — например Рабле.

Королевские дворцы — Лувр Карла V, дворец Сен-Поль Карла VI, дворцы герцогов Бурбонов, Бургундских, Беррийских, парижские резиденции церковных иерархов выделялись на общем фоне и являли собой пример, более или менее доступный для подражания. Особняк нотабля, дом богатого буржуа или зажиточного мастера — упрощенные вариации на тему какой-нибудь из этих роскошных резиденций. Начиная с самого скромного жилища, дома начи-

нают расширяться по мере того, как семья поднимается по социальной лестнице, затем становятся разнообразнее, как только семья достигает достаточного уровня богатства, чтобы подражать идеальному образцу.

Первый знак социального преуспевания состоял в увеличении дома, вокруг которого возникали новые постройки, дворы и даже сад. Повествовательные тексты и литературные источники, зачастую скупые на подробности, характеризуют богатый дом попросту его величиной. Роскошный дворец герцогов де Бурбонов поглотил три десятка домов, красивые особняки вырастали на месте нескольких обычных построек. Частная и личная жизнь начинала расцветать, как только исчезала необходимость тесниться.

Но роскошные резиденции отличались от обыкновенных строений и качеством строительных материалов. Черепица и шифер для кровли, мрамор и резной камень для фасада и несущих конструкций, витражи в окнах, дорогая древесина для обшивки стен, а также плиты для мощения полов — отличительные особенности богатой резиденции. На иллюстрациях к манускриптам, посвящены ли они священной истории, жизни государей или литературному рассказу, зачастую имеются точные изображения таких элементов роскоши в строительстве. Изобилие и богатство мебели внутри особняка является дополнительным «подтверждением» высокого социального ранга и знатности семьи, проживающей в доме.

В большом, хорошо выстроенном и украшенном доме было достаточно комнат, чтобы закрепить за некоторыми из них одну основную функцию. В королевских и княжеских резиденциях были парадные залы и спальни — просторные помещения, в которых государь предстал во всем своем великолелии, где проходили официальные приемы, церемонии бракосочетания, рождения или похорон. Парижские замки имели мало собственно военных черт (защитные стены, башни и прочие оборонительные сооружения), лишь дворец Иоанна Бесстрашного был сильно укреплен, а особняки буржуа обладали только некоторыми защит-

ными элементами, как, например, особняк Жака Дюси. Но дворец герцога де Бурбона, примыкавший к Лувру, был, кажется, снабжен лишь крепкими воротами, которые запирали на ночь и постоянно охраняли. В таких резиденциях имелись галереи, предназначенные для игры в мяч, оружейные, бани — все те элементы роскоши, которые предоставлялись жителям мегаполиса за деньги, но знатные особы имели их в своем постоянном распоряжении.

Дома нотаблей, богатых буржуа или ближних слуг монархии воспроизводили собой в более скромном варианте просторные княжеские дворцы. В этих домах тоже было большое количество комнат, причем некоторые имели свое особое назначение.

Не достигая уровня комфорта и красоты дворцов или богатых особняков, обычные дома, даже самые примитивные, подтверждали и обеспечивали социальный статус тех, кто ими владел и в них жил. Цеховые уставы требовали от мастеров обладать домом, чтобы иметь возможность принимать учеников, быть «домохозяином», иметь место жительства, где их можно было бы найти, как говорится в уставе рыбаков. Разумеется, в таких скромных жилищах зачастую было трудно выделить помещение для одного-единственного назначения или для одного человека. И чем ниже ступень социальной лестницы, тем меньше площадь дома, а следовательно, и реальные возможности оградить частную жизнь и личное пространство.

Но даже когда жилье сводилось к одной комнате, будь только крыша над головой и запертая дверь, отгораживающая от внешнего мира, семья могла иметь свою частную жизнь, а вместе с ней — признанный социальный статус. Замки, ставни, засовы — все это использовалось для запираания дверей и окон, исходя из главной заботы — безопасности. В уставе каменщиков запрещается работа по ночам, разве что нужно закончить проем для двери или окна, выходящего на улицу. Замкнутое пространство становится частным, и, без сомнения, забота о надежных запорах, о которой говорится в текстах, подкрепляется заботой о том, чтобы гарантировать себе свой угол. Взгляд на частную

и личную жизнь сквозь материальные рамки жилья приводит к выводу, справедливому не только для средневековой эпохи: такой жизни были лишены все, чьи доходы не позволяли снять или купить место для проживания в Париже.

*Замкнутое и открытое пространство:
частное и общественное*

Жилище может сообщить сведения о том, как жили его обитатели, но для этого нужно его подробное описание. Однако в архивных документах редко описываются обычные дома, детали их планировки и использования. Нужно искать малейшие разрозненные указания, которые зачастую подтверждают, что наши представления были верны, но в то же время ставят еще более неожиданные вопросы.

В первую очередь удивительна лаконичность документов, связанных с недвижимостью, тогда как в них ожидаешь найти подробное описание продаваемого дома. Почти никогда не приводятся размеры: к слову «дом» порой добавляется лишь прилагательное «большой» или «маленький». О внутренней планировке речи почти не идет, разве что замечание о каминах, отхожем месте, порой указание на количество построек, но никогда — на количество комнат. В XV веке за словом «дом» следует перечисление строений, дворов, сада, конюшни, колодца. Такие документы грешат краткостью и неточностью.

Другие источники не столь скупы на подробности: это сметы на ремонт и восстановление домов в конце Средневековья, описи имущества после смерти, в которые заносят движимое имущество, обнаруженное в разных комнатах дома, и их примерную стоимость, а кроме того — всяческие уточнения, которые при случае можно найти в любом документе. На этой основе можно воссоздать несколько общих черт и проследить эволюцию жилья от XIII до XV века.

Совокупность построек, дворов и садов обозначается словом «дом», под ним же подразумевается группа

проживающих в нем жильцов. Будь это обычный дом или особняк богатого буржуа, внутренняя планировка основана на связи между внешним — чужим и внутренним — личным. Чем больше дом, тем лучше организовано распределение между этими двумя жизненными полюсами. Обычай выделять одну комнату для конкретной цели переходит и в простые жилища. Эта медленная эволюция в образе жизни парижан находит отражение в лексиконе: в нем выделяется группа терминов, относящихся к интерьеру.

Две комнаты обеспечивают связь между внешним и внутренним миром дома: рукодельня ремесленника и большая комната, которую в текстах называют залой.

Рукодельня — пространство для труда, это помещение обязательно имеет выход на улицу, как объясняют изготовители медных пряжек в той статье устава, где уточняется, что следует «работать на улице, у открытого окна или у полуоткрытой двери». Само это помещение подробно не описано, но можно предположить, что большинство ремесленников использовали рукодельню как жилую комнату — по вечерам, когда окно закрыто, а дверь заперта.

Зала служила местом встреч и общения между теми, кто живет в доме, и посторонними людьми: ближайшими соседями, братьями по ремеслу, друзьями, родственниками, посетителями и всеми, кто как-либо связан с домочадцами. Автор «Парижской домохозяйки» объясняет в своих наставлениях молодой жене: с самого утра хозяйка дома должна позаботиться об уборке залы — велеть ее вымести, вымыть пол, перетряхнуть подушки, коврики и подушечки на стульях, чтобы выбить из них пыль. Эти комнаты приводили в порядок в первую очередь, поскольку там принимали посторонних, они должны были быть готовы с самого утра, то есть сверкать чистотой и поддерживать доброе имя хозяина дома и его семьи. После выполнения этой работы прислуга могла заняться уборкой других помещений, где гостей не принимали.

В зале стояла самая красивая мебель и самая красивая бронзовая или серебряная посуда. Кувшины, чаши, кубки и прочие сосуды, блюда и горшки выставлены на

полках сервантов (такой предмет мебели порой упоминается в описях). Эти изящные и ценные предметы украшают залу и отражают социальный статус семьи. Основная мебель состоит из различных стульев, скамей со спинками и без, сидеть на которых удобно благодаря подушкам. Яркие ковры со всевозможными узорами призваны подчеркнуть красоту залы и произвести впечатление на гостей. Столы, упоминаемые в описях, — на самом деле столешницы, которые ставят на козлы и накрывают перед принятием пищи. Когда стол больше не нужен, его разбирают и прячут, освобождая комнату. Из другой мебели в зале находятся сундуки с богатой отделкой и красивыми замками. Эти сундуки при случае используют в качестве сидений. Почти всю такую мебель легко можно переставлять в зависимости от потребностей момента. В этой утонченной комнате собраны предметы роскоши и удобства, которые определяют красивое жилище: разноцветные стекла в окнах, плиточный пол, стены, обшитые деревянными панелями или затянутые коврами. Летом по полу разбрасывали свежескошенную траву и цветы. Освещали комнату свечами в подсвечниках и канделябрах — роскошь праздничных и приемных дней. Красивые и дорогие вещи находились в особняках сильных мира сего, а прочие парижане располагали ими лишь по мере своих доходов и социального положения.

В зале также был камин: он греет, освещает, успокаивает, а потому собирает вокруг себя домочадцев, принимают ли они гостей или просто остаются в семейном кругу. Во многих парижских жилищах имелся такой современный способ отопления, и наверняка в процентном соотношении в Париже было больше каминов, чем в других городах. Камин у стены с очагом и трубой для отвода дыма стоил дорого и его следовало устанавливать уже во время строительства. Но если он был, то означал благосостояние и роскошь*. Автор «Домохозяйки» ссылается на этот островок ком-

---

* В то время жилища еще зачастую отапливались посредством рудиментарного очага, дым от которого уходил через дверь или отверстие в крыше. В городе, в том числе и в Париже, воздух в домах простых людей подогревался попросту жаровой или грелкой.

форта в доме, когда пишет о настоящем «колдовстве», которым жена привораживает мужа. Чтобы удержать супруга, молодая жена должна стараться сделать свой дом как можно уютнее, и автор приводит пословицу — деревенскую, как он говорит: «Три вещи гонят мужчину вон из дома: худая кровля, дымящий камин и сварливая жена». Позднее он возвращается к чарам жены, которая умеет принять мужа, вернувшегося домой после работы: она устраивает его подле очага, чтобы он переменял намокшую одежду на сухую и чистую, а когда он согрется и отдохнет, она приголубит его в постели. Слова о том, как удержать мужа, стараясь поддерживать уют в доме, не содержит ничего удивительного для современного читателя, зато ссылка на колдовство напоминает о том, что в XV веке, в том числе и в Париже, страх перед наведением порчи, «дурным глазом» и прочими угрозами такого рода был присущ многим. Сам автор «Домохозяйки» как будто в это не верит и, рассуждая о том, что искренней любви и постоянной заботы об исполнении обязанностей супруги достаточно, чтобы удержать мужа, выражает ироническое недоверие по отношению к предрассудкам, от которых он избавился благодаря своей образованности иращению в среде нотаблей*.

Все другие помещения в доме чаще всего обозначались просто словом «комната» — термин, не сообщающий о конкретном предназначении, но указывающий на то, что речь о помещении, отведенном для семьи, куда обычно не проникают посторонние. Такие комнаты относились к частной жизни. Купец мог установить там шкафы и сундуки и хранить в них свои бумаги и счетные книги, мог принимать там клиентов или деловых партнеров. Профессор или нотариус мог держать свои книги и записи в комнате, где стояли письменный стол и конторка, в ней он работал, а

---

* Его здравомыслие можно сопоставить с трезвыми суждениями парижского каноника, автора «Дневника парижского мещанина», который потешается над простонародьем и его верой в предсказания цыган. Епископ Парижский не был столь снисходителен: он произнес большую публичную проповедь, отлучил от церкви тех, кто обращался к хиромантам, и приказал отправить цыган в Понтуаз, в покаянное паломничество.

на ночь запирали ее. В конце XV века в более подробных документах такие помещения называют конторами, но есть все основания предположить, что они существовали и в предыдущие века.

В Средние века в любой комнате могла стоять одна или несколько кроватей; днем комнаты служили апартаментами для членов семьи, которые не имели дел с посторонними, — женщин, детей и женской прислуги. Похоже, что «женская половина» составляла центр частного и личного пространства, но, за исключением литературных повествований, не все из которых касаются Парижа, очень мало текстов сообщают об интерьере дома и о том, как там жили. В описях говорится о спальнях, но в таком случае речь идет о кровати, балдахине, пологе и покрывале — такой предмет мебели мог закрываться и образовывать частное пространство в центре частной комнаты. Удобство и красота кровати представляют собой одно из плотских наслаждений, которые бичуют моралисты, и роскошь бытия, воспеваемую поэтами и литераторами.

В документах порой называется кухня, расположенная в основном здании или в пристройке, выходящей во двор и находящейся рядом с колодцем: это пространство предназначено для приготовления пищи. Пол в этом помещении плиточный и слегка наклонный для стока жидких отходов в «слив» — желоб, выходящий во двор или на улицу; постоянное оборудование кухни дополнено очагом, снабженным крюками для котлов, треножниками, котелками и прочей утварью, перечисляемой в описях, поскольку любые предметы из железа, даже бывшие в употреблении, обладают рыночной стоимостью в отличие от глиняной посуды или деревянных предметов, которые в описях не упоминаются. Такие минимальные удобства — очаг, водоснабжение, вывод отходов — оставались признаком бесспорного достатка, так как во многих жилищах кухни не было, лишь очаг, используемый для разных целей, а то и простая жаровня.

Колодец, сад, двор (мощеный или немощеный), служебные пристройки, различные чуланы — для дров, инструментов, сараи с сеном или зерном, стойла для

вьючных животных характеризуют зажиточный дом. Разумеется, можно представить большое разнообразие домов, включающих тот или иной элемент богатства и комфорта идеального городского особняка. Дифференциация комнат, их убранства, наличие уборной, которую в текстах называют отхожим местом, — все это встречается в домах зажиточных буржуа, крупных торговцев или обеспеченных клерков. Упоминания названий комнат и некоторые подробности, сообщаемые в документах по случаю раздела или ремонта, свидетельствуют о том, что элементы комфорта и более специализированное использование внутренних помещений получили широкое распространение.

Зато в описях ничего не сказано о том, как жили в таких комнатах, никогда не приводится количество людей, живших в доме. Подобные аспекты выходят на свет, когда в какой-нибудь адвокатской речи, исповеди, прошении о помиловании повествуется о событии, случившемся в доме. На многие вопросы, даже самые заурядные, в таких документах ответа не найти, например: в супружеской постели спали два человека, а остальные члены семьи — дети, родственники, а также вдовы и пожилые вдовцы, прислуга — спали каждый в своей постели, но как именно: по несколько человек в одной комнате или вместе на общем ложе? Обычным ли делом было делить с кем-то свою постель? Было ли в спальнях помещения, рядом с красивой кроватью и спальней, например, ложе для служанки или лакея, даже ночью находившимися на службе? Так было заведено у знатных особ. Личное и частное не смешивались; пространство, закрытое для посторонних, разделяли с другими домочадцами.

Конкретный пример образа жизни, наверное, подходящий для домов богатых купцов, был отмечен, поскольку фигурировал в расследовании преступления. Речь идет о свидетельских показаниях по поводу кражи, совершенной в 1339 году ломбардом по имени Гимаш, слугой парижского бакалейщика, которому он служил три года, а потом украл у него мешок с большой суммой денег. Гимаш отнес этот мешок к другому ломбарду по имени Боннель Фей, проживавшему в монастыре

Сен-Мерри, потому что хорошо его знал. Сохранившиеся документы не касаются обстоятельств, приведших к обвинению вороватого слуги, следствие пыталось установить, знали ли Боннель Фей и его люди, что деньги краденые.

Рассказ о краже приводит нас в дом бакалейщика по имени Гаспар де Монтрей. Гимаш объяснил, что он спал в одной комнате с другим слугой, но у каждого была своя кровать. В полночь Гимаш вышел, не разбудив своего товарища, вооружился железным шпательом, служившим для приготовления варений, и взломал замок на двери в комнату своего хозяина. Однако хозяин спал не там, что, кстати, и сделало возможной кражу. Комната наверняка служила кабинетом, но там была кровать. Рядом с этой кроватью стояли два закрытых сундука, которые Гимаш тоже взломал, взял деньги и сложил их в большой мешок. Прежде чем уйти, он устроил небольшую инсценировку: сорвал с кровати простыни и свесил в окно, выходящее на улицу, а покидая комнату, сумел заблокировать дверь. Он вернулся к себе и лег, все так же не разбудив товарища, а утром вместе со всеми поражался краже. Он спрятал мешок в соломе своего тюфяка, но из осторожности решил побыстрее перенести его в другое место. Ему удалось выйти из дома со своей добычей, не вызвав подозрений, и он отправился в монастырь Сен-Мерри, в дом Боннеля Фей. Ему открыл слуга, кстати, племянник хозяина дома, и сообщил, что последний в своей комнате на втором этаже. Гимаш громко позвал, и хозяин спустился. Узнав гостя, Боннель Фей приказал своему слуге-племяннику Жану сходить на кухню. Тот вернулся, когда Гимаш уже ушел, а хозяин велел ему убрать мешок в сундук рядом с конторкой, что Жан и сделал. Жана отправили в тюрьму, и он показал, что видел мешок, в точности его описал, но заявил, что не знал о его содержимом. Его освободили. Этот случай подтверждает некоторые наши представления о том, как протекала жизнь в доме бакалейщика или торговца.

Запоры на сундуках и шкафах, на дверях комнат и на входной двери свидетельствуют о потребности в безопасности, особенно по ночам, когда темнота пробуж-

дает в злоумышленниках отвагу. Автор «Домохозяйки» пишет, что проверять, хорошо ли заперты окна и двери, следует экономке, которая командует прислугой. Безопасность по отношению к внешнему миру и четко очерченные рамки частного мира семьи идут рядом: часть дома скрыта от глаз и любопытства соседей.

На самом деле это отнюдь не означает, что в частной обстановке возможны индивидуальное одиночество и форма свободы, допускаемая возможностью уединиться. Во всех документах отражены недоверие к одинокому человеку без родственников и друзей, подозрение, подрывающее уважение к человеку без явных семейных уз или крепких общественных связей. Даже благочестие и молитва ценятся больше, если они происходят на виду, в церкви или часовне. Религиозный долг, исполняемый частным образом, требует присутствия при доме клириков, а также специального помещения для молитв. Без сомнения, такая роскошь доступна лишь очень знатным людям, имеющим в своих дворцах молельни и капелланов. Простые миряне могут уделить место в своем доме для личного или частного благочестия, но такое усердие не всегда приветствовалось Церковью. Та не доверяла чересчур ревностным святошам, которые могли позабыть о необходимой роли посредника в спасении души, которая принадлежит духовенству. Образ жизни в конце Средневековья был отмечен такого рода религиозным раскрепощением, но в документах о нем следов не осталось.

Обычно материальная составляющая дает нам ценные, но ограниченные сведения: обозначает возможности, но не говорит, каким образом они использовались. Другие источники тоже поднимают вопросы быта и организации повседневной жизни большинства обитателей средневековой столицы.

Повседневная жизнь в ее заурядности

Лучше всего рассмотреть уровень жизни зажиточных ремесленников, высокопоставленных буржуа, которым не угнаться за вельможами, но далеко и до

нищеты и обездоленности бедняков или бродяг, у которых «ни кола ни двора», упоминающихся в судебных документах. Честный «средний класс» представляет собой живые силы столицы — хорошо устроившихся парижан, способствующих процветанию города, заботясь о своем собственном благополучии. Но в отсутствие другой информации та, что касается сильных мира сего, может привнести некоторые штрихи, общие для всех горожан.

Пропитание

Нужно вернуться к «Парижской домохозяйке», ибо эта книга сообщает нам массу конкретной информации по данной теме, и ни одно другое произведение с ней в этом не сравнится. В самом деле, в ней собраны всякого рода практические советы, в частности кулинарные рецепты с вариантами для постных дней, сопровождаемые образцами меню для более или менее важных приемов. Все это одновременно носит общий характер (рецепты и советы применимы и в других городах, и в другой среде) и вписывается в свой контекст — в обстановку дома честного парижского нотабля конца XIV века.

Средневековые рецепты долго пребывали в забвении, их воспринимали как диковинку, считая чересчур расплывчатыми (никаких точных количественных указаний) и неприменимыми на практике за неимением многих перечисленных ингредиентов (некоторые из них, кстати, невозможно с точностью идентифицировать), — короче говоря, лишенными исторического интереса. Сегодня их изучают наряду со всем, что касается пищи, — это поле исследования проливает свет на все общество. В Средние века еда занимала крайне важное место в поддержании здоровья и в оказании помощи больным, поэтому кулинарные рецепты часто включали в книги по медицине.

В данном конкретном случае речь не об интересе, который представляют собой рецепты сами по себе, а об их значении, чтобы судить о питании и кухне нотаб-

лей. В самом деле, приведенные в книге меню — с княжеского стола. Автор «Домохозяйки» — магистрат, входящий в круг людей герцога Бургундского. Он передает секреты кухни высшей элиты, собранные им рецепты, даже дорогостоящие, служат не только для того, чтобы вкусно накормить, но и чтобы пустить пыль в глаза; люди более скромного положения могут воспользоваться ими ради одного-единственного исключительного пиршества. Автор дает пояснения, оправдывая свой выбор: так, он не вдается в подробности приготовления фаршированных цыплят, потому что это блюдо готовится очень долго, это «рецепт не для повара мещанина или даже простого рыцаря». Длительная готовка, целью которой является «удивить», превратив в роскошный фарш мясо обыкновенного цыпленка, может порадовать только очень знатных особ, пресыщенных гурманов. Поэтому автор избегает подробностей. В целом такая кухня для богатых людей названа парижской.

Столица обладает космополитичными чертами, проявляющимися в разнообразии иностранных рецептов, в частности английских, немецких, фламандских, но также региональных, пришедших из Лангедока или Монпелье. Конечно же речь идет о городах, регионах и странах, где автор — юрист или магистрат, исполняющий должность, связанную с военным делом, — смог побывать при исполнении обязанностей. (Я не считаю рецептов на английский, немецкий или савойский манер, не связанных с личными впечатлениями и контактами, — таких было много в любой кулинарной книге.) Он сумел также подметить различия во вкусах и застольных манерах, которые он приводит, чтобы обогатить практические познания своей молодой супруги, ведь ей придется часто принимать иностранцев. Например, немцы укоряют французов за то, что у них карпы недостаточно прожарены, что они считают вредным для здоровья; если им приходится есть вместе с французами карпов, приготовленных французским поваром, они отдают свою рыбу дополнительно прожарить, тогда как французы, наоборот, наслаждаются недожаренной. В главе, посвященной жаркому, автор уточняет,

что в Безье продают два вида голубей-витютней, и те, что побольше, — вкуснее, потому что питаются желудями. Читая книгу, понимаешь, что автор знает, о чем говорит: он вел беседы с поварами, возможно, с гостями на пирах, куда был приглашен, и теперь передает все эти сведения своей молодой жене.

В рецептах упоминается большое количество местных или экзотических продуктов, в том числе широкое разнообразие специй и пряностей, составляющих одну из отличительных черт средневековой кухни. Париж мог удовлетворить такие запросы, его купцы были способны запастись товаром на всем Западе. Так что самые экзотические требования самых высокопоставленных гостей не остались бы неудовлетворенными.

Автор «Домохозяйки» перемежает названия блюд, составляющих меню, с замечаниями по поводу продовольственных запасов, обязанностей слуг и порядка организации трапезы. Достаточно одного примера. Речь идет о пире в честь епископа Парижского Эймери де Меньяка (епископ с 1374 по 1385 год), на который был также приглашен председатель парламента Арно де Корби. Это был пир из «восьми тарелок», разделенных на шестнадцать гостей, это означает, что пищу подавали для двух человек на одном блюде. Только епископ ел со своей собственной тарелки, и ему прислуживали три стольника, которые его сопровождали. Председатель делил свою «тарелку» с другим гостем и в услужении у него был только один личный стольник. Далее идет длинный и подробный список «перемен»: жаркое, рыба, похлебка (в котелках), каша, рагу и т. д., фрукты и сладости, различные напитки. Перечисление прерывается уточнениями цен и практическими деталями, например: после жаркого следует заменить салфетки. Указан также момент, когда едят слуги: это происходит после того, как гости помыли руки, вознесли хвалу Господу и удалились в парадную залу. Когда слуги пообедают, гости возвращаются и им подают вино и пряности, и пир на этом заканчивается.

Не столь важные особы не имеют возможности самостоятельно организовывать такие пиры, но могут взять напрокат мебель, посуду, столовое белье, а также нанять

поваров, метрдотеля и другую прислугу. Они даже могут снять красивый дом для особенных приемов, например для свадьбы. Автор «Домохозяйки» приводит расценки такого проката, и если присовокупить их к расходам на продукты и всякие разности, можно рассчитать себестоимость каждой «тарелки». Здесь он уже покидает пределы высшей знати, которая не унижает себя подсчетами, и возвращается в мир добрых нотаблей, способных хорошо управлять как своим собственным имуществом, так и тем, что поручает им король.

Автор «Домохозяйки» расцветчивает свой кулинарный рассказ полезными примечаниями о том, что сколько стоит, где что можно купить в Париже, о типах поставщиков. Называя в своем произведении разные профессии, он очерчивает круг мастеровых, работавших на богатых клиентов. Хлеб* закупали оптом на Рынке, там же приобретали яйца, молоко, уксус, травы, яблоки, а еще метлы и лопаты. Помимо оптового рынка следовало обратиться к розничным торговцам — молочникам, мясникам, колбасникам, птичникам. Особо выделены расходы на бакалею, поскольку в них входит закупка пряностей (перец, имбирь, корица и т. д.), а также сухофруктов и цукатов, миндаля, риса, сахара (брусочки тростникового сахара называли «каменным сахаром») — всё это очень дорогостоящие продукты, предназначенные для самых богатых людей или для торжественных случаев; свечи и факелы тоже входили в расходы на бакалею. Молочницы торговали у Пьер-о-Ле, на Гревской площади размещались торговцы дровами и древесным углем, у Парижских ворот всякого рода торговцы предлагали цветы и ветви для украшения стола и залы, а также горшки и прочие емкости разных размеров для хранения продуктов, отобранных для приготовления обеда.

Щедро расточаемые и неоднократно повторяемые советы о том, как ограничить расходы, не испортить продукты и поразить гостей с наименьшими затра-

---

* Хлеб разрезали на деревянных или бронзовых дощечках. Широкие ломти зачерствевшего хлеба служили тарелками. Такой хлеб пропитывался всякими соусами и подливами. Затем его собирали и раздавали в виде милостыни.

тами, ориентируют это произведение на мирок экономных буржуа. Книга дает ответ на всяческие вопросы, которые могут вставать перед хозяйкой дома: что делать, если содержимое горшочка пересолено, как отбить привкус горелого (подвесить горшок над огнем на правильном расстоянии, чтобы пища не подгорала, было довольно сложно; автор не раз возвращается к тому, как поправить дело, если такое все-таки случилось), как приправить обычное блюдо, чтобы оно было похоже на дорогое. Автор «Домохозяйки» объясняет, что за неимением оленины или медвежатины маринанная и нашпигованная салом говядина может сойти за дорогую дичину, которую не всегда можно раздобыть. В книге приводятся способы, как выдать цыплят за куропаток и даже телятину за осетрину. С другой стороны, есть рецепт похлебки с петрушкой, которую можно быстро приготовить и придать ей сытности за счет остатков холодного мяса. Если такой импровизированный ужин окажется невелик в количественном отношении, тогда хозяйка дома, вместо того чтобы раскладывать мясо по тарелкам, подаст его на общем блюде: так его будет легче поделить и удастся накормить большее количество гостей. По ходу дела автор сообщает о способах определения качества мяса, рыбы, птицы или дичи, ибо на парижском рынке в изобилии продаются всякого рода продукты и хорошая домохозяйка должна уметь выбирать. Один пример, выбранный наудачу, прекрасно иллюстрирует практичность советов, собранных в этом труде. Чтобы приготовить пюре из гороха или бобов, автор советует использовать свежее коровье молоко (иначе оно свернется и все испортит), не разбавленное водой. Однако молочницы, торгующие вразнос молоком, яйцами и сыром, могут обманывать клиентов, разбавляя молоко водой или сообщая неверную дату надоя. Супруга должна подыскать молочницу, достойную доверия.

Все эти уловки, рабочие приемы, практические советы, помеченные в тексте словами «Nota bene», часто выглядят довольно знакомо и некоторые из них не потеряли своей актуальности. Они придают произведению современное звучание. Но другие замечания

или пояснения возвращают нас в XIV век. Так, порекомендовав готовить жаворонков, горлиц и зуйков, не потроша их, потому что их потроха жирны и не содержат отходов, автор объясняет, почему эта дичь не требует обработки. Жаворонки питаются только песком и камешками, и такая пища не оставляет в их кишках никакой грязи. Горлицы клюют лишь ароматные травы и плоды можжевельника, что оставляет здоровый и приятный запах. Что до зуйков, то их пища ветер, от которого не остается вообще ничего. Автор серьезно приводит такие пояснения, ведь это научные представления его эпохи.

Конечно, в «Домохозяйке» часто выражена забота о правильном ведении дома, об экономии и сокращении расходов, чем должна руководствоваться молодая супруга, но всё же в конце Средневековья жизнь в таком достатке, граничащем с роскошью, была уделом лишь ничтожного меньшинства парижан. Более скромная жизнь в доме ремесленников или наемных рабочих нам неизвестна, никакой прямой источник вроде «Парижской домохозяйки» не сообщает о том, как такие люди решали повседневные проблемы. Однако очевидно, что образ жизни простых парижан был весьма разнообразен.

Если семья жила в доме, где была кухня или что-то вроде этого, супруга с одной-двумя служанками могла готовить похлебку, рагу, жаркое. Об этом ясно свидетельствуют кухонные принадлежности, перечисленные в описях. Сложнее узнать, регулярно ли приготавливали повседневную пищу по рецептам, содержащимся в той или иной книге. Чтобы узнать о привычках, о которых не сообщается напрямую ни в одном письменном источнике, историк обращается к описаниям блюд и рациона, сохранившимся в счетах общественных заведений, например богаделен или коллежей. Между теоретическим рационом, указанным в счете, и тем, что действительно ели люди, существует сильное расхождение, тем более что эти рационы были пропорциональны положению, которое человек занимал в коллективе: например, аббат в монастыре, надзиратель в коллеже, монахи, руководящие богадельней. Так, в сче-

тах Отель-Дьё указано, что хозяин и монахи получают больше вина, чем слуги или больные. И эти записи нельзя считать точным обозначением потребленного количества.

Однако и в этих данных отражаются общепринятые обычаи. Кристина Жеанно доказала это, проанализировав счета Отель-Дьё за XV век. Режим питания был основан, естественно, на хлебе всякого рода: от белого — для высоких гостей, до пеклеванного, с использованием различных злаков, — для больных. Вино — еще один необходимый продукт питания в Средневековье. Обед в Отель-Дьё состоял из «дневного пропитания», то есть блюда из мяса либо яиц или рыбы в постные дни, смотря по календарю, и «похлебки», то есть смеси овощей с мясом или салом. Сласти, пироги, вафли, пышки, свежие или сушеные фрукты подавали только по праздникам. Больные, даже если их еда была не так хороша, как у начальства или гостей, получали в XV веке регулярное питание, причем лучшего качества, чем у многих парижан.

Готовить пищу дома можно, имея очаг со всем необходимым, запасы дров и основных продуктов, как то: сало и сушеные овощи, например бобы и горох. Множество парижских дворов недотягивали до такого уровня комфорта и материального достатка. Но большой город предоставлял и другой выход из положения.

Когда жилищные условия не позволяли приготовить тушеное мясо и овощи (затяжной процесс), повседневная пища основывалась на хлебе с теми или иными добавлениями. Семьи скромного достатка имели возможность разнообразить свое обычное меню, сообразуясь со своими средствами. В таверне, на постоялом дворе они могли найти готовую пищу и компанию для застолья. Парижане также покупали еду у поваров, колбасников, мелких рестораторов, торговцев жареным мясом и прочими готовыми блюдами, упоминание о которых содержится в цеховых уставах. Розничная торговля, не ограниченная рамками уставов (когда еду продавали с лотка прямо на улице, о чем свидетельствуют литературные тексты, например «Крики

Парижа»), наверняка позволяла питаться за еще меньшие деньги. Автор «Парижской домохозяйки» тоже на это намекает. Перечисляя различные способы приготовления требухи, он уточняет, что в декабре, когда забивают свиней, отходы, которые нельзя долго хранить, бедняки варят в больших котлах, а потом продают на улице другим беднякам. Наконец, самые бедные должны были по большей части довольствоваться символическим меню нищеты и покаяния: хлебом и водой, как тот носильщик, описанный Рабле, который ел черствый хлеб, вдыхая запах из харчевни, где жарилось мясо.

Если возможности питания парижан того времени в плане продуктов и ингредиентов, а также кулинарных секретов узнать довольно легко, то истинные размеры порций, сколько чего съедали и как распределяли эту пищу в будние дни и в праздники, определить далеко не просто. А ведь в этих количествах и заключаются все социальные различия, все нюансы «званий», по которым различались рода и люди в средневековом парижском обществе. Замечания общего порядка могут задать основные направления для раздумий при таком подходе к истории — через анализ питания подавляющего большинства.

Следует напомнить об одном очевидном факте: покупать только дешевую пищу не значит впасть в самую горькую нищету, большой город знавал и крайнее обнищание, ведущее к голоду. В век войн и потрясений (середина XIV — середина XV века) резко возросло количество «голодных», бежавших в Париж, — жертв насилия и разорения.

Затем надлежит провести параллель между раздачей пищи благотворительными учреждениями и милостыней, подаваемой отдельными людьми. После больших пиршеств, на которых ломились столы от богатых яств, начиналось перераспределение, организованное слугами, которые собирали использованные хлебные «тарелки» и объедки в емкости, специально предназначенные для этой цели. Об удаче пира во всем городе (встреча короля или принца) или в квартале (свадьба или крестины в семье нотаблей) судили не только по качеству меню и количеству гостей, но и по изобильной

раздаче объедков бедным. В своем «Дневнике» парижский мещанин, рассказывающий о празднествах во время коронации молодого Генриха VI в 1431 году, упоминает о такой раздаче, считая ее «так себе», и основывается в этом на суждении больных из Отель-Дьё, которые обычно получали объедки с официальных пиров.

Этот пример показателен во многих отношениях. Коронация, устроенная в противовес коронации Карла VII в Реймсе, отражает затруднения двойной монархии: Генрих VI был провозглашен королем Франции и Англии, поскольку родился от брака Генри V Ланкастера с Екатериной Французской, дочерью Карла VI. Автор «Дневника» (вероятно, каноник собора Парижской Богоматери) сомневается в правильности политического выбора Парижа в пользу англо-бургиньонов. Он более чутко реагирует на «национальные» различия, в том числе кулинарные, и объясняет провал этого пира, столь важного в политическом плане, скверной его организацией, из-за которой происходили стычки, драки и кражи, и плохой работой английских поваров, приготовивших блюда для «черни» заранее, из-за чего те оказались пережарены и дурны на вкус французов.

Нужно подчеркнуть и другое: парижане, проживали они в столице постоянно или временно, не могли обойтись совсем без денег. Если самые обеспеченные дополняли свои покупки с рынка продукцией с собственных земель за городской чертой, где у них имелись одна-две фермы* и несколько виноградников, то подавляющее большинство парижан не обладали таким подспорьем, им приходилось все покупать на рынке. В этом — коренное различие с жителями сельской местности, где в любое время, кроме конца зимы, обездоленные могут найти бесплатное пропитание собирательством или охотой. В большом городе такое невозможно, и в случае нехватки денег остается рассчитывать только

---

* Это подтверждается, например, документами, устанавливающими пошлину на товар, ввозимый в Париж. Сельскохозяйственная продукция для домашнего использования от пошлины освобождена. Другое подтверждение, веком позже, приводится в «Парижской домохозяйке»: хорошая хозяйка дома должна заниматься вопросами аренды земель, отмечать, какие продукты доставлены, а какие нет, и организовывать прямое снабжение с помощью управляющего.

на благотворительность. В столице старались удовлетворить основные потребности жителей, пребывающих в вопиющей нищете, но с середины XIV века и особенно в первой половине XV века обычная система предоставления помощи оказалась недостаточной. То же касалось и других насущных нужд парижан.

Жилье, одежда

Эти вопросы стоят наравне с вопросом о пропитании. Как представить себе повседневную жизнь, если в документах чаще всего отсутствуют сведения, касающиеся быта?

Проживание в собственном доме или в чужом, если речь о наемном рабочем или слуге, — необходимое начало для вступления в парижское общество. В уставах это — обязательное условие для мастера, в купчих крепостях показаны некоторые аспекты жилищного вопроса. Две формулировки из судебных источников, характеризующие человека без средств и социальных связей, а следовательно, способного на любое преступление, кражу или насилие, подчеркивают важность постоянного места жительства: «живущий везде», то есть нигде — это бездомный, у которого «ни кола ни двора».

Люди «низшего сословия» снимали только одну-две комнаты, не имели практически никакой мебели, запасов пищи и топлива. Зима — самое тяжелое время для тех, у кого почти нет доходов, в особенности конец зимы, когда старые запасы съедены, а новые еще не сделаны. Человека терзают голод и холод, как о том поведали Рютбёф и Вийон. Такая городская нищета характерна не только для средневекового периода.

Еще более несчастны те, у кого нет крыши над головой, кто вынужден жить на улице, там, где найдет себе временное убежище. На протяжении доброй половины XV века бродяги и бедняки, многие из которых искали спасения в столице, были вынуждены занимать дома, покинутые своими владельцами, лачуги, то есть развалюхи, которые никто не хочет ремонтировать, пус-

тыри. Королевские ордонансы, в частности Карла VII, отбившего Париж, старались восстановить доверие домовладельцев, освободить недвижимость от уплаты старой ренты, отстроить дома и изгнать из них всякого рода «скваттеров»*, которые их занимали. Избавление от бродяг было одной из целей программы политической и городской реставрации в конце Средневековья.

Одежда составляла часть необходимых расходов. Этот вопрос занимал людей того времени с нескольких точек зрения. Тексты и изображения создают достаточно полную базу для исследования, по меньшей мере в том, что касается богатых и знатных. Поэтому можно описать эволюцию костюма на протяжении разных веков. Но простая повседневная одежда, занимающая промежуточное положение между лохмотьями нищего и роскошным платьем вельможи, не поддается точному исследованию. Однако ее роль в жизни общества заслуживает некоторых пояснений.

В своем прямом назначении (защита от холода и прикрытие наготы) одежда упоминается в связи с благотворительной деятельностью: одевать голых. Помимо этой первой необходимости одежда является одним из прямых указаний на общественное положение и должна соответствовать статусу человека, который ее носит. Церковь, запрещающая ношение мужской и женской одежды противоположным полом, регулярно напоминает о необходимости ясного самовыражения через одежду. Об этом же говорят, в свою очередь, городские власти и короли, издающие законы против роскоши. В этих документах каждого обязывают вернуться к костюму и образу жизни, соответствующим его статусу. Порицаются, в частности, буржуа, подражающие роскоши дворян и таким образом стирающие видимую грань между сословиями, установленную Божественным Провидением. Расходы на нарочито роскошные одежды предосудительны, говорится в ордонансах. Роскошь в одежде аморальна, поскольку узурпирует внешние признаки и обманывает относительно положения в обществе. Яростнее всего обличается «одежный обман» проституток, украшающих себя

* От англ. *squat* — селиться самостоятельно на чужой земле.

серебряными поясами, шелками и вышивкой — аксессуарами знатных женщин и мещанок, женщин честных и добродетельных.

На протяжении трех столетий конца Средневековья, несмотря на изменения в мужской и женской одежде, привнесенные придворной и дворянской модой, одежда признавалась как признак принадлежности к тому или иному общественному слою, поскольку носившие ее должны соблюдать некоторые основные правила. Длинное платье из грубой ткани, темной расцветки, без украшений было признаком скромности, смиренности; ее носили монахи, клерки, мужчины и женщины, отказавшиеся от светской жизни, чтобы заявить о своем религиозном обете; обычно скромность в одежде была нормой для костюма беднейшего сословия.

Следуя логике социального представительства, образованные группы отличались друг от друга костюмом, надеваемым при определенных обстоятельствах или каждый день. Во время важных церемоний и официальных кортежей, при вступлении в город короля буржуа шествовали в ливрее, пошитой для такого случая за счет городской казны. Во время войны между арманьяками и бургиньонами парижанам пришлось носить цвета победившей партии, и отсутствие соответствующей накидки говорило о том, что перед тобой враг. В мирное время члены парламента и профессора университета выделялись своими костюмами, тогда как у мелкого духовенства как такового еще не было единообразной черной одежды и особого облачения типа сутаны, только тонзура помогала с первого взгляда отличить клириков от мирян.

Женская и мужская одежда различалась головными уборами, покроем платья, украшениями и аксессуарами. Если мужчины носили длинные платья, это отражало почетный социальный статус, подходивший священнослужителю, магистрату, судье, профессору университета или врачу, а то и богатому купцу. Мастеровые, солдаты, крестьяне и батраки — все те, кто занимался ручным трудом и имел дело с орудиями производства, — носили короткую одежду. В XV веке дамы укра-

шали себя экстравагантными шляпами, а придворные, следившие за модой, носили камзол — приталенную короткую одежду, открывающую ноги. Богатые и знатные вводили новую моду, которую моралисты обличали как возмутительное и греховное мотовство. Так, проповедник брат Ришар в 1429 году взволновал парижан, явившихся его послушать, когда призвал их изменить свою жизнь: в ознаменование своего отказа от роскоши и светских удовольствий слушатели публично сожгли игорные столы, карты и прочие орудия страстей, побуждающих к насилию и богохульству, женщины бросали в очищающий огонь свои шляпы с различными украшениями, кусочками кожи или китовым усом, которые они вставляли в головные уборы, чтобы придать им причудливую форму.

Однако обычные смертные в повседневной жизни, напротив, очень заботились об одежде — дорогостоящем имуществе, которое следовало сохранять. В одежде надо различать белье (рубашку, штаны) и платья и покровы, надеваемые сверху. Нательное белье редко обозначено напрямую в текстах или на изображениях, известно только, что на ночь его снимали, поскольку принято было спать голышом, но обернув голову тканью или надев ночной колпак, поскольку эту часть тела не защищали одеяла или перины. Обычно о белье упоминается, когда нужно его стирать или заказать его швеям, работающим на дому или в городе: они обрабатывали коноплю и лен для одежды, столового (скатерти и салфетки) или домашнего постельного (простыни) белья. В зажиточных домах держали про запас несколько штук тканей для регулярного обновления белья, о чем свидетельствуют посмертные описи имущества.

Верхняя одежда — роб, сюрко (платье без рукавов), мантии, плащи и накидки с капюшоном, покрывающие плечи, — стоила дорого и обновлялась нечасто. Если она была из качественного шерстяного сукна и оторочена мехом, ее завещали наряду с книгами, ювелирными изделиями или деньгами. Изношенную одежду, предварительно починенную и перешитую, перепродавали старьевщики. Вопрос об обуви гораздо занима-

тельнее, ведь если платья и мантии носили очень долго, то обувь заменяли часто. В документах (договорах, счетах и т. д.), где речь идет об обязательствах по содержанию ребенка или слуги, указано, что башмаки следует обновлять два-три раза в год. Башмаки практически не имели твердой подошвы, поэтому, выходя на улицу, поверх такой обуви надевали деревянные сабо или сандалии.

Чтобы проследить эволюцию костюма, появление различных модных тенденций, касавшихся также различных украшений и драгоценностей, нужно основываться на изображениях — жанровых сценках или иллюстрациях на религиозную тему, которые содержатся в манускриптах. Чаще всего там изображены одежды знатных и влиятельных людей: только они, например, были достойны одевать статую Богородицы. Мужчины не отставали от женщин в том, что касается богатства тканей, драгоценностей или вышивок: герцог Орлеанский, например, заказал себе платье, на котором были вышиты жемчугом ноты и слова любовной песни.

Повседневная одежда описана гораздо меньше, нечасты и пояснения, касающиеся моды и отражаемых ею требований. Автор «Парижской домохозяйки» рекомендует своей супруге тщательно одеваться, когда она выходит из дому: никакого высывающегося воротника сорочки или выглядывающей нижней юбки, никакой небрежно надетой шляпки, из-под которой выбиваются волосы, — иначе женщина прослышет неряхой. Хорошая жена должна подбирать себе одежду не слишком роскошную, но и не слишком унылую, она всегда должна помнить о чести своего супруга. Главное — знать свое место в социальной иерархии и то, какая одежда отражает его наилучшим образом. Нам теперь этого уже никто не сможет объяснить на конкретных примерах.

Каждодневный труд

Устраивать трапезы и кормить семью — дело супруги, автор «Парижской домохозяйки» постоянно об этом говорит. Поддерживать чистоту в комнатах, чис-

тоту одежды и белья — тоже ее прямые обязанности. Количество советов и уловок, собранных в этой книге, свидетельствует о том, что такие практические и привычные вопросы занимали большое место в повседневной жизни и, должно быть, служили пищей для разговоров. Это была целая наука, которую женщины передавали друг другу, но эта наука была доступна и мужчинам, и автор «Домохозяйки» — тому доказательство. Во вступлении к книге автор объясняет, что написал ее по просьбе своей юной супруги: ей пятнадцать лет, а главное — у нее нет ни отца, ни матери, ни близкой родственницы в Париже, к кому она могла бы обратиться за помощью и советом. Это замечание показывает, что обычно именно мать просвещала свою дочь по поводу ведения хозяйства. Но это не тайное знание, и мужчинам оно доступно. Поэтому они способны, как в данном конкретном случае, восполнить отсутствие матери и женской поддержки в воспитании молодой супруги. В доме, как и в мастерской, узаконенное разделение труда между мужчинами и женщинами не приводило к полной сегрегации.

Во время уборки не следовало расходовать слишком много воды, так как если поблизости не имелось колодца, надо было отправлять служанку за водой на реку, к общественному источнику, где ей приходилось долго стоять в очереди*. Легкий доступ к неограниченному количеству воды — роскошь в городе, если дом не стоит на берегу реки. Однако вынос помоев и мусора порождал еще больше проблем, почти неразрешимых для подавляющего большинства парижан. В домах не всегда имелась уборная или выгребная яма. Обычно грязную воду выливали в желоб, выходящий на улицу. Источники, колодцы, сточные канавы и прочие приспособления существовали, но в недостаточном количестве, даже в сравнении с не столь высокими потребностями, как в современном обществе. Как видно из документов, связанных с недвижимостью,

---

* Сохранились правила использования источников. Там было запрещено стирать белье, поить животных, а водоносы не должны были единолично занимать доступ к источнику в ущерб простым горожанам.

ссоры и споры по поводу расходов и ответственности возникали в основном вокруг вывоза отходов и почти никогда в связи с водоснабжением, разве что когда приходилось совместно использовать один колодец.

По современным нормам, используемая парижанами вода была не пригодна для питья. Парижане знали, что потребление плохой воды опасно для здоровья, и отдавали предпочтение воде из Сены или Бьевра, считая ее чистой, поскольку она была проточной. Вода из колодцев (на самом деле так часто называли цистерны-водосборы) служила для мытья и иногда для приготовления пищи, о чем говорится в «Домохозяйке»*. Опаснее всего было использовать стоячую воду и, разумеется, ту, что была загрязнена производственной деятельностью, например дублением кож или окраской тканей, или же различными отходами с боен, не говоря уже о том, что многие парижане сливали в реку отходы своей жизнедеятельности.

Хороший воздух, отсутствие тошнотворных запахов входят в число условий, благоприятных для здоровья. Их усиливают, распространяя при необходимости приятные ароматы; таким образом можно отогнать болезни и поддержать здоровье. Летом на полу рассыпали свежую траву, чтобы оздоровить воздух в домах и усилить благотворное влияние шляп, украшенных цветами, и венков, которые мужчины и женщины носили в праздничные дни. (Разумеется, венки надевали не только из «медицинских» соображений, но о причинах эстетического, обрядового и даже магического порядка никогда не говорится напрямую; их значение можно понять по изображениям людей в венках, по намекам в рассказах о праздниках и пирах.) В доме только кухню часто мыли и чистили, сообщает нам автор «Домохозяйки», возла-

---

*Речь о варке гороха. Автор отмечает, что обычно горох не варят в воде из колодца, и объясняет, что в Париже для этого используют речную воду или воду из источника. В других местах он ничего не говорит о качестве воды, которую следует использовать для мытья овощей или мяса и рыбы, однако вода входит во многие приводимые им рецепты. Сведения по поводу воды для варки гороха ничего не сообщают нам о причинах, по которым выбор воды меняется в зависимости от места. Возможно, это знания, полученные опытным путем.

гающий эту обязанность на слуг под командованием управляющего: это была тяжелая работа и потому выполнялась мужчинами.

В «Домохозяйке» также есть советы по поводу чистки одежды. Одежду, как и ковры, подушки и одеяла, изделия из кожи и меха следует старательно очищать от пыли, вытряхивая, проветривая и выставляя на солнце, чтобы избавиться от моли.

Хорошей хозяйке дома сложнее было избавиться от других непрошенных гостей, например блох или комаров. Автор предлагает своей супруге попробовать несколько способов, которые он испробовал сам или о которых ему говорили, но в последнем случае он не гарантирует их эффективности. Например, блох ловят на светлое одеяло, на котором они видны, а потом аккуратно засовывают одеяло с блохами в мешок. Эффективность такого способа сомнительна. Мух привлекают в ловушки на сладкое или липкое — это средство наверняка действовало лучше, чем способ умерщвления блох.

Чистка одежды производилась разными способами, пятна удаляли мочой животных, сукновальным порошком или золой, размешанной в воде. Автор «Домохозяйки» сообщает о всяких хитростях: как вернуть цвет, поблекший во время чистки (он рекомендует кислое вино), или когда краски полиняли, как смягчить затвердевшую кожу. Он приводит рецепт чернил для проставления меток на белье — верно, на том, что отдавали прачке. Стирка требовала большого количества воды, ею было удобно заниматься только на берегу реки, где много проточной воды.

О гигиене тела в «Домохозяйке» говорится мало. О таких процедурах упоминается в других источниках. В описях домов названы чаны для купания, тазы для мытья головы или ног и умывальники на ножке, устанавливаемые в зале, чтобы всегда можно было помыть руки. Поскольку ели руками, используя только нож для разрезания мяса на тарелке, обычай требовал, чтобы в конце трапезы гостям подавали кувшин, наполненный благоуханной водой, и те могли сполоснуть руки. Умывались, наверное, каждый день. Ванну принимали

дома, если там имелись соответствующие емкости и служанки, чтобы принести и нагреть воды. Самые бедные должны были довольствоваться купанием в Сене — летом. Для обеспеченных парижан в столице имелись публичные бани: там парились или купались в горячей воде. В банях можно было заказать еду и вино и, как говорили проповедники, там околачивались проститутки, предлагая свои услуги. Однако, по имеющимся сведениям, не похоже, чтобы бани были исключительно «борделями», и в XIII—XIV веках ремесло банщика было признано наравне с другими; в бани пускали мужчин и женщин по очереди, но существовали и отдельные мужские и женские бани.

В конце Средневековья много таких учреждений закрылось из страха перед болезнями (вполне обоснованного) и из заботы о нравственности, утверждаемой Церковью. В Средние века нагота считалась не столь возмутительной, как в последующие времена, уход за телом воспринимался как форма отдыха или лечения. Если всё как следует взвесить, то в средневековый период гигиена находилась не в столь плачевном состоянии, как в Новое время.

Ход времени: будни и праздники, труд и отдых

Здесь в полной мере проявилась гегемония религии. Моменты личной и семейной жизни, общие праздники и частные события — всё это определяется обязанностями, наставлениями или ограничениями, установленными и контролируруемыми Церковью. Духовенство вездесуще, ничто в повседневной жизни не происходит без прямого или косвенного участия клирика.

Так, мужчины и женщины вынуждены ежедневно общаться с разного рода клириками, священниками, монахами, причем вне приходской церкви и церковной службы; рядовые парижане часто сталкиваются с безденежными клириками, которых в Париже целая туча, и в их ряды могут втереться жулики с тонзурой, не принадлежащие к миру Церкви. Такие ложные клирики, используя почет и полномочия, признаваемые за

Церковью, могут ввести в заблуждение простых людей, чтобы выудить у них деньги или заставить оказывать себе услуги. Распространенный сюжет фавлю — история мошенничеств мнимого монаха или священника, столь же популярного героя фарсов, как и вороватый купец или неверная жена. Такие истории выглядят тем более достоверно, что и настоящие монахи и клирики были способны соблазнить чужую жену и облапошить ее мужа. В конце Средневековья преследования мнимых клириков усилились, этим занимались как гражданские власти, так и университет, реформированный в 1451 году.

В обществе, где церковное и светское столь тесно переплетено, возникают заметные трения между навязанным христианским бытом и формами протеста против этой гегемонии.

Вопросы времясчисления и продолжительности рабочего дня выявляют перемены, приведшие к ослаблению главенства Церкви. Со второй половины XIV века время оплачиваемого труда стали измерять по часам, то есть все дни имели равную продолжительность — двенадцать часов. Замена старинных способов отмерять время, пришедших из монастырей, новыми методами, родившимися в городе, происходила медленно. Эти изменения фиксировались в повседневной жизни, но по-разному, даже в Париже, где король велел установить в своем дворце на острове Сите большие часы уже в XIV веке. Только богатые дома могли обладать столь дорогостоящим прибором для измерения времени: в описи Бурбонского дворца упоминается несколько часов. Парижане обычно пользовались для измерения времени песочными часами; автор «Парижской домохозяйки» сообщает рецепт изготовления «песка для часов». В другом месте он приводит в качестве меры «время, необходимое, чтобы прочитать *Miserere*» — для такого счета не нужны никакие приборы.

Рабочее время оставило больше следов в письменных документах, чем время отдыха. Перерывы и отдых необходимы: для детей в школе, для юных монашков. Для учеников и для всех работающих мужчин и женщин отдохновение от трудов законно и полезно. Цер-

ковь вменила в обязанность отдых по воскресеньям. Только в начале Средневековья и только среди крестьян были недовольные этим выходным. В эпоху Каролингов Церковь сумела навязать этот день не столько для благотворного отдыха, сколько для общих собраний, объединяющих христиан во время воскресной службы. Без всякого сомнения, такое уложение не подвергалось критике со стороны слуг и подмастерьев, возражения могли поступать только от тех, кто давал им работу, но исключения из правила допускались уже давно, когда какое-то дело следовало исполнить срочно.

Редко где можно найти подробный рассказ о том, как большинство парижан проводили свой досуг. Однако некоторые случайные замечания сообщают о бесплатных развлечениях и более или менее дорогостоящих формах досуга, которые всегда существовали в большом городе.

В хорошую погоду жители выходили на улицу, усаживались на скамьях у двери и болтали по-соседски. Это была доступная форма отдыха, случай посудачить о том, что происходит в квартале, о чем люди говорят, разузнать о чужаках, которые сюда заглядывали, или о новых жильцах. Роль улицы как продолжения дома, совместное использование общественного пространства позволяли отдохнуть и предоставляли бесплатное развлечение. Этот обычай свойствен не только Парижу и не выглядит исключительно средневековым. Свидетельства, почерпнутые из судебных документов, показывают, что в конце Средневековья это было обычным делом. О данном обычае говорят, когда он становится важной деталью в уголовном деле, как, например, в относящемся к 1332 году. Следствие старалось установить, каким образом была устроена засада на улице Арп, в которую попал Гиар де Нуартер, забитый насмерть наемными убийцами. В различных признаниях рассказывается о том, как была устроена ловушка по приказу бретонских рыцарей и сеньоров. Убийцы должны были узнать свою жертву, поэтому слуги рыцарей отвели их на улицу, где жил Гиар, и указали его, проходя по улице, ибо «онный Гиар сидел у двери дома на пороге». Сразу после этого последовало нападение. Но обычно поды-

шать воздухом на крыльце своего дома было не так опасно.

Прогулки по берегу реки или в лодке по Сене были другим популярным развлечением. В иллюстрациях к житиям святых рядом с лодками, перевозящими товары, и рыбацкими суденышками изображены прогулочные лодки, в которых веселятся горожане. Подступы к городской стене тоже были местом прогулок, спортивных игр, в том числе в шары и в мяч, или военных состязаний. На плане Трюше и Уайо изображены лучники, упражняющиеся у городской стены. Прогулки и игры — достойные развлечения, которые ничего не стоят и которым можно предаваться всей семьей.

Пойти в таверну стоит денег, но это развлечение гораздо более притягательно. Совершенно точно, что большинство парижан и парижанок регулярно посещали кабаки, таверны и прочие заведения, где подавали еду и вино. В тавернах вино продавали кувшинами, тогда как в кабаре (кабаке) — порционно. В тавернах продавали домашнее вино; избыток домашней продукции рекламировался разносчиком, который ходил по улицам, давал попробовать вино и сообщал отпускную цену. Судебные документы и нормативные акты создают неприглядный портрет таких заведений. Однако следует внести разъяснения. Таверна или кабаре — не только воровские притоны, где собираются плохие парни, творится насилие — сначала словесное, через богохульство, а затем переходящее в кровопролитие, — и процветает проституция; это не только «обитель дьявола», как говорит автор «Парижской домохозяйки». Конечно, его пылкие упреки основаны на реальных фактах, но их не следует обобщать. В самом деле, таверна — это и уютное место для добрых встреч друзей: когда дома слишком тесно, здесь можно поговорить о делах, отметить радостное событие. Так, у студентов были свои излюбленные таверны, где праздновали успешную сдачу экзаменов. В морализаторских проповедях намеренно замалчиваются полезные функции таких «торговых точек». Таверна играла важную роль в жизни большинства парижан.

Литературный образ таких заведений тоже утрирован: там ведут разгульную жизнь без всяких нравственных ограничений, это рай земных, запретных радостей. Однако таверна не всегда была местом безудержной распущенности, где все клиенты напивались, играли или дрались, являясь туда в поиске «девочек». Но там, разумеется, случались конфликты и выяснения отношений. Поскольку, как и улица, таверна была общественным местом, в ней происходили встречи, столкновения, заключались пари, там проявляла себя преступность, но всё же не в такой мере, как можно предположить по сетованиям моралистов, заботящихся о нравственности своих современников. Короче, существовали как тихие заведения, так и менее почтенные. Определить, сколько было тех и других, чтобы смягчить дурную репутацию таких мест, уже невозможно. Помимо намеков в стихах и сатирических пьесах таверны упоминаются в документах, связанных с недвижимостью, иногда вместе с вывеской, но по таким данным трудно судить о том, какая публика посещала эти заведения. За исключением случаев, когда о той или иной таверне есть конкретные свидетельства, увеселительные заведения невозможно различать между собой и отделить приличные места от злочных.

Зато ясно одно: поднявшись ступенькой выше на общественной лестнице, люди уже не столь нуждались в подобных заведениях. Друзей, родственников или знакомых принимали у себя дома и сами ходили в гости к родственникам и друзьям, не покидая сферы частного, где проводился общественный отбор. Теперь посещение таверн уже говорило о стремлении к запретным удовольствиям. У зажиточных людей и городских нотаблей были сады при городских особняках, где можно отдыхать и гулять, и загородные резиденции; таким образом, и тут отдых не был связан с опасной теснотой толпы.

На досуге можно было также играть; Жан Мишель Мель раскрыл всю сложность действий и поведения в этой области. Людей сильно влекла к себе игра (игра на деньги, азартные игры): в кости и в карты, спортивные игры, учитывая моду на игру в мяч (прообраз

большого тенниса), и интеллектуальные, например шахматы. Во имя морали и общественного спокойствия власти — церковные и городские — старались держать эту страсть в строгих и контролируемых рамках. Не ко всем играм относились одинаково. За такого рода деятельностью признавался увеселительный характер, а за спортивными или интеллектуальными играми — образовательный, но эти положительные аспекты были уравновешены опасностью греха и насилия, порождаемого страстью к заключению пари, мошенничества и вспышек гнева, вызываемых игрой на деньги, привлекательностью легкого выигрыша. Городские магистраты вместе с церковными властями установили правила относительно того, где можно играть и когда. Такие попытки ввести надзор и ограничения были сравнимы с потугами сдержать рост проституции и, как можно полагать, имели столь же малый эффект. Потому что играли все, начиная с королей и вельмож. Они устраивали в своих городских дворцах галереи для игры в мяч, заводили карточные столы и шахматные столики. Расходы, связанные с игрой, занимают не последнее место в их счетах. Студенты и школяры, клерки и военные, зажиточные и бедные горожане, честные люди и преступники — никто не мог устоять перед соблазном азартных игр. Религиозная мораль того времени всегда была враждебна по отношению к подобным развлечениям, поощряющим греху.

Такую же непримиримость Церковь проявляла по отношению к музыке, песням и танцам. Клирики должны были от них воздерживаться, честные женщины — избегать их из страха соблазна. Об этом говорит и автор «Парижской домохозяйки». Перечисляя различные формы греха гордыни, в котором добрая супруга должна исповедаться по образцу признания, любезно представленному старым мужем, он предлагает такую формулировку: «Я благосклонно выслушала игру на разных инструментах, мелодии и песнопения; я участвовала в других вульгарных и непристойных игрищах, противных Богу и рассудку. Я смеялась и вела себя легкомысленно». Как и пьянство или обжорство, музыка и неко-

торые танцы рассматривались как моменты, когда тело берет верх над духом, когда человек перестает владеть собой. Такие подозрения не мешали простым парижанам любить песни, музыку и танцы и платить за услуги актерам, оживлявшим семейный праздник или публичное увеселение. Спрос и предложение позволили актерам занять свое место среди ремесленных цехов.

В податной книге за 1292 год упоминаются один «фигляр», три жонглера и один менестрель. В книге 1297 года говорится о нескольких музыкантах, играющих на рожках. Многие из таких профессионалов долго оставались бродячими актерами, без денег и общественного уважения. Но в Париже они нашли разнообразную клиентуру, позволившую им обзавестись своим домом и зарабатывать на жизнь. Они достигли почета, когда зарегистрировали свой устав в 1321 году. В тексте показано, что главный вопрос, который им предстояло разрешить, — это конкуренция. Так, менестрели обязуются отвечать на всякое предложение о найме: «Сударь, я могу наняться только сам, но если вам нужны другие менестрели или ученики, ступайте на улицу Жонглеров, там вы их найдете». Они еще теснее слились с парижским обществом, когда в 1328 году основали богадельню на улице Сен-Мартен, впоследствии к ней присоединилась церковь Святого Юлиана Музыканта. Профессиональных актеров сначала нанимали аристократы и короли. Об этом свидетельствуют счета принцев и слава самих актеров, состоявших при меценатах. Целый пласт истории музыки и танца связан с придворным искусством, поскольку эти аристократические развлечения принимали за образец для подражания. Но следует упомянуть и о других, более распространенных музыкальных жанрах, которые основывались на подражании придворной и церковной музыке. В Париже все эти течения перемешались. Мы лишь отметим, что мещане могли нанимать актеров, и в коллективных увеселениях они непременно участвовали наряду с музыкантами. Как и прочие развлечения, такие праздники находились в поле зрения королевского прево. В 1372 году хозяевам таверн и менестрелям было приказано сворачивать

свою деятельность, как только колокол подаст сигнал тушить огни. Больше не подавать выпивки и не играть на музыкальных инструментах, чтобы оберегать сон и спокойствие на улице, ибо по ночам суета и шум были на руку воришкам и грабителям. Исключение делали для музыкантов, приглашенных на свадьбу, при условии, что они будут играть внутри дома.

Смешение разных видов бесплатных развлечений, а также тех, что предоставлялись за деньги, составляло особенность большого города и приводило в восторг тех, кто открывал его для себя. В этом состояло одно из превосходств столицы над образом жизни в деревнях, которые вплоть до конца Средневековья выглядели отнюдь не пасторальным местечком, приютом на лоне природы для горожан, уставших от городского шума и суеты.

Обычные дни, необыкновенные моменты

Ритм жизни задавала Церковь — как для отдельных людей и их семей, так и для квартала или всего города. Политическая жизнь, вступление короля в город или коронация тесно связывали религию с прославлением власти государя.

Рождения и крестины, свадьбы и похороны собирали семью и друзей по радостному или прискорбному случаю, но всё это были события, зависевшие от Церкви, которая превратила их в таинства, а конкретнее — от духовенства, обязательного посредника между людьми и небесами. Правда, по завершении церковного обряда день заканчивался празднествами или светскими приемами. Церковь против этого не возражала и на этом этапе торжеств предоставляла мирянам почти полную свободу. Она призывала к скромности, но не могла не понимать общественного значения таких моментов, когда семья демонстрировала свой престиж и ранг. В ордонансах против роскоши, изданных в XIII и XV веках, напоминает, что расходы, связанные с празднованием подобных событий, должны согласовываться с иерархией общественных статусов,

называемых в тексте «сословиями», но само существование таких ордонансов говорит о том, что на практике этим кодексом пренебрегали, если семья была достаточно богата, чтобы метить выше.

В этом плане Париж не выдумал ничего нового, но в столице можно было чаще наблюдать роскошные празднества королей и принцев, что поощряло стоящих ниже рангом пытаться им подражать. Отношения между семьями и общественными кругами гораздо разнообразнее и сложнее в большом городе, где живут рядом столько людей разного происхождения. События, которыми отмечена история семьи, как только она смогла как следует устроиться и заявить о себе, производят впечатление на соседей, а порой и на весь квартал. Для рядового парижанина на улице всегда найдется зрелище: склонность столичных жителей к «ротозейству» отмечали уже с XIII века, задолго до того, как над ней стал потешаться Рабле.

Паломничества или посещения проповедей являют собой другие незаурядные моменты семейной и частной жизни. Принимая во внимание господство религии, о проповедях рассказывают, если они имели необычайный успех, как, например, проповедь брата Ришара на кладбище Невинно убиенных. (Его успех был недолгим, поскольку в нищенствующем брате заподозрили арманьяка, то есть вражеского шпиона в англо-бургиньонском городе.) Это момент душевного потрясения, побуждающего толпу плачущих прихожан к зрелищному раскаянию, к обещаниям «изменить свою жизнь», — обязательствам, которые при возвращении к обычной жизни и привычным соблазнам улетучиваются вместе с волнением от проповеди. Но появление нового нищенствующего брата, умеющего тронуть душу и сердце, позволяет вновь пережить эти острые моменты, и толпа снова собирается, чтобы послушать проповедь, столь сильно отличающуюся от обычных воскресных поучений.

Необходимость помолиться о божественном заступничестве, об исцелении, о рождении ребенка или другие личные причины часто вынуждали совершать паломничества. Разумеется, ради дальних странствий

требовалось уладить свои дела, составить завещание, но это был случай, выходящий за рамки обыденности. Большинство парижан и парижанок направлялись к святилищам поближе, чем Рим, Иерусалим или Сантьяго-де-Компостела. К мощам и усыпальницам в парижском регионе обращались в зависимости от типа просьбы. Святыни в ближних областях — на севере Франции, в Нормандии или Шампани — тоже посещали, поскольку такое путешествие можно было совершить за довольно непродолжительное время, чтобы отсутствие в Париже не требовало чересчур больших предварительных хлопот. В некоторых трудовых договорах, относящихся к концу Средневековья, допускается, что слуга будет какое-то время отсутствовать по такой уважительной причине. В XIII веке ремесленные уставы относили дальние паломничества к причинам, позволяющим мастеру расторгнуть договор об обучении. Схему ближних паломничеств можно составить на основе археологических находок — знаков паломничества, своего рода медалей из недорогих металлов, которые приносили с собой и прикрепляли к одежде или шапке. Раскопки, проведенные в XIX веке на берегу Сены, позволили обнаружить большое количество таких предметов, они и послужили объектом первого исследования, посвященного благочестию и церковным обрядам рядовых парижан. Такое исследование было бы полезно продолжить в свете недавних изысканий в области истории религии, отринув предвзятость историков XIX века, видевших в этом форму наивных верований, смешанных с предрассудками и народным невежеством.

В Париже процессии и ежегодные праздники задавали ритм личной и общественной жизни. Рождество, Пасха, а под конец рассматриваемого нами периода — праздник Тела Господня являлись важными событиями года. К этому добавлялись праздники местного значения: чествования покровителей прихода, цеховые, общинные. В целом довольно насыщенная программа, регулярно предоставляющая увеселения и отдых, уравновешивая, таким образом, будничное время, поглощенное трудом.

Не так давно историки задумались о роли нехристианских празднеств, все еще имевших место, например карнавала и Иванова дня. В Париже эти большие праздники были очень популярны, как и в других городах, но была ли связана живучесть таких массовых увеселений с религиозным протестом или с дохристианскими верованиями? Задаться этим вопросом побуждают два вида указаний.

Во-первых, это нормативные акты конца интересующего нас периода, которые пытаются смягчить упреки и насмешки в адрес сильных мира сего и их власти, звучащие в такие моменты. Конечно, власти допускали изменение социальных ролей на непродолжительное время, когда босяк становится королем, а осел — епископом. Нападки на власть и игрища дают черни разрядку, непродолжительность и временный характер которой укрепляют социальную иерархию в остальное время. Нормативные, религиозные или литературные документы конца Средневековья, например «Парижская домохозяйка» или «Дневник парижского мещанина», свидетельствуют о том, что образованные люди, честные нотабли или ученые клерки иронизировали по поводу невежества и доверчивости народа, известно, что уже давно существовало не слишком распространенное течение снисходительной насмешки над этими ритуалами и коллективными обрядами. Были ли заметнее в Париже такие проявления бунтарства — как их называли гражданские власти — и суеверия — или «ереси», как считало ученое духовенство? Возможно, такого рода опасность вызывала большую тревогу в столице — образце для всего королевства? Хотелось бы тщательнее изучить эти вопросы, но пока на них напрашивается утвердительный ответ.

Завершая обзор повседневной жизни вопросами, на которые еще только предстоит дать уверенные ответы, мы показываем читателю, что еще не всё сказано об истории города, о котором уже написано столько книг. Париж — это целый мир, который пока не исследован до конца.

«...Мне показалось, что многие из тех, кто родился в Париже от старинного рода, наделены такой умеренностью и такой кротостью, что по похвальной привычке имеют мало склонности гневаться... Большинство из них приятны своей очаровательной любезностью, учтивостью и кротостью духа... Что сказать о женщинах? Хочется верить, что супруги и матери семейств, несмотря на роскошь и чрезвычайное разнообразие своих одежд и вопреки несказанной красоте лица, почитают законы брака...» «Трактат о похвалах Парижу» Жана де Жандена, написанный по-латыни, относится к первой четверти XIV века. Другие отзывы, выдержанные в том же духе, переполняют исторические очерки и описания столицы и ее обитателей. Франсуа Вийон в «Балладе о парижанках» заявил: «Язык Парижа всех острей». Утверждение о превосходствах парижан и парижанок основано на целой литературной традиции; нет сомнений, что сей лестный образ отразился на повседневном поведении столичных жителей, и некоторых авторов XVI века, например Рабле, это раздражало. Он выворачивает наизнанку комплимент, приписывающий качества парижан умеренному климату и мягкому воздуху. «Парижский люд настолько глуп, празден и ни к чему не годен по природе», — пишет он в своем «Гаргантюа», высмеивая весь город, его монументальные сооружения, его педан-

тичных и невежественных ученых докторов и всех парижан, напыщенных из-за своего мнимого превосходства. Этой темой проникнуто множество литературных произведений о столице. Интересно, что они начали появляться уже в середине Средневековья. Противоречивые аспекты — завышенная оценка качеств парижанина или резкая критика его притязаний — по своему показывают, насколько трудно сделать выводы об истории Парижа к концу XV века.

Точно так же нелегко определить соотношение между косностью и новшествами в повседневной жизни парижан. На заре Новых времен все кажется новым, однако многое на самом деле было восстановлено на старый манер. Отстроенная, обновленная столица вновь начала процветать и разрастаться. По меньшей мере три поколения выросли в обстановке оптимизма, а город переживал период расцвета, и так продолжалось вплоть до Религиозных войн. День ото дня жизнь большинства парижан, став спокойнее, возвращалась в привычное русло.

Дома, улицы, площади внушали уверенность, поскольку мало изменились. В плотном и запутанном переплетении старых построек реконструкция чаще всего происходила в пределах прежних частных домов и сводилась лишь к незначительным изменениям: здесь — лестница пошире, там — дополнительный камин или вымощенный новыми плитами пол, порой несколько небольших построек объединяли в один дом улучшенной конструкции, или восстанавливали сад, который город, перенаселенный в XIV веке, занял под свои нужды. Это нельзя назвать ни косностью, ни восстановлением первоначального облика города, но за исключением коллективных учреждений, которые строили очень богатые люди или власти, так как они могли выкупить достаточно большие земельные участки для возведения на них современных зданий, в обычной городской застройке не произошло радикальных изменений. Новейшее расцветало вне городских стен, в пригородах. Теперь это новое выглядит совершенно средневековым. Например, дворец архиепископов Санса, перестроенный Тристаном де Салазаром, на котором было

высечено следующее заявление: «Тристан, используя новейшее искусство, восстановил это величественное здание, ветхость которого привела его к разрушению». При этом материальная культура еще не вызывает столь противоречивых оценок, характеризующих собой переход от Средневековья к Возрождению.

Но нужно ли подводить черту? Разумнее завершить рассказ несколькими штрихами, возможно, свойственными истории жителей столицы, особенностями, уже существовавшими в XIII веке и в первой половине XIV века, которые сохранились, претерпев кое-какие изменения, и расцвели собой историю Парижа. Парижане и парижанки всегда обладали свободой характера, поведения и суждения, вносившей свою изюминку в повседневную жизнь. Смеяться и смешить, распевать песни и осыпать упреками — такая смелость порой каралась как наглость. В то время как эпоха загоняла каждого в жесткие рамки ограничений, в мегаполисе творились такие приключения, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот небольшая история в подтверждение тому.

Ее донес до нас Ватрике де Кувен, писатель начала XIV века. Это история трех парижских дам. В 1321 году, на праздник Богоявления, утром, до обедни, жена Адама де Гонесса Марг и ее племянница Маруаза объявили, что идут в город купить требухи. На самом деле они хотели заглянуть в недавно открывшуюся таверну; там они встретили Тифанию Цирюльницу, которая предложила им пойти еще в одно известное ей место, где подают «очень хорошее вино с реки» (то есть привезенное в Париж водным путем) и где им откроют кредит до десяти су с человека. Речь шла о таверне Майе (такая таверна действительно была на улице Нуайе, поскольку в податной книге 1292 года упоминается ее владелец Эрнуль де Майе). Три дамы не остались незамеченными, и некто Друэн Байе вызвался за свой счет дать им продегустировать вина. В рассказе отмечается, что они уже потратили пятнадцать су, но вино пробудило в них голод, и они спросили себе жирного гуся; Друэн присовокупил к этому заказу пирожные. Наевшись, они снова захотели пить, и одна из дам заявила:

«Клянусь святым Георгием, от этих вин у меня горечь во рту, я хочу гренаш» (сладкое вино из крупного черного винограда, произрастающего на юге Франции). Им подали три полштофа (полштофа — 0,466 литра) вместе с вафлями, сыром, очищенным миндалем, грушами, пряностями и орехами. Однако дамы еще не утолили свою жажду. Они решили, что трех полштофов мало — разве что распробуешь вино, и заказали три кварты (одна кварта равняется двум штофам). Они пели, болтали и сравнивали вина из Арбуа и Сент-Эмильона с теми, что они пили, смакуя, ибо надлежит не проглатывать хорошее вино залпом, а продлевать «его силу и сладость во рту». Они дегустировали напитки как опытные знатоки. Около полуночи им потребовалось выйти на воздух, но, будучи пьяны, они вышли простоволосыми, что было неприлично, однако они выглядели еще более непристойно, поскольку Друэн снял с них платье и юбки, оставив в залог у владельца таверны. Им не было до этого никакого дела, они пели и рассказывали друг другу анекдоты, пока не упали в уличную грязь. Тогда Друэн украл остальную их одежду: забрал нижние юбки, сорочки, башмаки, пояса, кошельки и бросил голыми в грязи и отбросах, как свиней. На заре их так и нашли, сочли мертвыми, убитыми, поскольку вино, которое они извергли изо рта «и всех прочих отверстий», смешавшись с грязью, покрывало их словно кровь. Их узнал один сосед и известил мужей, которые не тревожились, думая, что жены совершают паломничество. Разумеется, увидев такое зрелище, они стали сокрушаться и велели отнести тела на кладбище Невинно убиенных. Там дамы к полуночи проспались, очнулись, выбрались из-под кладбищенской земли и вышли голые, покрытые грязью, смердящие, «точно бродяги и нищие, спящие на улице». Но они не потеряли присутствия духа и кричали: «Друэн, Друэн, куда ты делся? Принеси три селедки и кувшин вина...» Они также просили закрыть «большое окно», поскольку им очень холодно, впрочем, от холода они снова лишились чувств. Поутру могильщик, закопавший их накануне, увидел их поверх земли и пришел в ужас, решив, что пал жертвой дьявольского колдовства.

Сбежались зеваки, принялись судачить об этом происшествии, но тут Тифания пришла в себя и тотчас потребовала вина, а за ней и две другие дамы. Столпившиеся прохожие тотчас разбежались, приняв их за демонов. Протрезвев и раскаявшись, они разошлись по домам. На этом рассказ кончается, не сообщая о том, как встретили жен мужа.

Конечно, это художественное преувеличение, но своим успехом рассказ был обязан тому, что не лишен правдоподобия в глазах читателя или слушателя XIV века. У трех добрых горожанок, которые умеют пить, и хорошо пить, наверняка были реальные прототипы, вполне вероятно и их прогулка по модным тавернам. То, что они едят после своих возлияний, — та самая еда, какую заказывали клиенты в заведениях такого рода, просто они едят много, соответственно большому количеству выпитого вина. Привыкшие к тому, что им служат, они без раздумий принимают корыстные услуги Друэна, который, должно быть, сговорился с трактирщиком и знает, что долги трех гуляк будут уплачены, причем без возражений. Три дамы устроили себе пьяную ночь, рассказчик усмотрел в этом пикантную ситуацию, а публика от души развлеклась. Актеры поневоле, лукавый автор, способная оценить юмор публика — всё это соединилось в Париже. В этом — вся привлекательность парижской жизни, веселой и полной неожиданностей, и данной особенностью проникнута ее история со времен Средневековья.

Люди средневековой эпохи уже тогда сумели нам об этом рассказать, и лучше всего закончить книгу, представив слово Эсташу Дешану — поэту, который в конце XIV века выразил в стихах свое сожаление от расставания со столицей:

Прощай, любовь, и вы, мои милашки,
Прощайте, бани, рынок, Большой мост,
Прощай, камзол, штаны, сорочки, пряжки,
Прощайте, зайцы, рыба, если пост.
Прощайте, седла, сбруя наборная,
Прощайте, танцы, ловкие прыжки,
Прощай, перина, пух и плоть живая,
Прощай, Париж, прощайте, пирожки.

Прощайте, шляпы, что пестрят цветами,
Прощай, вино, и брага, и друзья,
Прощайте, рыбаки с сетями и садками,
Прощайте, церкви, в дальние края
Я понесу святых благословенье.
Прощайте, жаркие, заветные деньки!
Я в Лангедок плетусь по принуждению.
Прощай, Париж, прощайте, пирожки...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПАРИЖ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ. XIII—XV ВЕКА	11
Глава первая. Пространство, четко очерченное властями и освоенное парижанамн ...	12
Городская стена определяет облик города в XIII веке	12
Пространство и рост города в XIII веке	14
Свидетельства о преобразованиях	17
Обычные участники парижского градостроительства ...	20
Париж — город свободных людей	23
Радости и несчастья большого города в конце Средневековья	27
Парижане у себя дома	29
Глава вторая. Уличные сценки: чудеса и опасности парижской жизни ...	37
Изображения и литературные тексты: приукрашенное свидетельство	37
Проза парижской жизни	43
Парижские улицы в нормативных документах	44
Парижские улицы: пространство жизни, преступлений и правосудия	49
Парижские улицы: пространство религии и политики ...	53
Глава третья. Парижане ...	58
Сплошь провинциалы .	58
Эффективная система заселения	61
Большой город поглощает чужаков и выделяет личности	63
Анекдоты парижской жизни конца Средневековья .	67
Парижане между современностью и бременем традиций	75
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БРЕМЯ НАВЯЗАННОЙ ИЕРАРХИИ	81
Глава четвертая. Мир денег: те, у кого они есть, и те, кому их не хватает	83
Крупная парижская буржуазия .	84
Международные финансисты и королевские казначеи ..	92
Мещане	95
От достатка к выживанию: бедняки и обнищавшие ..	99
Глава пятая. Мир власти ...	103
Париж — резиденция короля	104
Слуги короля	106

Дворянство	111
Прокуроры, приставы, чиновники и прочие представители власти	112
Глава шестая. Мир Церкви	119
Церковные иерархи в столице	120
Церковь — парижский феодал	123
Многочисленное клерикальное население, полное контрастов	126
Религиозная жизнь задает ритм жизни парижан	129
Учащиеся и ученые	133
Церковь и благотворительность	138
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТРУДОВЫЕ БУДНИ	142
Глава седьмая. В лавке и в мастерской: труд ради хлеба насущного	145
Дом — место труда и проживания	146
Мир ремесленников	151
Ученики	152
Подручные и подмастерья на жалованье	161
Мастера, присяжные и смотрители	165
Вне цехов: прислуга и поденщики .	166
Бурный мир труда	172
Глава восьмая. Система солидарности, навязанные связи и личные привязанности	176
Семейный круг, более узкий, а потому менее тесный	177
Обычные парижанки времен Филиппа Красивого	182
Женщины, менее подчиненные семье	183
Женщины, обретшие свободу благодаря труду	187
Избранные связи и необходимая взаимозависимость: объединения и товарищества	195
Глава девятая. Образ жизни	203
Частное, личное и общинное	204
Жилище: от дворца до хижины	206
Замкнутое и открытое пространство: частное и общественное	209
Повседневная жизнь в ее заурядности	216
Пропитание	217
Жилье, одежда	226
Каждодневный труд	230
Ход времени: будни и праздники, труд и отдых	234
Обычные дни, необыкновенные моменты	241
Заключение	245

Ру С.

Р 82 Повседневная жизнь Парижа в Средние века / Симона Ру; пер. с фр. Е. В. Колодочкиной. — М.: Молодая гвардия, 2008. — 252[4] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03100-5

Симона Ру, историк, специалист по средневековому Парижу, показывает нам столицу Франции того времени, которая не была ни переплетением грязных узких улочек, ни идиллическим городом, аккуратным и живописным, словно сошедшим с миниатюры. Писательница рассказывает, как жители ориентировались в городе, когда улицы еще не имели названий, а карт и планов не существовало. На этой территории соперничали друг с другом власти — король, церкви, монастыри, феодалы, а грандиозные здания и величественные сооружения еще не являлись памятниками архитектуры, а были зримыми символами их могущества. Под пером Симоны Ру возрождается живая картина Парижа, которого больше нет, но который уже в те далекие времена был предвестником современного мира.

**УДК 94(44)“653”
ББК 63.3(4Фра)4**

Ру Симона

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПАРИЖА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Главный редактор А. В. Петров

Редактор Е. В. Смирнова

Художественный редактор И. И. Сулов

Технический редактор В. В. Пилкова

Корректоры Т. И. Малиренко, Т. В. Рахманова

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 12.11.2007. Подписано в печать 05.02.2008. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 13,44+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 83097.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03100-5

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Малявин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КИТАЯ В ЭПОХУ МИН**

У. Макдональд

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА**

Л. Реньё

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ**

И. Курукин, Е. Никулина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ**

Ж. Мартино

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НА ОСТРОВЕ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ**

А. Каспи

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
В ЭПОХУ «СУХОГО ЗАКОНА»**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Вульф

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ**

Ж. Каркопино

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА
В ЭПОХУ ИМПЕРИИ**

П. Фор

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АРМИИ АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО**

Н. Никитина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО
В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ**

О. Елисеева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ
В ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕКАТЕРИНЫ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru> dse1@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

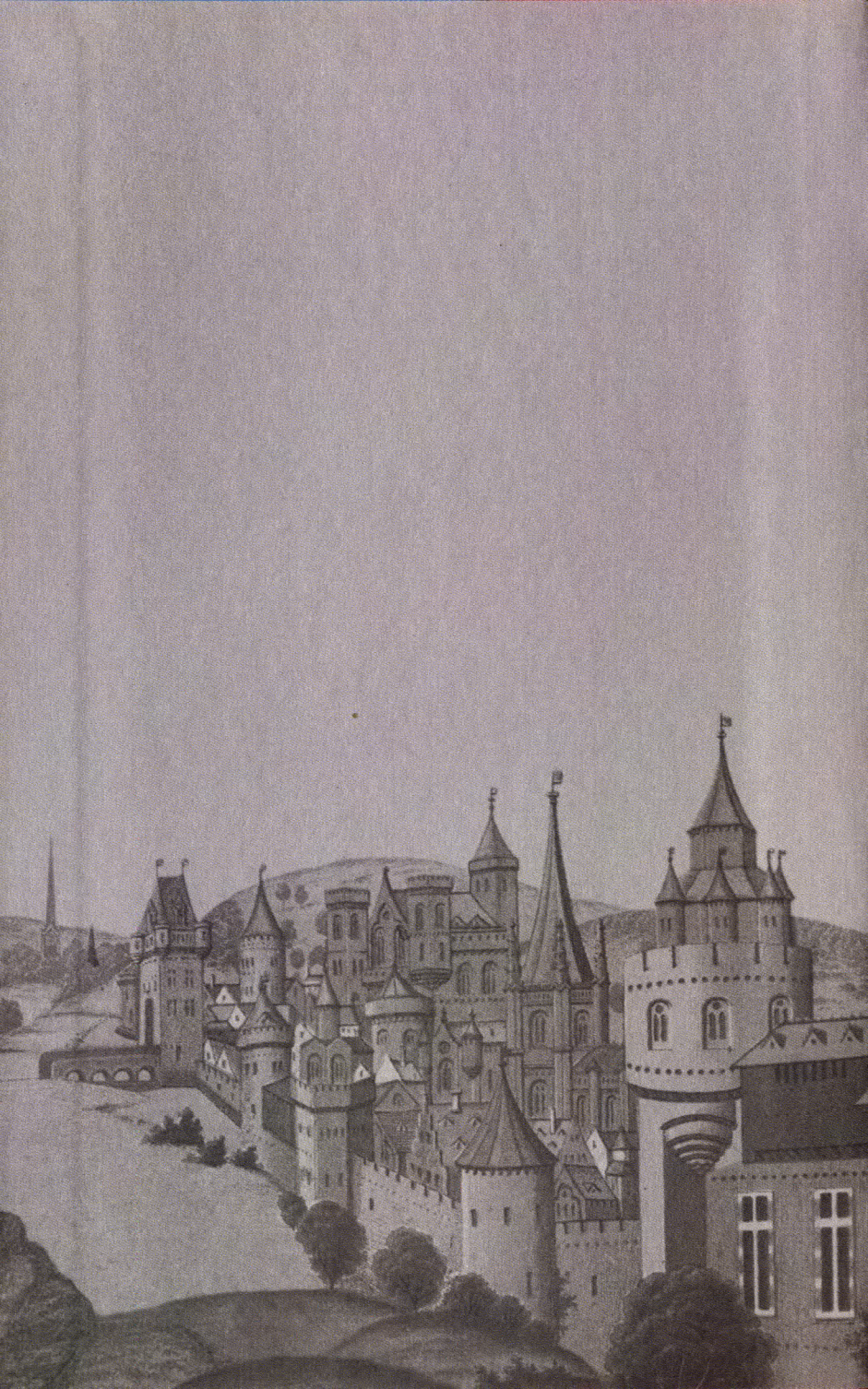

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Ж. Мартино
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НА ОСТРОВЕ
СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ
ПРИ НАПОЛЕОНЕ

Ж. Карколино
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА
В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

Л. Реньё
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОТЦОВ-ПУСТЫННИКОВ

В. Малявин
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КИТАЯ
В ЭПОХУ МИН'

О. Елисеева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЛАГОРОДНОГО СОСЛОВИЯ
В ЗОЛОТОЙ ВЕК
ЕКАТЕРИНЫ

И. Курукин, Е. Никулина
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАЙНОЙ
КАНЦЕЛЯРИИ

ISBN 978-5-235-03100-5

9 785235 031005 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ